

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПСИХОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ**

Выпуск XIII

***ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
СОПРОВОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ***

Сборник научных материалов

Ярославль
2022

УДК 159.9; 159.99; 377; 378 Печатается по решению редакци-
ББК 88.4; 88.53; 88.8 онно-издательского совета ЯГПУ
А 43 им. К.Д. Ушинского

**Актуальные проблемы психологии образова-
ния. - Выпуск XIII. Психологическое сопровожде-
ние современной семьи : сборник научных материа-
лов / под науч. ред. доктора психологических наук, про-
фессора Н.В. Нижегородцевой. – Ярославль : РИО
ЯГПУ, 2022. – 243 с.
ISBN 978-5-00089-569-6**

В сборнике представлены научные материалы участников II-ой межрегиональной панельной дискуссии с международным участием для преподавателей ВО и СПО, практических работников образования, студентов, магистрантов и аспирантов (25 февраля 2022, г. Ярославль), посвященные актуальным проблемам психологии современной семьи в науке и в сфере практической деятельности психолога, обусловленных социокультурными изменениями современного обществ. Материалы сборника содержат новые теоретические подходы и методы исследования, оригинальный эмпирический материал, примеры практического использования результатов научных исследований системогенеза учебной деятельности для решения практических задач образования.

Опубликованные в сборнике материалы могут быть полезны преподавателям, аспирантам, студентам, магистрантам вузов и практическим работникам образования.

УДК 159.9; 159.99; 377; 378
ББК 88.4; 88.53; 88.8

ISBN 978-5-00089-569-6 © ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», 2022
© Авторы материалов, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Азарных Т.Д. ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЕ СТРЕССЫ, ВЫЗВАННЫЕ СМЕРТЬЮ РОДСТВЕННИКОВ, У СТУДЕНТОВ	7
Афанасьева Д. В. ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ НА ПРОБЛЕМУ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛОРОЛЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДЕВОЧЕК, ВЫРОСШИХ В НЕПОЛНЫХ СЕМЬЯХ БЕЗ ОТЦА	20
Волнухина Н.А., Жукова Т.В. МЕНТАЛИЗАЦИЯ ПОДРОСТКОВ ИЗ ЗАМЕЩАЮЩИХ И КРОВНЫХ СЕМЕЙ	30
Горюнова Ю.В. ДЕСТРУКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РОДИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В СИТУАЦИИ ВЫСОКОКОНФЛИКТНОГО РАЗВОДА	36
Дворникова Е.В. ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В МОЛОДОЙ СЕМЬЕ С РЕБЕНКОМ	44
Екимчик О.А., Шипова Н.С. ОСОБЕННОСТИ ДИАДИЧЕСКОГО КОПИНГА ПАР ТИПИЧНО И АТИПИЧНО РАЗВИВАЮЩИХСЯ ПАРТНЕРОВ В БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЯХ	51
Ерофеева А.Г., Корнеева Е.Н. КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ ФЕНОМЕНА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ	59
Жукова Т.В. ЦЕННОСТИ СЕМЬИ В СТРУКТУРЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ УЧАЩИХСЯ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА	65

Зверева И.И. СОТРУДНИЧЕСТВО СЕМЬИ С ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ДО- ШКОЛЬНИКА	74
Камакина О.Ю. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖ- ДЕНИЕ СЕМЬИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИ- ЗАЦИИ КАК УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ И УКРЕП- ЛЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ ШКОЛЬНИКОВ	81
Коваленко Н.А. НЕПРИЯТИЕ ПОДРОСТКАМИ СВОЕГО ПОЛА: ЧТО ДЕЛАТЬ ВЗРОСЛЫМ, НАХОДЯЩИМСЯ РЯДОМ?	87
Коновалова А.М. ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЙ СУПРУЖЕСКОЙ ИЗМЕНЫ В СОВРЕМЕННЫХ СЕ- МЬЯХ	93
Куфтяк Е.В. ПРИВЯЗАННОСТЬ К МАТЕРИ И БЛАГОПОЛУ- ЧИЕ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ	101
Лебедева К. С, Сольнин Н.Э. ВЗАИМОСВЯЗЬ ФАКТОРОВ СЕМЕЙНОЙ СИТУА- ЦИИ РАЗВИТИЯ И ПРОКРАСТИНАЦИИ В ЮНО- ШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ	106
Ледовская Т.В. ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГО- ПОЛУЧИЯ У МУЖЧИН, НАХОДЯЩИХСЯ В БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ РАЗНЫХ ФОРМ	115
Леонова Т.И. ЦЕННОСТЬ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ С ИН- ВАЛИДИЗИРУЮЩЕЙ ТРАВМОЙ	123
Лесин А.М. ЦЕННОСТЬ ЛЮБВИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ МОЛО- ДЫХ ЛЮДЕЙ	129

Миронова Т.О., Коновалова А.М. ВЫБОР СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТ- НЫХ СИТУАЦИЯХ У СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТ- КОВ	134
Мисиюк Ю.В., Одинцова О.Ю. РОДИТЕЛЬСКИЙ СТРЕСС В КОНТЕКСТЕ ПОВСЕ- ДНЕВНЫХ СТРЕССОРОВ	142
Морозова З. А., Крюкова Т. Л. АБОРТ У МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН: ЗА И ПРОТИВ (ДИСКУССИЯ О ПОСЛЕДСТВИЯХ)	149
Нестерова А.О., Нижегородцева Н.В. РОЛЬ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТ- НОСТИ ПОДРОСТКОВ	158
Одинцова О.Ю., Мисиюк Ю.В. ОТЦОВСКАЯ ВОВЛЕЧЕННОСТЬ НА ЭТАПЕ ПЕ- РЕХОДА К РОДИТЕЛЬСТВУ: ПОНЯТИЕ, СТРУК- ТУРА, ДИНАМИКА	165
Опекина Т.П., Силина Е.А. ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ НАСИЛИЕМ И ГЕНДЕР- НЫМИ УСТАНОВКАМИ ПАРТНЕРОВ В БЛИЗ- КИХ ОТНОШЕНИЯХ	173
Пакина А.Н. ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ И ОСОБЕННО- СТИ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ У СУПРУГОВ В СОВРЕ- МЕННОЙ СЕМЬЕ	180
Панова О.Б. ОСОБЕННОСТИ АКЦИОСФЕРЫ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖ- ДЕННЫХ	191
Покровская С.Е., Коваль Ю.И. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛО- ДЕЖИ О СОВРЕМЕННОМ РОДИТЕЛЬСТВЕ	198
Прудникова А.В. РОЛЬ СЕМЬИ В ФОРМИРОВАНИИ КОНФЛИКТ- НОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ	205

Рыжкова Н.Р., Ледовская Т.В. ВЛИЯНИЕ ОБРАЗА ОТЦА НА ОБРАЗ БУДУЩЕГО СУПРУГА У ДЕВУШЕК ЮНОШЕСКОГО ВОЗ- РАСТА	212
Савицкая Н. И. РАБОТА ПСИХОЛОГА С РОДИТЕЛЯМИ, ВОСПИ- ТЫВАЮЩИМИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ	218
Тимофеева О.А. ЦЕННОСТИ СЕМЬИ У СТУДЕНТОВ И ПРЕДСТА- ВИТЕЛЕЙ СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ	224
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	231

Азарных Т.Д.

**ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЕ СТРЕССЫ,
ВЫЗВАННЫЕ СМЕРТЬЮ РОДСТВЕННИКОВ,
У СТУДЕНТОВ**

Аннотация. Смерть родственников с разной степенью родства (не только отец, мать, братья, сестры, но и бабушки, дедушки, дяди, тети) может инициировать развитие посттравматического стресса (ПТС). У студентов на долю этих ПТС приходится 28,8% от всех ПТС у девушек и 20,8% – у юношей. Длительность их течения составляет несколько лет, т.е. в значительном проценте случаев ПТС сформировались еще в период учебы в школе. Наиболее тяжелым течением у девушек отличаются ПТС, вызванные смертью матери, у юношей – сиблингов. ПТС, вызванные смертью, увеличивают частоту встречаемости суицидальных идей (СИД), которая не зависит от степени родства. Определить возможную группу с наличием ПТС можно по наличию высокой тревожности.

Ключевые слова: посттравматические стрессы, смерть родственников, суицидальные идеи, пол, студенты.

Azarnykh T.D.

**POSTTRAUMATIC STRESS CAUSED BY DEATH OF
RELATIVES AMONG STUDENTS**

Annotation. Death of relatives with different degree of kin (not only father, mother, siblings, but grandparents, aunts, uncles) can initiate the development of posttraumatic stress (PTS). Young women experience the most painful course of PTS in relation to mother's death and young men experience it when siblings die. PTS caused by death

increases the incidence of suicidal ideation, but this incidence does not depend on the degree of kin.

Keywords: Posttraumatic stress, death of relatives, suicidal ideation, biological sex, students.

В мировых эпидемиологических исследованиях (в которых Россия не принимает участия) установлено, что посттравматическое стрессовое расстройство ПТСР (являющееся крайней выраженностью посттравматических стрессов ПТС [Тарабрина, 2008]), может быть инициировано неожиданной смертью близких [Kessler, 2014]. Однако поскольку как в течении ПТСР, так и в стрессах, вызывающих его, установлены культуральные особенности [Rajkumar; 2013; Kawakami, 2014], а также влияние социодемографических факторов в виде уровня доходов страны [Atwoli, 2015], пола [Elklit, 2002], возраста [Nooner, 2012], то вопрос о том, кто входит в этот ближний круг, остается открытым.

Целью исследования являлось изучение влияния степени родства на тяжесть течения ПТС, вызванных смертью, у студентов с учетом пола.

Определялась выраженность следующих 22 показателей: ПТС по двум специфичным для него шкалам 1) Миссисипская (MS) [Keane, 1988], гражданский вариант [Vreven, 1995], 2) оценки влияния травматических событий (ШОВТС или IES-R) с субшкалами вторжение IN, избегание AV, физиологическая реактивность AR [Horovitz, 1979; Marmar, 1996], а также коморбидных 3) депрессии BDI с субшкалами аффективно-когнитивной А-С и соматической S-P [Beck, 1961], 4) психопатологической симптоматики SCL-90-R (9 симптомокомплексов: соматизации SOM, обсессивности-компульсивности О-С, межличностной сензитивности INT, депрессии DEPR со шкалой ее дополнительной диагностики ADD, тревожности ANX, враждебности HOS, фобической тревожности PNOB, паранойальности PAR, психотизма PSY и 3 обобщенных индекса: общего количества симптомов PST, общего дистресса GSI, симптоматического дистресса PSDI) [Derogatis, 1974] (все опросники адаптированы на российских выборах в лаборатории психологии посттравматического стресса

ИП РАН [Практическое руководство, 2007]), 5) тревожности Тейлор MAS в сырых баллах (дополнительная шкала СМИЛ) (Taylor), в адаптации Собчик Л.Н. [Собчик, 2001], а также наличие суицидальных идей СИД по утвердительным ответам на вопрос о суициде в опросниках MS, BDI, SCL-90-R. ПТС вызваны стрессами, связанными со смертью родственников (наихудший случай). Во всех случаях после стресса, инициировавшего ПТС, прошло не менее 6 месяцев.

Исследования проведены на студентах государственных вузов г. Воронеж дневной формы обучения инженерных и экономических специальностей в возрасте 18-20 лет. Всего в исследовании приняло участие 1002 чел. (137 девушек, 30 юношей в группе с ПТС, 549 и 286 соответственно – контрольной).

При статистической обработке данных (SPSS, версия 13) проводился однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA, метод контрастов), а также вычисление среднего арифметического M и стандартного отклонения SD , при этом достоверность разницы между группами определялась с помощью критерия t Стьюдента или U Манна-Уитни {в последнем случае при отклонении данных от закона нормального распределения (по критерию Колмогорова-Смирнова)}.

Установлено, что независимо от пола в выраженности психометрических показателей между группами контрольной и с ПТС, вызванными смертью родственников с разной степенью родства, существует статистически значимая разница: у девушек в случае с матерью и других родственников (дедушки, бабушки, дяди, тети) по всем 18, сиблингов – 16, отца – 15, юношей – 1, 12, 15, 11 соответственно (таблица).

Выраженность (в баллах) психометрических показателей ПТС в группах, вызванных смертью родственников, и контрольной с учетом пола

Показатели	Девушки																		
	Контрольная группа		Группы ПТС, вызванные смертью:								Достоверность разницы между группами контрольной и с ПТС, вызванными смертью:								
			матери (1)		отца (2)		других родственников (3)		сиблингов (4)		матери (1)		отца (2)		других родственников (3)		сиблингов (4)		
	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD	U / t	p**	U / t	p	U / t	p	U / t	p	
MS	75,5	11,89	96,1	22,76	82,2	16,4	91,4	20,5	85,9	16,27	2712,5	,000	7796	,018	8765	,000	3,398	,001	
SOM	0,48	0,391	1,04	0,699	0,72	0,494	0,81	0,551	0,76	0,45	2996	,000	7128	,002	10742,5	,000	2639,5	,006	
O-C	0,58	0,43	1,26	0,615	0,9	0,608	0,99	0,62	0,9	0,477	2057,5	,000	6993,5	,001	10098	,000	2634	,006	
INT	0,72	0,529	1,43	0,799	0,95	0,729	1,19	0,759	0,94	0,45	2789	,000	8456,5	,087	10564,5	,000	2991	,029	
DEPR	0,53	0,436	1,29	0,801	0,88	0,724	0,96	0,644	0,78	0,377	2360	,000	7288,5	,004	9789	,000	2666	,007	
ANX	0,45	0,426	1,15	0,743	0,74	0,648	0,87	0,603	0,91	0,508	2404	,000	7620	,011	9226	,000	1733	,000	
HOS	0,48	0,422	1,27	0,924	0,71	0,628	0,85	0,655	0,71	0,401	2571	,000	8241	,052	10402	,000	2792,5	,012	
PHOB	0,2	0,277	0,61	0,639	0,34	0,454	0,42	0,477	0,38	0,265	3118,5	,000	8658	,112	12283	,000	2542,5	,002	
PAR	0,48	0,438	1,29	0,792	0,8	0,673	0,92	0,625	0,67	0,285	2150,5	,000	7545,5	,008	9503	,000	2824,5	,014	
PSY	0,28	0,331	0,91	0,735	0,52	0,542	0,53	0,482	0,39	0,326	2724,5	,000	7817	,017	10904,5	,000	3391,5	,115	
ADD	0,39	0,396	1,08	0,804	0,64	0,618	0,8	0,609	0,59	0,372	2534,5	,000	7708	,013	9920,5	,000	2798,5	,012	
PST	30,8	17,01	55,7	21,05	41,1	22,69	45,3	19,38	41,4	10,07	2134,5	,000	7505	,008	9519	,000	2,477	,014	
PSDI	1,3	0,305	1,74	0,551	1,48	0,371	1,57	0,411	1,54	0,347	2764,5	,000	7073	,002	10196,5	,000	2396,5	,002	
GSI	0,47	0,319	1,1	0,646	0,71	0,487	0,79	0,455	0,69	0,264	2128	,000	7312	,004	9399	,000	2291	,001	
IN	–	–	20,2	9,5	13,7	8,78	14,6	8,44	16,9	9,28	–	–	–	–	–	–	–	–	
AV	–	–	22,8	6,52	18,2	8,35	17,3	8,27	19,4	7,2	–	–	–	–	–	–	–	–	

AR	–	–	16,3	7,64	9,3	8,68	11,6	7,31	12,0	8,67	–	–	–	–	–	–	–	–
IES-R	–	–	59,3	21,08	41,2	22,37	43,6	20,73	48,3	20,93	–	–	–	–	–	–	–	–
A-C	3,7	3,52	9,4	7,18	5,4	4,56	6,7	5,13	6,8	4,33	2748,5	,000	7696,5	,013	10547	,000	2404	,002
S-P	2,1	2,13	5,0	3,33	3,2	3,18	4,2	3,23	2,8	2,38	2810,5	,000	7780	,016	9951,5	,000	3606	,217
BDI	5,7	5,09	14,3	10,24	8,6	7,23	11,3	7,61	9,5	6,33	2705	,000	7509	,008	9253	,000	2744	,010
MAS	18,0	6,84	24,5	9,16	19,1	8,12	23,8	7,15	22,8	7,62	3043	,000	9110,5	,563	6,103	,000	2,775	,006
Время	–	–	6,7	4,54	4,4	3,7	3,7	2,8	4,6	4,03	–	–	–	–	–	–	–	–
N	549/537*	22/21		37/35		62/58		16/16			–	–	–	–	–	–	–	–

Примечания: * – здесь и далее везде после косой черты только для MAS (уменьшение численности связано с исключением из выборки лиц с сомнительными и недостоверными профилями СМЛ); ** – здесь и далее везде ноль перед запятыми опущен

продолжение таблицы

Показатели	Девушки															
	ANOVA (метод контрастов)															
	Достоверность разницы между группами ПТС, вызванными смертью:															
	матери и									отца и						
	отца (1 – 2)			других родствен- ников (1 – 3)			сублингов (1 – 4)			других родствен- ников (2 – 3)			сублингов (2 – 4)			
t	df	p	t	df	p	t	df	p	t	df	p	t	df	p		
MS	2,657	”	,009	,975	”	,331	1,608	”	,110	2,278	”	,024	,625	”	,533	
SOM	2,187	”	,030	1,69	”	,093	1,530	”	,128	,810	”	,419	,288	”	,774	

O-C	2,217	”	,028	1,79	”	,076	1,814	”	,072	,736	”	,463	,003	”	,997
INT	2,416	”	,017	1,35	”	,180	2,024	”	,045	1,522	”	,130	,048	”	,962
DEPR	2,254	”	,026	1,96	”	,052	2,324	”	,022	,581	”	,562	,524	”	,601
ANX	2,474	”	,015	1,84	”	,069	1,170	”	,244	1,014	”	,313	,941	”	,348
HOS	2,489	32,69	,018	1,94	28,84	,062	2,519	30,44	,017	1,039	78,38	,302	,023	43,34	,981
PHOB	1,717	33,70	,095	1,26	29,71	,216	1,553	29,79	,131	,817	78,86	,417	,314	46,15	,755
PAR	2,426	38,73	,020	1,98	30,78	,056	3,404	27,92	,002	,882	71,42	,381	1,019	51,0	,313
PSY	2,115	34,68	,042	2,24	27,68	,033	2,907	30,74	,007	,039	68,92	,969	1,093	45,36	,280
ADD	2,180	35,75	,036	1,49	29,98	,146	2,505	31,38	,018	1,204	74,97	,232	,394	45,27	,696
PST	2,497	46,97	,016	2,03	34,32	,050	2,780	31,88	,009	,941	66,42	,350	,059	50,91	,953
PSDI	2,252	”	,026	1,57	”	,118	1,438	”	,153	1,042	”	,300	,447	”	,655
GSI	2,474	35,23	,018	2,05	28,73	,049	2,680	29,58	,012	,886	71,78	,378	,146	48,14	,885
IN	2,765	”	,007	2,57	”	,011	1,138	”	,257	,513	”	,609	1,239	”	,218
AV	2,124	”	,036	2,76	”	,007	1,305	”	,194	,550	”	,583	,477	”	,634
AR	3,309	”	,001	2,41	”	,018	1,661	”	,099	1,416	”	,159	1,153	”	,251
IES-R	3,167	”	,002	2,99	”	,003	1,575	”	,118	,534	”	,594	1,120	”	,265
A-C	2,323	31,25	,027	1,59	28,97	,123	1,395	35,0	,172	1,330	82,91	,187	1,021	29,98	,315
S-P	2,115	”	,036	,91#	”	,363	2,131	”	,035	1,651	”	,101	,438	”	,662
BDI	2,717	”	,007	1,55	”	,123	1,865	”	,064	1,667	”	,098	,396	”	,692
MAS	2,534	/”	,013	,376	/”	,708	,660	/”	,511	2,821	/”	,006	1,592	/”	,114
Время	2,006	37,44	,052	2,98	26,88	,006	1,506	34,46	,141	1,112	60,66	,271	,159	26,41	,875

Примечания: # – здесь и далее везде нуль перед запятыми опущен; ” – df (число степеней свободы) = 133, /” – df = 126 (только для MAS)

продолжение таблицы

Показатели	Юноши																	
	Контрольная группа		Группы ПТС, вызванные смертью:								Достоверность разницы между группами контрольной и с ПТС, вызванными смертью:							
			матери (1)		отца (2)		других родственников (3)		сиблингов (4)		матери (1)		отца (2)		других родственников (3)		сиблингов (4)	
	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD	U / t	p	U / t	p	U / t	p	U / t	p
MS	73,3	11,22	88,3	36,25	90,3	15,93	85,2	7,73	94,6	16,68	2,524	,012	5,031	,000	3,160	,002	4,172	,000
SOM	0,32	0,293	0,21	0,198	0,51	0,302	0,56	0,399	1,15	0,622	479	,574	1027	,018	781,5	,043	85,5	,001
O-C	0,48	0,429	0,6	0,572	0,66	0,45	0,67	0,469	0,98	0,239	501	,668	1222,5	,090	949,5	,178	198,5	,005
INT	0,49	0,42	0,44	0,24	0,69	0,544	1,02	0,674	0,81	0,538	522	,763	1310	,163	597,5	,006	405,5	,095
DEPR	0,33	0,324	0,33	0,368	0,65	0,471	0,54	0,456	0,87	0,555	566,5	,973	936,5	,007	853	,083	245,5	,011
ANX	0,23	0,278	0,23	0,05	0,57	0,447	0,46	0,293	0,72	0,409	435	,399	785	,001	633	,008	185,5	,004
HOS	0,33	0,371	0,29	0,159	0,65	0,392	0,69	0,429	0,7	0,431	484	,589	890	,004	619,5	,007	334	,037
PHOB	0,12	0,185	0,19	0,15	0,3	0,239	0,25	0,333	0,31	0,235	378	,190	935	,003	1000,5	,201	358,5	,032
PAR	0,43	0,425	0,46	0,438	0,65	0,505	0,8	0,406	0,57	0,346	514,5	,726	1212	,081	618,5	,007	509	,263
PSY	0,18	0,243	0,33	0,263	0,49	0,373	0,51	0,344	0,54	0,451	311	,102	809	,001	438	,000	245	,009
ADD	0,29	0,31	0,18	0,18	0,61	0,956	0,44	0,36	0,54	0,396	482,5	,583	1397	,265	858,5	,083	389,5	,075
PST	22,5	15,41	24,8	16,24	36,7	16,18	38,9	16,20	47,2	11,90	507	,696	838,5	,003	569,5	,004	145,5	,002
PSDI	1,21	0,314	1,13	0,107	1,27	0,488	1,28	0,252	1,42	0,23	503	,677	1220	,088	1026,5	,298	340	,043
GSI	0,32	0,249	0,33	0,237	0,58	0,34	0,59	0,341	0,76	0,246	535	,824	857	,003	621	,008	145	,002

IN	–	–	12,3	9,98	11,1	8,74	8,1	3,69	11,2	5,68	–	–	–	–	–	–	–	–
AV	–	–	15,3	9,29	18,7	8,06	18,8	8,06	15,2	11,26	–	–	–	–	–	–	–	–
AR	–	–	10,5	8,74	8,4	7,26	6,7	3,94	12,4	7,4	–	–	–	–	–	–	–	–
IES-R	–	–	38,0	26,85	39,0	22,37	33,6	12,72	38,8	22,73	–	–	–	–	–	–	–	–
A-C	3,1	3,09	2,5	1,73	6,7	4,74	5,8	2,33	8,6	6,5	555,5	,920	836	,002	530,5	,002	304	,026
S-P	1,3	1,9	1,0	0,82	2,3	2,18	1,4	1,33	3,6	2,07	520,5	,741	1247	,086	1039	,293	237	,006
BDI	4,4	4,36	3,5	2,38	8,9	6,45	7,2	2,86	12,2	8,29	561,5	,949	901	,005	606	,007	273,5	,017
MAS	13,2	6,03	14,0	6,68	16,5	7,9	17,6	6,56	24,3	8,5	493	,792	1240	,185	733,5	,047	137	,011
Время	–	–	2,1	2,02	3,6	1,83	3,3	1,66	2,4	1,71	–	–	–	–	–	–	–	–
N	286/267*	4/4*			12/12*		9/9*		5/4*		–	–	–	–	–	–	–	–

окончание таблицы

Показатели	Юноши											
	ANOVA (метод контрастов***), достоверность разницы между группами ПТС, вызванными смертью:											
	матери и						отца и				сиблингов и	
	отца (1 – 2)		других родственников (1 – 3)		сиблингов (1 – 4)		других родственников (2 – 3)		сиблингов (2 – 4)		других родственников (3 – 4)	
	t	p	t	p	t	p	t	p	t	p	t	p
SOM	1,327	,196	1,522	,140	3,603	,001	,337	,739	3,101	,005	2,693	,012
PST	1,322	,198	1,507	,144	2,144	,042	,323	,749	1,268	,216	,954	,349
A-C	2,575	,022	2,816	,023	2,010	,104	,565	,579	,602	,570	,937	,395

df _{A-C}	13,58	–	7,87	–	4,69		16,85	–	5,86	–	4,58	–
S-P	1,193	,244	,407	,687	2,135	,042	1,006	,324	1,397	,174	2,129	,043
BDI	2,452	,028	2,440	,045	2,235	,078	,810	,430	,792	,458	1,300	,256
Время	1,438	,162	1,128	,269	,230	,820	,345	,733	1,269	,216		

Примечания: приведены только те показатели, по которым установлена разница хотя бы в одном случае (из-за ограничений на объем статьи); *** – df (число степеней свободы) = 26 (если дополнительно не указано)

При этом у девушек разница установлена по ключевым показателям: специфичной для ПТС MS, а также коморбидным тревожности MAS, психопатологической симптоматике в общем (индексы PST, GSI, PSDI), депрессии BDI. У юношей во всех случаях разница существует по специфичной для ПТС MS, кроме того три остальные группы отличаются от контрольной по выраженности психопатологической симптоматики в общем (индексы PST, GSI) и конкретно отдельных симптомокомплексов (SOM, ANX, NOS, PSY), а также депрессии BDI и ее субшкалы А-С.

Установленная выраженность психометрических показателей в группах с ПТС сопоставима с литературными данными [Тарабрина, 2008]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что ПТС могут быть вызваны как смертью матери, отца, сиблингов, так и родственников с более далекой степенью родства, в частности, дедушек, бабушек, дядей и тетей, при этом частота встречаемости их составляет (%), перед косой чертой – данные по девушкам, после – юношам): 16,1/13,3, 27/40, 11,7/16,7, 17,5/10, 19/13,3, 8,8/6,7 соответственно. Эта группа ПТС составляет 28,8% от всех ПТС у девушек и 20,8% – у юношей.

Для установления степени тяжести течения ПТС в отдельных группах, выделенных по степени родства с умершим, были проанализированы данные по четырем группам (ANOVA, метод контрастов).

У девушек статистически значимая разница из возможных 22 показателей установлена по 21 в паре групп ПТС, вызванных смертью матери и отца, матери и других родственников – 7, матери и сиблингов – 9, везде в большую сторону в первой группе. Между группами ПТС, вызванными смертью отца и двумя другими, разница установлена только в паре отец – другие родственники по двум показателям (MS, MAS) в большую сторону во второй группе. Таким образом, наибольшей тяжестью у девушек отличаются ПТС, вызванные смертью матери.

У юношей статистически значимая разница установлена в паре групп сиблинги – мать по 3 показателям, сиблинги – отец и сиблинги – другие родственники – по 2, везде в большую сторону

в группе ПТС, вызванного смертью сиблингов. Полученные данные означают, что наиболее тяжелым течением отличаются ПТС, вызванные смертью сиблингов и наименее – матери.

Таким образом, разница по выраженности психометрических показателей между отдельными группами ПТС у девушек выражена сильнее, чем у юношей. Это может быть связано с наличием других факторов, оказывающих влияние на выраженность ПТС, что требует дополнительного исследования.

Длительность ПТС (по времени, прошедшему с момента смерти), независимо от пола составляет несколько лет, т.е. сам длительно текущий ПТС сформировался в большинстве случаев еще во время учебы в школе.

Наличие ПТС, вызванных смертью родственников более далекой степени родства, может быть связано с несколькими причинами. Либо, учитывая возраст выборки, отражают первую встречу со смертью, вызвавшую страх из-за крушения иллюзии о собственном бессмертии, либо может быть отражением российского менталитета: в воспитании детей участвуют в значительном проценте случаев бабушки и дедушки, а также дяди и тети, с которыми у детей и подростков возникают эмоционально близкие отношения.

ПТС, вызванные смертью родственников, независимо от пола сопровождаются увеличением частоты встречаемости СИД по сравнению с контрольной группой: 40,1% против 16,2% ($\chi^2 = 36,442$, $p = 0,000$) у девушек и 36,7% против 9,8% ($\chi^2 = 15,730$, $p = 0,000$) у юношей. Однако между отдельными группами ПТС статистически значимая разница в частоте встречаемости СИД отсутствует как у девушек ($\chi^2 = 2,166$, $df = 3$, $p = 0,539$), так и у юношей ($\chi^2 = 1,196$, $df = 3$, $p = 0,754$). Это значит, что независимо от пола суицидоопасными в равной степени являются все ПТС вне зависимости от степени родства с умершим.

Таким образом, ПТСР/ПТС, вызванные смертью родственников, встречаются и у студентов, при этом значительный процент случаев ПТС формируется еще в довузовский период. Полученные данные совпадают с результатами зарубежных исследований, проведенных на студенческих выборках [Frazier,

2009; Read, 2011]. Однако плохая информированность психологов о наличии ПТС в студенческой среде, затратная по времени их психодиагностика, а также то, что все ПТС сопровождаются выраженным избеганием (симптом избегания AV), проявляющимся в частности и в том, что об этом стрессе не хотят ни с кем говорить, приводят к тому, что лица с ПТС не попадают в поле зрения специалистов. Кроме того установленное наличие ПТС, вызванного смертью родственников, идущее из довузовского периода, ставит вопрос о диагностике ПТС среди подростков в школе. Поэтому встает вопрос о том, как определить возможную группу с наличием ПТС для дополнительной диагностики.

С определенной долей вероятности предположить наличие ПТС можно по наличию высокой тревожности MAS (поскольку наиболее частым показателем при мониторинге состояния у студентов является именно тревожность). Если у девушек в контрольной группе частота встречаемости ее высокого уровня (с 25 баллов) составляет 35,5% то в группе ПТС, вызванных смертью родственников, – 64,5% ($\chi^2 = 32,917$, $p = 0,000$). При этом между рассматриваемыми группами статистически значимая разница в частоте встречаемости ее высокого уровня отсутствует ($\chi^2 = 4,117$, $df = 3$, $p = 0,249$), т.е. на частоту встречаемости высокого уровня тревожности в группе ПТС, вызванных смертью родственников, степень родства не влияет.

У юношей в группе с ПТС частота встречаемости высокого уровня тревожности MAS (с 19 баллов) также выше: 41,4% и 22,5% ($\chi^2 = 4,105$, $p = 0,043$).

При этом у девушек в общей группе ПТС, вызванных смертью родственников, при высокой тревожности MAS частота встречаемости СИД выше и составляет 54,5% против 25,3% ($\chi^2 = 10,319$, $p = 0,001$). Таким образом, наличие высокой тревожности MAS позволяет выделить среди студентов обоего пола вероятную группу с наличием ПТС, у девушек также и с наличием СИД.

Выводы

1. Независимо от пола развитие ПТС может инициировать смерть родственников не только близкой степени родства (мать, отец, братья, сестры), но и более дальней (бабушки, дедушки,

дяди, тети). 2. На долю ПТС, вызванных смертью родственников, приходится 28,8% от всех ПТС у девушек и 20,8% у юношей. 3. Наибольшей тяжестью у девушек отличаются ПТС, вызванные смертью матери, юношей – сиблингов. 4. Независимо от пола ПТС, вызванные смертью родственников, сопровождаются увеличением частоты встречаемости СИД, и при этом на частоту их появления не влияет степень родства, т.е. суицидоопасными в равной степени являются все ПТС вне зависимости от степени родства с умершим. 5. Вероятную группу с наличием ПТС у студентов независимо от пола, у девушек также и с наличием СИД позволяет определить высокий уровень тревожности MAS.

Библиографический список:

1. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса / Н.В. Тарабрина, В.А. Агарков, Ю.В. Быховец и др. Ч. 1. Теория и методы. Москва : Когито-Центр, 2007. 208 с.
2. Собчик Л.Н. СМИЛ [компьютерная программа]. Лицензия № 05324. Москва : Ин-т прикладной психологии, 2001
3. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса: интегративный подход : дис. ... докт. психолог. наук / Тарабрина Надежда Владимировна. Санкт-Петербург, 2008. 356 с.
4. Atwoli, L. Epidemiology of posttraumatic stress disorder: prevalence, correlates and consequences / L. Atwoli, D.J. Stein et al. // *Current opinion in psychiatry*. 2015. Vol. 28. P. 307–311.
5. Kawakami, N. Trauma and posttraumatic stress disorder in Japan: Results from the World Mental Health Japan Survey / N. Kawakami, M. Tsuchiya et al. // *Journal of psychiatric research*. 2014. Vol. 53. P. 157–165.
6. Kessler, R. How well can post-traumatic stress disorder be predicted from pre-trauma risk factors? An exploratory study in the WHO World Mental Health Surveys / R.C. Kessler, S. Rose et al. // *World psychiatry: official journal of the World Psychiatric Association (WPA)*. 2014. Vol. 13(3). P. 265–274.

7. Landolt, M. Trauma exposure and posttraumatic stress disorder in adolescents: A National Survey in Switzerland / M.A. Landolt, U. Schnyder et al. // Journal of traumatic stress. 2013. Vol. 26(2). P. 209–216.
8. Nooner, K. Factors related to posttraumatic stress disorder in adolescence / K.B. Nooner, L.O. Linares et al. // Trauma, violence and abuse. 2012. Vol. 13(3). P. 153–156.
9. Rajkumar, A. Lessons from the 2004 Asian tsunami: Epidemiological and nosological debates in the diagnosis of post-traumatic stress disorder in non-Western post-disaster communities / A.P. Rajkumar, T.S.P. Mohan, P. Tharyan // International journal of social psychiatry. 2013. Vol. 59 (2). P. 123–129.
10. Read, J. Rates of DSM-IV-TR trauma exposure and posttraumatic stress disorder among newly matriculated college students / J.P. Read et al. // Psychological trauma : theory, research, practice, and policy. 2011. Vol. 3(2). P. 148–156.
11. Frazier, P. Traumatic events among undergraduate students: prevalence and associated symptoms / P. Frazier et al. // Journal of counseling psychology. 2009. Vol. 56(3). P. 450–460.

УДК 159.9

Афанасьева Д. В.

**ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ НА
ПРОБЛЕМУ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛОРОЛЕВОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ ДЕВОЧЕК, ВЫРОСШИХ В
НЕПОЛНЫХ СЕМЬЯХ БЕЗ ОТЦА**

Аннотация. Статья представляет собой обобщение современных идей и взглядов психологов на проблему гендерной идентичности девочек, растущих в неполной семье без отца. Были выявлены общие позиции современных психологов. Данная статья будет интересна психологам, интересующимся семейной и

детской психотерапией. В частности, эта статья станет полезной теоретической базой психологам, изучающим особенности формирования полоролевой идентичности детей, растущих в разных семейных условиях. Во время исследования был проведён теоретический анализ наиболее выдающейся научной литературы, тем самым стало возможным рассмотрение самых современных и актуальных исследований отечественных и зарубежных авторов. В результате проведенного анализа стали структурированы и понятны самые значительные мнения современных отечественных и зарубежных психологов. Так же в данной статье были изучены и выведены основные сходства и различия подходов отечественных и зарубежных психологов в вопросе формирования полоролевой идентичности у детей, растущих в разных семейных условиях.

Ключевые слова: пол, половая роль, полоролевая идентичность, неполная семья, психосексуальное развитие, феминность, маскулинность.

Afanasyeva D. V.

THE VIEW OF MODERN PSYCHOLOGY ON THE PROBLEM OF THE FORMATION OF GENDER IDENTITY OF GIRLS WHO GREW UP IN SINGLE-PARENT FAMILIES WITHOUT A FATHER

Annotation. The article is a generalization of modern ideas and views of psychologists on the problem of gender identity of girls growing up in a one-parent family without a father. As a result of the analysis of the literature, the common positions of modern psychologists were revealed. This article will be of interest to psychologists interested in the peculiarities of the formation of gender identity of children growing up in different family conditions. During the study, the most up-to-date and relevant studies of domestic and foreign authors were analyzed.

Keywords: gender, gender role, gender role identity, one-parent family.

Актуальность исследования имеет теоретический и практический аспекты. **Теоретический аспект актуальности** заключается: *во-первых*, - в отсутствии единого современного научного взгляда на проблему полоролевой идентичности детей, растущих в неполных семьях; *во-вторых*, - в недостаточной изученности общего пласта современных психологических исследований о формировании полоролевой идентичности детей, растущих в неполных семьях; *в-третьих*, - в необходимости определения общего вектора развития современной психологической науки в сфере изучения полоролевой идентичности детей.

Практический аспект актуальности обусловлен практическими аспектами консультативной психологии: *во-первых*, - необходимостью разработки теоретической базы по проблеме формирования полоролевой идентичности девочек, растущих в неполной семье без отца; *во-вторых*, - изучением и сравнением разных научных взглядов на особенности формирования полоролевой идентичности девочек, растущих в неполной семье без отца, для создания возможности более общего взгляда на данную проблему.

Теоретические основы исследования. До настоящего времени в вопросе полоролевой идентичности как отечественные, так и зарубежные психологи опираются на психоаналитическую теорию Зигмунда Фрейда, в частности, на теорию формирования либидо. Эта теория подразумевает собой особое состояние психики, при котором ребёнок начинает осознавать свою принадлежность к определённому полу и пробует реализовать себя как равного партнёра в романтических отношениях с ближайшими родственниками противоположного пола. По З. Фрейду возраст, соответствующий этим специфическим изменениям, равен 2-5 годам ребёнка. Стоит так же отметить, что Фрейд не имел ввиду равенство ребёнка и половозрелого человека, психосексуальное развитие ребёнка всё ещё остаётся инфантильным в этот период. Изучая **формирование полоролевой идентичности**, мы руководствуемся цитатой З. Фрейда, мотивирующей к исследованию и анализу современных исследований и взглядов, – «Известно,

что только с наступлением половой зрелости устанавливается резкое отличие мужского и женского характера, – противоположность, оказывающая большое влияние на весь склад жизни человека, чем что бы то ни было другое. Врожденные мужские и женские свойства хорошо заметны уже в детском возрасте; ... Больше, если бы мы были в состоянии придавать понятиям «мужской» и «женский» вполне определенное содержание, то можно было бы защищать также положение, что либидо всегда и закономерно по природе своей – мужское, независимо от того, встречается ли оно у мужчины или женщины и не зависит от своего объекта, будь то мужчина или женщина» [Фрейд, 1923, с. 81].

Опираясь на мнение Л.В. Градусовой можно сказать, что *полоролевою идентичностью* следует рассматривать как социально-психологический пол, где подразумеваются социально обусловленные характеристики человека по женскому или мужскому типу. Другими словами — это особый комплекс культурных и характерологических свойств, определяющих социальное поведение мужчин и женщин [Градусова, 2021, с. 8].

Изучение формирования полоролевой идентичности особенно сильно развито в исследованиях и работах зарубежных научных деятелей. С 1990-х гг., среди зарубежных авторов работ по гендерной психологии в основном были сторонники врожденной полоролевой дифференциации. Они исходили из того, что в вопросе полоролевой идентичности детей с рождения становится заметна некоторая склонность к специфическим особенностям в вербальных, когнитивных и эмоционально-волевых показателях. Эти способности и подталкивают ребёнка к заведомому выбору той или иной идентичности [Маккоби, 1975; Бренес, 1985, с. 44-46].

Стоит так же указать, что при взгляде на формирование полоролевой идентичности детей исследователи делятся на два направления: *психоаналитическое и статистическое*. [Зуев, 2009, с. 329].

Приверженцы *психоаналитического* подхода считают, что отец имеет вторичную роль в семье, выполняя функцию необходимого разрушения симбиотической связи матери и ребёнка

и показание положительного примера жизни вне симбиоза. Для девочек же отец является своеобразным проводником в мир взаимодействия с людьми другого пола [Зуев, 2009, с. 329].

Статистический же метод, распространённый в основном в США и западноевропейских странах, опирается только на статистические данные, которые говорят о том, что наличие отца в семье влияет на усвоение и применение полоролевых качеств. В частности, дети, не имеющие отца гораздо раньше и ярче воспринимают гендерные роли, чем дети, растущие в полной семье, как человек, не знающий языка, они пытаются изучить то, что не имели возможность видеть в своей семье [Зуев, 2009, с. 330].

Однако стоит отметить, что авторы и психоаналитического и статистического подхода в итоге приходят к очень схожим выводам: *во-первых*, первичное влияние на полоролевою идентичность имеют психологические, а не формальные факторы; *во-вторых*, между полоролевой идентичностью детей, растущих в полных и неполных семьях, есть определённая разница, хоть и не является слишком значительной; *в-третьих*, отличия психики детей, растущих в неполных семьях можно заметить по: более низкой самооценки, сложности построения собственной семьи в будущем, изменённым полоролевым стереотипам. [Зуев, 2009, с. 330].

Э. Маккоби и К. Джеклин в своей работе **«Психология половых различий»** впервые обобщили и описали большинство американских и европейских исследований и вывели, что девочки показывают лучшие результаты вербальных способностей, в то время как мальчики превосходят в визуально-пространственных. В то же время авторами было замечено, что при невозможности здорового обладания физиологическими признаками обоих полов наше сознание и психика имеет потенциал развития как по мужскому, так и по женскому типу полоролевой идентичности. Исход развития полоролевой идентичности ребёнка, по мнению Э. Маккоби и К. Жаклин, зависит от ряда биологических и социокультурных условий [Маккоби, 1975].

Т. В. Бендас в своём анализе исследований гендерной психологии отмечает, что существует две тенденции: **половая и сегрегации и конвергенции** полов. Однако в возрасте от года до двух лет обе эти тенденции не имеют особых отличий друг от друга, то есть дети одинаково обращают внимание на сверстников как своего, так и противоположного пола. С возрастом же тенденции проявляют себя ярче, дети начинают дифференцировать игры и занятия по половому признаку и чем старше становятся, тем чаще стремятся к игровому взаимодействию со сверстниками противоположного пола. Он доказал, что полоролевая идентичность не является только социальной структурой но и имеет определённые физиологические предпосылки [Бендас, 2009, с. 51-53].

В настоящее время проблемой полоролевой идентичности продолжают заниматься как отечественные, так и зарубежные психологи. Основываясь на научном пособии О. И. Ключко можно сделать вывод, что семья оказывает одно из важнейших влияний на формирование полоролевой идентичности ребёнка. Было выделено, что при родительском участии в формировании полоролевой идентичности матери и отцы обычно привержены одному из двух сценариев: **конформизм** (установка на общесоциальные установки и нормы) и **развитие личности** (установка на внутренние нормы поведения). О. И. Ключко так же выделяет пять взглядов на полоролевую норму детей для их матерей: *первый* – обязанность завести и девочке и мальчику семью в будущем, желательно так же иметь профессию; *второй* – тут основной взгляд падает на обязанности девочки быть матерью и хозяйкой, а мужские качества очень размыты и остаются на периферии; *третий* – чем-то схож с западной семьёй 60-х годов, где мужчина имеет роль хозяина и главы, а женщине главное «удачно выйти замуж» и вовремя оказывать поддержку мужу; *четвёртый* и *пятый* взгляды встречаются реже всего, где в четвёртом матери указывают важность мужа и жены быть хорошими и разносторонними людьми, а в пятом описываются общие размытые черты женственности и мужественности [Ключко, 2021, с. 45-47].

Так же было выделено, что особенности формирования полоролевой идентичности напрямую зависят от роли матери и

отца. Так, например дети, растущие в семье без отца (материнской семье), оказываются в более трудных условиях для формирования полоролевой идентичности, чем дети, растущие в полных семьях. Отмечается, что отсутствие отца в детстве напрямую связано с непониманием будущего мужа и сына, а также перенятия на себя девочкой более маскулинных форм поведения [Ключко, 2021, с. 50-52].

На основании проведенных исследований О. И. Ключко можно сделать выводы: во-первых, семья оказывает первое и непосредственное влияние на детскую полоролевую идентичность; во-вторых, понятие о феминных и маскулинных стилях поведения у матерей имеет достаточно размытые границы; в-третьих, отсутствие роли отца в семье напрямую влияет на последующее формирование полоролевой идентичности девочки.

Влияние состава семьи на формирование полоролевой идентичности девочек в современных отечественных исследованиях.

Обратившись к статье Е. А. Чижовой и О. Н. Романовой можно четко увидеть различия формирования полоролевой идентичности у девочек из неполных семей.

По данным исследования Е. А. Чижовой и О. Н. Романовой в группе *девочек из полных семей* показатель феминности был связан с концентрацией на эмоциях и соответствовал традиционному пониманию женской роли. Показатель же маскулинности в данной группе имел корреляцию с самовосприятием, самопринятием и поиском социальной поддержки, то есть маскулинность в представлении девочек из полных семей была положительно связана с выражением самоконтроля и уверенности в себе [Чижова, 2008, с. 175].

Обратим внимание на результаты *девочек из неполных семей*. Показатель феминных качеств был связан с поиском социальной поддержки и помощи, то есть женские паттерны поведения у девочек коррелировали с некоторой уязвимостью и как способ выразить потребность в социальной поддержке. Маскулинный показатель у данной группы испытуемых имел связь с выражением доминирования и власти.

Взгляд на маскулинные и феминные проявления у девочек из неполных семей соответствует достаточно примитивному стереотипному взгляду о мужских и женских полоролевых функций. В то время девочки из полных семей имели более комплексную систему связи и взаимодействия мужских и женских паттернов поведения при социальной адаптации [Чижова, 2008, с. 175-176].

В своей статье О. П. Цариценцева наглядно показывает, что результаты диагностических методик анализа полоролевой идентичности девочек, растущих в неполной семье, такие как: феминность, андрогинность и маскулинность; уровни полоролевой идентичности; восприятие своей семейной ситуации – во всех случаях они отличаются от девочек, растущих в полной семье, в среднем на 10-20 процентов в отрицательном направлении [Цариценцева, 2018, с. 115-119].

Влияние состава семьи на формирование полоролевой идентичности девочек в современных западных исследованиях.

Западные исследователи Л. Бутройд и К. Кросс провели статистический анализ реактивности девочек, растущих в материнской семье. Они пришли к сходным с отечественными исследователями результатам, хоть и охарактеризовали эти особенности как «*реактивность*». Иными словами девочки, растущие в неполной семье без отца, имели повышенный уровень агрессивности, обидчивости и импульсивности а так же чаще имели негативный опыт первых отношений с противоположным полом [Бутройд, 2017].

В исследовании М. Зенгел так же было отмечено, что девочки, растущие в семье без отца, имели *смещение полоролевой идентичности*. Обобщая данное исследование можно сказать, что девочки чувствовали постоянное притяжение к потерянному отцу, некоторые проблемы с самооценкой и нестабильность полоролевой идентичности, что и приводит к деформации понимания феминных и маскулинных паттернов поведения. Девочки, растущие в материнской семье так же, имели либо склонность к враждебному настрою к будущим партнёрским отношениям,

либо желали полностью оградить будущего ребёнка от похожей ситуации потери [Зенгел, 2021].

Выводы.

1. Изучение проблемы полоролевой идентичности девочек, растущих в неполной семье без отца, является один из актуальных направлений современной психоаналитической и глубинной психологии.

2. Небольшая деформация или смещение здоровой полоролевой идентичности у девочек, растущих в неполной семье без отца, представляет собой хоть и объективную реакцию на взросление в неполной семье, но имеет не на столько значительный характер, который мог бы привести к социальной дезадаптации.

3. К факторам, выражающим нарушение полоролевой идентичности, следует отнести: несколько упрощенный взгляд на маскулинные и феминные проявления (мужские черты – доминанция, агрессия; женские – слабость и способ влияния на общество); индивидуально-личностные характеристики (мнительность, тревожность, агрессия, копинг-стратегии); эмоциональные характеристики; мотивационные аспекты; способ участия родителя в формировании детской полоролевой идентичности (конформизм и развитие личности) и родительские представления о мужской и женской половой роли.

4. Исследования отечественных и зарубежных психологов приходят к общему выводу, заключающемуся в неоспоримости факта деформации полоролевой идентичности девочек, растущих в неполной семье без отца.

5. Направлениями дальнейшего исследования изучаемой проблемы могут быть: разработка теоретических и практических способов диагностики и коррекции статуса полоролевой идентичности; изучение и формирование примерного универсального способа терапии вопросов полоролевой идентичности; научное просвещение матерей о возможных последствиях воспитания девочек в неполной семье без отца и о способах коррекции деформированного формирования полоролевой идентичности де-

вочек; создание условной классификации видов смещения и деформации полоролевой идентичности у девочек, растущих в неполной семье без отца, для пополнения психотерапевтического инструментария.

Библиографический список:

1. Бендас Т. В. Гендерная психология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальностям психологии. Москва : Питер, 2009. 430 с.
2. Быстрова Н. В., Цыплакова С. А., Коротева О. Д. Социально-психологические особенности детей из неполных семей // КНЖ. 2018. №1 (22).
3. Градусова, Л.В. Гендерная педагогика : учеб. пособие. 3-е изд., стер. Москва : ФЛИНТА, 2021 . 176 с.
4. Зуев К. Б. Психологические особенности подростков из неполных семей // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. №324.
5. Киммел М. Гендерное общество [пер. с англ. О. А. Оберемко, И. Н. Тартаковской]. Москва : РОССПЭН, 2006 (Йошкар-Ола : Марийский полигр.-издат. комб.). 458 с.
6. Ключко О. И., Коробанова Ж. В., И. В. Галанова [и др.]. Гендерная психология и педагогика : Учебник и практикум. 1-е изд.. Москва : Издательство Юрайт, 2021. 404 с.
7. Маккоби Э. Э., Джеклин К. Н. Психология половых различий: Лондон : Издательство Стэнфордского университета; Издательство Оксфордского университета, 1975.
8. Першина А. В. Изучение формирования полоролевой идентичности подростков из неполных семей. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2015. № 21 (101). С. 716-718.
9. Семенова Л. Э., Семенова В. Э. Гендерная психология. Москва : ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2021. 309 с.
10. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности / Пер. с нем . М . В. Вульфа. Москва : Гос. Изд-во, 1923. 188 с.
11. Цариценцева О.П. Статус полоролевой идентичности старших дошкольников из полных и неполных семей // Вестник КемГУ. 2018. №2 (74).

12. Чижова Е. А., Романова О. Н. Взаимосвязь поло-ролевой идентичности и механизмов адаптации у подростков из неполных семей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2008. №3.
13. Boothroyd L. G, Cross C. P, Father absence and gendered traits in sons and daughters / Boothroyd Lynda G, Cross Catharine P // PLoS ONE. 2017. Vol. 12. No 7. P. e0179954.
14. Brenes, M. E., Sex Role Development of Preschoolers from Two-Parent and One-Parent Families/ Brenes, M. E., Eisenberg, N., & Helmstadter, G. C. // Merrill-Palmer Quarterly. 1985. Vol. 31. No 1. P. 33–46.
15. Zengel, M. T., The Impact of Fatherlessness on Women Who Experienced Paternal Abandonment in Early Childhood // ProQuest Dissertations Publishing. 2021.

УДК 159.9

Волнухина Н.А., Жукова Т.В.

МЕНТАЛИЗАЦИЯ ПОДРОСТКОВ ИЗ ЗАМЕЩАЮЩИХ И КРОВНЫХ СЕМЕЙ

Аннотация: в статье представлено сравнение ментализации подростков из кровных и замещающих семей. Описаны результаты исследования имплицитной и эксплицитной ментализации подростков. Проведен анализ влияния социальной ситуации развития на формирование ментализации детей подросткового возраста.

Ключевые слова: ментализация, имплицитная ментализация, эксплицитная ментализация, подростковый возраст, замещающая и кровная семья.

Volnukhina N.A., Zhukova T.V.

THE MENTALIZATION OF ADOLESCENTS FROM SUBSTITUTE AND BLOOD FAMILIES

Annotation. The article presents a comparison of the mentalization of adolescents from blood and foster families. The results of the study of implicit and explicit mentalization of adolescents are described. An analysis of the influence of the social situation of development on the formation of the mentalization of adolescents was carried out.

Keywords: mentalization, implicit mentalization, explicit mentalization, adolescence, substitute and blood family.

В настоящее время можно встретить ряд исследований, посвященных изучению ментализации лиц с различными расстройствами личности: пограничным, биполярным шизотипическим, а также лиц, страдающих депрессией, и лиц, предпринявших суицидальную попытку, и другие подобные исследования. Данное направление исследований появилось благодаря клиническому психотерапевтическому опыту П. Фонаги и Э. Бейтмана, сформировавшие концепцию ментализации на основе постулатов теории объектных отношений М. Кляйн и теории привязанности Д. Боулби.

Практическая работа П. Фонаги и других соавторов с пациентами, имеющими патологические расстройства и заболевания, подтвердившая эффективность концепции ментализации, позволяет допустить возможность ее применения в работе психологов для профилактики и предотвращения нарушений ментализации. В связи с этим представляет интерес проведение исследования лиц, не страдающих патологическими расстройствами, но в силу возраста переживающих кардинальные изменения личности, - это дети подросткового возраста.

Исследуемое в настоящей работе понятие «ментализация» в настоящее время не закрепилось в отечественной науке: ни в психологической, ни в философской понятийной системе данный

термин не трактуется единообразно. Ряд исследователей определяют «ментализацию» как форму социального познания (А.Б. Холмогорова, Е.Т. Соколова), или механизм социального познания (Д.А. Хорошилов), а некоторые - как форму социального понимания (В.П. Филатов).

Феноменология понятия «ментализация» близка по смысловому содержанию к пониманию модели психического, которое в англоязычной литературе обозначают «Theory of Mind» («ТоМ»). Исследованию становления модели психического посвящена коллективная монография «Модель психического в онтогенезе человека», в которой представлено современное состояние исследований в русле данного подхода и оригинальные экспериментальные работы авторов по развитию понимания обмана, намерений, желаний, эмоций у детей с типичным развитием, расстройствами аутистического спектра, детей-сирот. Авторы указывают, что модель психического является когнитивным механизмом понимания собственных психических состояний и психических состояний другого [Сергиенко, 2009].

В прикладной психологии получила распространение концепция ментализации Питера Фонаги и Энтони У. Бейтмана основанная на теории привязанности, психоаналитической теории, психологии развития и современном подходе эго-психологии. Как указывает один из авторов концепции ментализации П. Фонаги, ментализацией является способность понимать психическое состояние себя или других. Ментализацию можно рассматривать как форму воображаемой умственной деятельности, которая позволяет нам воспринимать и интерпретировать человеческое поведение с точки зрения намеренных психических состояний (например, потребностей, желаний, чувств, убеждений, целей, целей и причин). Особенность этого концепта, предложенного П. Фонаги, заключается в рассмотрении не только рефлексивной (рациональной) стороны метакогнитивных способностей, но и чувственной, эмпатической. Ментализация может происходить неосознанно или осознанно. Неосознаваемая (скрытая) ментализация, протекающая интуитивно, получила название имплицитной. Осознанная (явная) ментализация, протекающая рефлексивно, получила

название эксплицитной [Бейтман, 2014].

Целью проведенного исследования являлось сравнение ментализации подростков из замещающих и кровных семей, то есть воспитывающихся в различных социальных ситуациях.

Эмпирическое исследование ментализации подростков из замещающих и кровных семей предполагало решение следующей задачи: определение и сравнение значений эксплицитной (явной), то есть осознаваемой и имплицитной (скрытой), то есть автоматической или неосознаваемой, ментализации подростков, в том числе в зависимости от социальной ситуации развития.

В исследовании приняли участие 80 испытуемых. Выборка подростков, разделенная в зависимости от социальной ситуации развития, имеет следующее описание.

Основная группа: подростки из замещающих семей - это подростки, оставшиеся без попечения родителей и принятые на воспитание в замещающие семьи. Всего 42 подростка (24 мальчика и 18 девочек). Возраст: 10 - 16 лет. Все обследованные подростки проживают в замещающих семьях не менее 1 года. Контрольная группа сравнения: 38 подростков, воспитывающихся в кровных семьях (14 мальчиков и 24 девочки). Возраст 10-16 лет.

Распределение испытуемых в зависимости от социальной ситуации развития представлено на рис. 1.

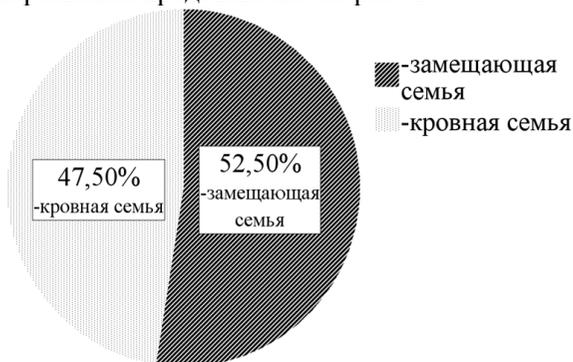

Рис. 1. Распределение испытуемых в зависимости от социальной ситуации развития

Для оценки особенностей ментализации подростков из замещающих и кровных семей использовались методика «Чтение психического состояния по глазам» (The Reading the Mind In the Eyes (Child Version)), разработанная S. Baron-Cohen [Baron-Cohen, S et al., 2001] (адаптация Е.А. Саприной [Autism Research Centre]) и опросник рефлексивного функционирования (Reflective Function Questionnaire for Youth (RFQ-Y)) [Sharp et al., 2009].

Таблица 1

Результаты исследования эксплицитной и имплицитной ментализации подростков из замещающих и кровных семей

Ментализация	Подгруппы Методики	Подростки из замещающих семей (N=42)	Подростки из кровных семей (N=38)
		М (SD)	М (SD)
Имплицитная	Методика «Чтение психического состояния по глазам» (The Reading the Mind In the Eyes (Child Version))	20,62(4,87)	20,79 (4,6)
Эксплицитная	Опросник рефлексивного функционирования (Reflective Function Questionnaire for Youth (RFQ-Y))	193,76 (17, 39)	192,92 (21,09)
Возраст		13,43 (1,93)	13,0 (1,87)

Примечание: М – среднее арифметическое; SD – стандартное отклонение, N - объем выборки.

Результаты исследования имплицитной и эксплицитной ментализации подростков из замещающих и кровных семей представлены в таблице 1.

Полученные данные, позволяют говорить о том, что, средние значения по исследуемым показателям в обеих подгруппах существенно не отличаются.

Проведен анализ значимых различий имплицитной и эксплицитной ментализации, выраженных у подростков, живущих в замещающих и кровных семьях. При обработке результатов исследования использовались методы статистического анализа: U-критерий Манна-Уитни. Сравнение двух выборок при помощи U-критерий Манна-Уитни показало следующий результат: p -уровень U критерия $> 0,05$ (0,992; 0,876; 0,346; 0,448).

На основании вычисленного критерия был сделан вывод об отсутствии статистически значимых различий в параметрах имплицитной и эксплицитной ментализации между подгруппой подростков из замещающих семей и подгруппой подростков из кровных семей.

Полученные результаты согласуются с исследованиями других авторов [Авакян, 2021], в которых указывается, что между подростками из приемных семей и подростками из кровных семей не обнаруживаются статистически значимые различия по уровню развития компонентов социального познания.

Вероятно, на психологическое развитие детей влияет не столько тип семейного устройства, сколько характер близких отношений, наличие привязанности, особенности ментализации объекта (субъекта) привязанности. Семья является средой, в которой формируется привязанность, необходимая ребенку для ощущения безопасности, как залога его всестороннего развития.

Библиографический список:

1. Авакян Т.В. Социальное познание у подростков, оставшихся без попечения родителей: дис... канд. психол. наук. Москва, 2021.
2. Бейтман Э.У. Фонаги П. Лечение пограничного расстройства личности с опорой на ментализацию: практическое пособие. Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2014. 248с.
3. Малер М. С. Пайн Ф., Бергман А. Психологическое рождение человеческого младенца. Симбиоз и индивидуация.

Москва : Когито-Центр, 2011. 413 с.

4. Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. Модель психического в онтогенезе человека. Москва : Издательство «Институт психологии РАН», 2009. 415 с.

5. Сизикова И. Страх разделения : от детского возраста до взрослого. Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2017. 132 с.

6. Autism Research Centre. Department of Psychiatry University of Cambridge. URL:<https://www.autismresearchcentre.com/tests/eyes-test-child>

7. Handbook of Mentalization-Based Treatment/ J. G. Allen, P. Fonagy (Eds.). Chichester, United Kingdom : John Wiley & Sons, 2006. 340 p.

8. S. Baron-Cohen, S. Wheelwright, V. Scahill, J. Lawson and A. Spong. Are intuitive physics and intuitive psychology independent? A test with children with Asperger Syndrome//Journal of Developmental and Learning Disorders, 2001, 5, 47-78.

9. Sharp, C., Williams, L., Ha, C., Baumgardner, J., Michonski, J., Seals, R., et al. (2009). The development of a mentalization-based outcomes and research protocol for an adolescent in-patient unit. The Bulletin of the Menninger Clinic, 73(4), 311-338.

УДК 159.9

Горюнова Ю.В.

ДЕСТРУКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РОДИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В СИТУАЦИИ ВЫСОКОКОНФЛИКТНОГО РАЗВОДА

Аннотация. В работе обозначается проблема изучения деструктивных стратегий родительского поведения в ситуации высококонфликтного развода, которые могут провоцировать возникновение принудительного родительского отчуждения. Автором представлен обобщенный взгляд на формы отчуждающего

поведения и предложено выделение трех стратегий отчуждающего поведения, влияющий на коммуникативную, когнитивную и эмоциональную сферу ребенка в дестко-родительских отношениях.

Ключевые слова: принудительное родительское отчуждение, высококонфликтный развод, конфликт лояльности, психологическое индуцирование, синдром родительского отчуждения

Goryunova Y.

DESTRUCTIVE MODELS OF PARENTAL BEHAVIOR IN A HIGHLY CONFLICT DIVORCE SITUATION

Annotation. The paper describes problem of studying destructive strategies of parental behavior in a situation of highly conflicting divorce, which can provoke the emergence of forced parental alienation. The author presents a generalized view of the forms of alienating behavior and proposes the identification of three strategies of alienating behavior that affect the communicative, cognitive and emotional sphere of the child in parent-child relationships.

Keywords: parental alienation, high-conflict divorce, psychological induction, parental alienation syndrome.

Согласно данным Росстата и Судебного департамента Российской Федерации о работе судов общей юрисдикции за последние 5 лет в России возросло число фактов расторжения браков. Отслеживается также выраженная тенденция к увеличению количества судебных споров, связанных с воспитанием детей, ограничением родительских прав, оспариванием отцовства (материнства). Это может говорить о том, что зачастую семьи, в которых воспитывается ребенок, не справляются с успешным преодолением кризиса, вызванного разводом, самостоятельно, и что супружеский конфликт разводящихся пар носит высококонфликтный характер.

Одной из характерных особенностей подобного рода конфликта является вовлечение ребенка в спор между родителями,

что создает предпосылки для возникновения нарушений в детско-родительских отношениях, формирует условия для принудительного родительского отчуждения и как следствие – переживания ребенком синдрома отчуждения родителя. Последние два феномена приобретают в последние десятилетия все больший исследовательский интерес у специалистов разных областей – юристов, психологов, социальных работников, судебных экспертов. Обзор немногочисленных исследований на эту тему позволяет сформировать представление о сложной структуре феномена принудительного родительского отчуждения и его разностороннем характере: оно рассматривается и как особенное психологическое состояние ребенка, вовлеченного в родительский конфликт влияния[4], и как форма семейной дисфункции[7], как форма домашнего насилия, как реакция ребенка на поведение родителей, находящихся в конфликте[3], как правонарушение, ограничивающее свободу ребенка и родителя на общение [1,2]. Сообразно многообразию подходов к определению феномена наблюдается и многообразие подходов к определению причин его возникновения. Так, некоторые авторы говорят о том, что причиной отчуждения служат психологические особенности ребенка [7], другие называют в качестве таких причин личностные особенности целевого родителя и родителя-индуктора [6], специфику опыта общения в период совместного проживания [2], стереотипы о том, что ребенку всегда лучше с матерью [1], наконец, поведение родителя, индуцирующее ребенку негативное отношение к отдельно проживающему родителю [6].

Многогранны и разносторонни и последствия родительского отчуждения, но большей степени негативные последствия затрагивают наименее защищенную в данной ситуации сторону – ребенка, который вовлекается в конфликт лояльности и принуждается к совершению выбора, кто из родителей является для него наиболее предпочитаемым, более любимым и ценным. Как отмечают Харитоновна Н.К., Русаковская О.А, утрата позитивного отношения к одному из родителей следует рассматривать как аномальную и создающую значительный риск нарушений психиче-

ского развития ребенка [3]. Помимо переживания ребенком необоснованного страха, гнева, ненависти по отношению к целевому родителю, родительское отчуждение создает также угрозу для идентичности ребенка, вынужденного отказаться от части своей Я-концепции, ассоциирующейся с ролью ребенка своего отца или матери, а также влияет на построение им близких и семейных отношений в будущем [1,2].

Вопрос диагностики родительского отчуждения является столь же актуальным, как и создание комплекса психокоррекционных мер для работы с подобного рода явлением. Представляется, что одним из возможных фактов, имеющих значение для диагностики возможного родительского отчуждения, может выступать поведение родителя – индуктора.

На основании работ отечественных и зарубежных ученых можно выделить 3 категории стратегий отчуждающего поведения родителей– индукторов: вмешательство в процесс общения целевого родителя и ребенка, создание негативного образа целевого родителя в глазах ребенка, внушение негативного отношения ребенка к целевому родителю. Рассмотрим кратко каждую из предложенных категорий и определим существенные признаки поведенческих стратегий, входящих в эти категории.

1. Стратегии, направленные на вмешательство в процесс общения целевого родителя и ребенка

В данную категорию входят стратегии, направленные на негативное влияние на коммуникативную сторону детско-родительских отношений, их целью является создание препятствий для привычного до начала семейного кризиса общения ребенка и целевого родителя, ухудшение качества общения и контакта между ними вплоть до полного прекращения общения и обрыва связи.

К таким стратегиям можно отнести следующие формы поведения:

— Ограничения времени общения целевого родителя с ребенком без веских на то причин.

— Назначение в дни, определенные для общения с целевым родителем каких-то иных значимых событий – посещений врачей, увеселительных мероприятий, значимых для ребенка встреч, которые могли бы быть перенесены на другое время.

— Назначение слишком раннего часа для встречи целевого родителя с ребенком и раннего часа для завершения их встречи.

— Отказ в предоставлении возможности общения ребенка с целевым родителем наедине, частые звонки и посещения в дни, отведенные для общения с целевым родителем.

— Ограничение общения по телефону, контроль, перехватывание звонков и сообщений целевого родителя, контроль почтовой корреспонденции, помещение в черный список адреса электронной почты или номера телефона целевого родителя.

— Ограничение общения с членами расширенной семьи целевого родителя.

— Установление договоренности с учителями, воспитателями, чтобы те ограничивали возможность общения с ребенком при посещении школы/детского сада/кружков целевым родителем.

— Ограничение доступа к информации о ребенке: о его местоположении, здоровье, деятельности, проблемах и потребностях.

— Отказ в передаче подарков целевого родителя ребенку.

2. Стратегии, направленные на создание негативного образа целевого родителя в глазах ребенка

Можно сказать, что в данную категорию входят стратегии, направленные в большей степени на влияние на когнитивную сферу ребенка, на его представления о целевом родителе, его отношении к ребенку, в некоторых случаях – на переосмысление прошлого опыта общения с целевым родителем в сторону обесценивания их значимости и ценности для ребенка.

К таким стратегиям можно отнести следующие формы поведения:

— Сообщение ребенку ложной информации о том, что целевой родитель является психически нездоровым и опасным.

— Сообщение ложной информации о том, что целевой родитель не является настоящим родителем ребенка.

— Сообщение ребенку о том, что целевой родитель хочет выкрасть ребенка, увезти его в другой город, страну и разлучить их с родителем-индуктором.

— Сообщение ребенку деталей совместной с целевым родителем жизни.

— Сообщение ребенку подробностей, выявленных в ходе судебного разбирательства, в том числе сообщение подробностей о самом характере судебного процесса, которые ребенку в силу его возраста и развития не могут быть понятны.

— Дискредитация отчуждаемого родителя в глазах ребенка (очные и заочные оскорбления отдельно проживающего родителя в присутствии ребенка, критика его родительской компетенции, сообщение ребенку информации интимного характера относительно отдельно проживающего родителя).

Отдельно можно вынести формы поведения, которые направлены на вытеснение образа целевого родителя из представлений ребенка о семье, в том числе лишение ребенка символической связи с ним, в частности:

— Запрет на разговор о целевом родителе, упоминание его имени при общении с родителем-индуктором и окружением ребенка.

— Удаление фотографий целевого родителя из семейного альбома, видеозаписей с ним из семейного архива.

— Инициирование смены фамилии ребенка.

3. Стратегии, направленные на внушение негативного отношения ребенка к целевому родителю

В данную категорию стратегий входят разнообразные формы манипулятивного поведения, направленные на создание коалиции родителя – индуктора и ребенка против целевого родителя.

— Установление санкций за нарушение договора о лояльности с родителем-индуктором, угрозы выдворения из дома, передачи опеки над ребенком отчуждаемому родителю, к которому ребенок уже испытывает антипатийные чувства.

— Провоцирование возникновения у ребенка чувства вины вследствие того, что он поддерживает отношения с целевым родителем, оставляет родителя-индуктора в одиночестве.

— Проявление своей подчеркнутой слабости с требованием у ребенка проявления защиты и заботы.

— Принуждение ребенка к отказу от общения с целевым родителем, поощрение отказа ребенка от общения с целевым родителем.

— Принуждение ребенка к выражению лояльности, выбору, кто из родителей является для него ближе, любимее, ценнее.

— Вовлечение ребенка в слежку за целевым родителем, настойчивые просьбы выяснить какую-либо информацию о нем, подробности его интимной жизни.

— Использование тайных сигналов в общении с ребенком в присутствии с целевого родителя.

— Создание секретов с ребенком в тайне от целевого родителя.

— Использование ребенка в качестве мессенджера для передачи каких-либо сообщений целевому родителю.

— Создание конфликтных ситуаций между ребенком и целевым родителем.

— Сообщение порочащих сведений о личности целевого родителя лицам, участвующим в воспитании ребенка или общающимся с ним, в том числе членам расширенной семьи ребенка, друзьям семьи, учителям, воспитателям, сотрудникам органов опеки, что создает негативный образ целевого родителя в глазах людей, которые также могут транслировать свое негативное отношение к целевому родителю, сформированное на ложных сведениях, ребенку.

Если задаваться вопросом мотивации отчуждающего поведения, то она может объясняться разнообразными причинами: охваченностью злобой и желанием отомстить бывшему супругу, лишив его возможности быть родителем, удовлетворить свою потребность во власти, стремлением избавиться от тревоги и страха одиночества, найти поддержку и опору в лице ребенка, подчеркнуть свой родительский статус и компетентность. Однако, несмотря на то, что эмпирические исследования на тему мотивации отчуждающего поведения на настоящий момент отсутствуют, можно предположить, что мотивация причинить ребенку вред, лишить его части себя в лице другого родителя, спровоцировать переживание ребенком утраты при живом родителе едва ли будет присутствовать в сознании отчуждающего родителя. Зачастую подобного рода поведение трактуется родителями–индукторами именно как попытка оградить ребенка от негативного влияния другого родителя, обеспечить ребенку безопасные условия жизни и развития.

В связи с этим представляется важной задачей более глубокое и прежде всего эмпирическое исследование феномена, разработка диагностических инструментов, мер психокоррекции и профилактики принудительного родительского отчуждения в семьях, переживающих высококонфликтный развод.

Библиографический список:

1. Ваким Б.Б. Принудительное семейное отчуждение: новые данные и новые мнения относительно отчуждения от родителей. Часть I. // Психология и право, 2019. Том 9. № 1. С. 96–110.
2. Ваким Б.Б. Принудительное семейное отчуждение: новые данные и новые мнения относительно отчуждения от родителей (Часть II) // Психология и право, 2019. Том 9. № 2. С. 296–308.
3. Русаковская О.А., Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К. Актуальные вопросы участия специалистов в судебных спорах о воспитании детей раздельно проживающими родителями [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. Том 1. № 1.

4. Сафуанов, Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза : учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2021. 379 с.
5. Gonçalves B., Chaves Ros de C. Parental alienation: a portrait of litigation and families in litigation. Brasília: Liber Livro, 2013. 188 p.
6. Gardner R.A. The parental alienation syndrome. Second edition. Creskill, NJ: Creative Therapeutics, 1998. 458 p.
7. Kelly J., Johnston J. The alienated child: A reformulation of Parental Alienation Syndrome. // Family Court Review, 2001. Vol 39. P. 249 - 266.

УДК 316.6

Дворникова Е.В.

ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В МОЛОДОЙ СЕМЬЕ С РЕБЕНКОМ

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема супружеских взаимоотношений в молодой семье с ребенком. Значительное внимание уделяется анализу причин супружеских конфликтов. Представлены результаты социологического исследования, направленного на изучение брачно-семейных отношений в молодых семьях с ребенком. Автором составлен рейтинг основных причин конфликтов в современных молодых семьях и показано, что конфликты между молодыми супругами чаще всего носят эмоционально-психологический характер, либо обусловлены бытовыми и материальными трудностями. С появлением первенца число конфликтных ситуаций в молодых семьях увеличивается. Эту закономерность автор связывает с неумением и отсутствием способности современных молодых людей приспособливаться к изменяющимся условиям жизни.

Ключевые слова: молодая семья, супружеские взаимоотношения, супружеский конфликт, социальная роль, ребенок.

Dvornikova E.V.

RESEARCH OF RELATIONSHIP PROBLEMS IN A YOUNG FAMILY WITH A CHILD

***Annotation.** The article discusses the problem of marital relationships in a young family with a child. Considerable attention is paid to the analysis of the causes of marital conflicts. The results of a sociological study aimed at studying marriage and family relations in young families with a child are presented. The author has compiled a rating of the main causes of conflicts in modern young families and shows that conflicts between young spouses are most often of an emotional and psychological nature, or are caused by everyday and material difficulties. With the advent of the first-born, the number of conflict situations in young families increases. The author connects this pattern with the inability and lack of ability of modern young people to adapt to changing living conditions.*

***Keywords:** young family, marital relationship, marital conflict, social role, child.*

Рождение ребенка – важный этап в жизни любой молодой семьи. Однако часто случается так, что это событие является толчком к началу многочисленных конфликтных ситуаций. Вызвано это прежде всего тем, что появление ребенка влечет за собой не только глобальные изменения в укладе семьи, но и несет колоссальную нагрузку на обоих родителей. В этой связи нарастает напряжение между супругами, что и становится причиной ссор и конфликтов. Так, согласно данным Росстата, из всех заключенных в 2020 году браков 65% закончились разводом. При этом, наибольшее число разводов приходится на возраст от 25 до 29 лет [Планета закона...]. Это значит, что чаще распадаются именно молодые семьи.

Для проведения социологического исследования, целью которого явилось изучение брачно-семейных отношений в молодых семьях с ребенком, в качестве метода сбора информации нами был выбран метод анкетирования. В качестве инструмента,

с помощью которого получены данные, были выбраны вопросы закрытого и открытого типа. Данным методом было опрошено 61 молодая семья, средний возраст супругов составил от 21 до 35 лет. Исследование проводилось в апреле 2021 года.

Представим социальный портрет участвовавших в анкетировании семей.

Большинство молодых супругов состоит в первом браке (82%), и лишь 18% опрошенных повторно женились или вышли замуж после развода.

Стаж семейной жизни опрошенных нами супругов составил: менее одного года – 15%; до двух лет – 18%; до трех лет – 15%; более трех лет – 52%.

Одного ребенка воспитывают 77% респондентов, двух – 23%.

Среди опрошенных семей имеют собственное жилье – 67%; снимают квартиру – 23%; живут с родителями или другими родственниками – 10%. При этом, из семей, которые имеют свое жилье – 41% отметили, что жилье куплено в ипотеку.

Оценка материального положения молодых семей позволяет сделать вывод о том, что большая часть из них (61%) испытывает материальные трудности, 18% семей часто во многом себе отказывают и только 21% имеют достаток выше среднего. А ведь материальное положение является одним из важнейших условий, определяющих благоприятную обстановку в семье.

Рейтинг основных причин вступления молодых людей в брак выглядит следующим образом: любовь – 52%, потребность в создании семьи – 29%, беременность супруги – 10%, корысть – 6%, иное (страх потерять партнера, желание не отставать от ровесников) – 3%. Таким образом, среди молодых людей, одним из главных мотивов вступления в брак является любовь.

Вполне удовлетворены своей семей жизнью 64% респондентов, не достаточно удовлетворены 30% и затруднились ответить на этот вопрос 6%.

Согласились с высказыванием: «создавая семью, нужно думать о том, что это решение на всю жизнь» – 80%. Согласились с высказыванием: «создавая семью, не нужно думать о том, что

это решение на всю жизнь, можно в любой момент разойтись» – 20%.

Изучение взаимоотношений между молодыми супругами позволило нам составить рейтинг основных причин конфликтов (по убыванию значимости):

- оценка супругами социальных ролей «муж», «жена», «мать», «отец» и вклад каждого в эти роли;
- разрушение моральных норм в обществе, изменение ценностей и семейных традиций;
- отсутствие собственного жилья;
- ухудшение материального положения семьи;
- расхождения во взглядах на воспитание детей;
- злоупотребление алкоголем;
- негативное отношение родственников, друзей и знакомых к супругу или супруге;
- потеря работы, поиск новой работы;
- недопонимание и недоверие;
- расхождение во взглядах;
- личностные качества одного из супругов.

Таким образом, такие жизненные трудности, как отсутствие собственного жилья и материальные проблемы оказались у современных молодых людей лишь на третьем и четвертом месте. На первое место молодые семьи поставили ролевые функции.

Это объясняется тем, что в настоящее время, в связи со сложной социально-экономической обстановкой в стране происходят серьезные изменения в реализации таких основных социальных ролей, как муж (отец) и жена (мать). Всё чаще женщины берут на себя решение экономических и социальных проблем семьи, что делает сочетание их трудовой занятости и воспитания детей сложным периодом как в их собственной жизни, так и в жизни такой социальной группы как семья. Современные женщины все чаще оказываются перед выбором между работой, карьерой и семьей, и воспитанием детей. В то же время, мужчины, в большей своей части, видят в женщине прежде всего жену, мать своих детей и возлагают на нее определенные функции (68%

опрошенных нами мужей). Они же считают, что функцию главы семьи должен выполнять мужчина. В этом плане мужчины показывают свои патриархальные взгляды.

Современные женщины, в отличие от мужчин, не видят ничего плохого в том (52% опрошенных нами жен), что функция «добытчика» и обеспечение семьи будет возлагаться на них. Они же не отрицают тот факт, что мужчины вполне могут справиться и с воспитанием детей.

Именно из-за несовпадения содержания выполнения таких социальных ролей как муж (отец) и жена (мать) у молодых семей чаще всего и возникают конфликты. Современные женщины становятся более самостоятельными, уверенными и самодостаточными. В этой связи они часто подавляют мужчин и именно поэтому современные женщины (80%) чаще мужчин являются инициаторами развода [2].

Напряженные отношения в семье влекут за собой постоянные конфликты. Молодые супруги, старающиеся меньше бывать с семьей, пытаются избежать конфликтных ситуаций, которые могут возникать у них дома.

Респондентам был задан вопрос: «Как часто в Вашей семье случаются конфликты?». Ответы распределились следующим образом: часто, почти каждый день – 7%; иногда, два – три раза в неделю – 26%; редко, два – три раза в месяц – 57%; никогда – 10%.

На уточняющий вопрос: «Как вы считаете, увеличилось ли число конфликтных ситуаций в связи с рождением ребенка?», больше половины семей ответили «да» – 58% семей, нет – 32% и 10% респондентов затруднились с ответом.

Результаты ответов свидетельствуют о как высоком уровне конфликтности в молодых семьях, так и о повышении количества ссор и размолвок в связи с появлением ребенка. При этом, причинами конфликтных ситуаций становятся (респондентам предлагалось проранжировать причины по убыванию значимости): разные взгляды на воспитание – 68%, ухудшение материального положения – 54%, физическая усталость обоих супругов

– 52%, послеродовая депрессия жены – 36%, вмешательство родителей супругов как в процесс воспитания ребенка, так и личную жизнь молодых родителей – 24%.

Мы также выяснили, какие способы предпочитают молодые семьи для разрешения конфликтных ситуаций. Ответы распределились следующим образом. Часто используют примирение – 72%, иногда – 25%, никогда – 3%. Чаще всего прибегают к нахождению компромисса – 54%, иногда – 43%, никогда – 3%. Тактику естественного затухания конфликта часто выбирают – 21%, иногда – 54%, никогда – 25%. В большинстве случаев обращаются за помощью к другим людям – 2%, иногда – 21%; никогда – 77%.

Результаты ответов на данный вопрос свидетельствуют, что молодые супруги стараются разрешать конфликтные ситуации самостоятельно, не стремятся к разрушению отношений, а выбирают преимущественно тактики компромисса и примирения.

Анализ ответа на вопрос о длительности конфликтной ситуации в семье, показал, что у большинства конфликты разрешаются в течение одного-двух дней (51%), сразу предпочитают решить конфликтную ситуацию 43% респондентов и у 7% конфликты затягиваются на продолжительное время (более одной недели).

Респондентам был задан вопрос «Как Вы реагируете на семейные конфликты?». Ответы распределились следующим образом: пытаюсь примириться, ищу компромисс – 44%; очень эмоционально (переживаю, плачу) – 30%; отношусь безразлично, жду, когда другая сторона начнет примирение – 13%; становлюсь озлобленным(ой), неуправляемым(ой) – 10%; спокойно, стараюсь смотреть на вещи реально, анализирую конфликт и принимаю решение в зависимости от ситуации – 3%.

На вопрос анкеты «Какое условие Вы считаете обязательным для создания и сохранения семьи? (выбрать два варианта)» ответы распределились следующим образом: любовь к человеку, с которым живешь – 98%; материальное положение человека, с которым живешь – 39%; мнение родителей о человеке, с которым

живешь – 18%; взаимопонимание – 3%; взаимное уважение супругов – 3%; мнение окружающих о человеке, с которым живешь – 3%; схожие взгляды и цели – 3%; любовь к детям, совместное их воспитание – 3%; взаимная поддержка и доверие – 3%.

Из полученных данных видно, что для сохранения семьи молодые супруги считают необходимым в первую очередь любовь, материальное положение, мнение родителей о человеке, с которым живешь. На сохранение семьи меньше, но также влияют взаимопонимание и взаимное уважение супругов.

При этом, для 31% семейная жизнь их родителей не является образцом, затруднились ответить на этот вопрос – 20% респондентов, ответ «скорее да, чем нет» выбрали 18%, «скорее нет, чем да» – 16% и только для 15% семейная жизнь их родителей является образцом для подражания.

Это показывает то, что каждое поколение семья и семейные отношения подвергаются трансформации. Если для молодых супругов семейная жизнь их родителей не является образцом, то они стараются, чтобы их жизнь не была похожа на нее, всеми силами стараясь сохранить свою семью, не допустить ее разрушения.

Респондентам был задан вопрос: «Насколько вы независимы от своих родителей?». Полностью не зависимыми оказались – 59%; частично зависимы – 38%; полностью зависимы – 3%. Данные ответы показывают, что современные молодые люди стараются быть независимыми от своих родителей.

Итак, результаты проведенного нами исследования показали, что конфликты между молодыми супругами чаще всего носят эмоционально-психологический характер, либо обусловлены бытовыми и материальными трудностями. С появлением первенца число конфликтных ситуаций в молодых семьях увеличивается. Эту закономерность мы связываем с неумением и отсутствием способности современных молодых людей приспособиться к изменяющимся условиям жизни.

Несмотря на то, что молодые супруги стараются использовать такие стратегии разрешения конфликтных ситуаций как

компромисс и примирение, очень часто они прибегают к самому радикальному способу – разводу.

Библиографический список:

1. Планета закона: сайт. Москва. URL: <https://www.planeta-zakona.ru/blog/razvod-v-tsifrakh-statistika-razvodov-v-rossii.html/> (дата обращения: 07.02.2022).

2. Тренинговый центр Павла Ракова: сайт. Москва. URL: <https://pavelrakov.com/articles/zhizn-posle-rasstavaniya/pochemu-zhenshchiny-reshayutsya-na-razvod-v-dva-raza-chashche-i/> (дата обращения: 07.02.2022).

УДК 159.9

Екимчик О.А., Шипова Н.С.

**ОСОБЕННОСТИ ДИАДИЧЕСКОГО КОПИНГА
ПАР ТИПИЧНО И АТИПИЧНО РАЗВИВАЮЩИХСЯ
ПАРТНЕРОВ В БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЯХ***

**Исследование выполнено при финансовой поддержке
Государственного задания FZEW-2020-0005*

Аннотация. Условием функциональности отношений рассматривается диадический копинг партнеров, позволяющий противостоять внутренним и внешним факторам, дестабилизирующим пару. Сделано предположение, что пары, включающие партнера с атипичным развитием, имеют специфичность диадического копинга, которая и позволяет им сохранять отношения несмотря на сочетание хронического экстремального стрессора и повседневных стрессов. Получены результаты, подтверждающие, что такие пары реже прибегают к негативному копингу. Также выявлены данные о различиях в стратегиях совладания мужчин и женщин диад, включающих партнера (партнеров) с атипичным развитием.

Ключевые слова: близкие отношения, диадический копинг, типичное развитие, атипичное развитие

Ekimchik O., Shipova N.

THE SPECIFICITY OF DYADIC COPING OF COUPLES OF TYPICALLY AND ATYPICALLY DEVELOPING PARTNERS IN CLOSE RELATIONSHIPS

Abstract. The dyadic coping of partners is considered as a condition for the functionality of relations. It helps partners resist internal and external factors of destabilization. It has been suggested that couples that include a partner with atypical development have the specificity of dyadic coping. This specificity allows them to maintain relationships despite the combination of chronic extreme stressor and everyday stress. The results confirm that such couples are less likely to use negative coping. Data on differences in the coping strategies of men and women of dyads, including a partner (partners) with atypical development, were revealed.

Keywords: close relationships, dyadic coping, typical development, atypical development

Проблема сохранения и развития близких партнерских отношений в эпоху нестабильности и неопределенности, а также масштабных социальных изменений остается актуальной как для общества в целом, так и для отдельного человека. Близкие отношения в данном случае понимаются, как «субъективно значимые партнерские связи / узы, предполагающие отзывчивость, и основанные на привязанности. Они включают близость, эмоциональные переживания, доверие, взаимное раскрытие и взаимозависимость в диаде / паре» [Екимчик, 2021, с. 14]. Фокусируя внимание на близких отношениях партнеров, мы к ним относим романтические и супружеские взаимоотношения. Партнеры в близких отношениях могут удовлетворять свои базовые потребности, в принятии, безопасности, любви, сексе. В то же время близкие отношения могут быть нестабильными и уязвимыми к внешним и внутренним стрессорам [Екимчик, Григорова, Шипова, 2013; Шипова, 2020].

Диадический копинг как особый вид совладающего поведения партнеров рассматривается одним из условий сохранения и развития близких отношений [Екимчик, 2021]. Проблема совладающего поведения в близких, супружеских отношениях начала активно разрабатываться в зарубежной психологии с 90-х годов 20 века. К настоящему моменту существует довольно широкий спектр подходов и моделей совладающего поведения партнеров в близких отношениях: коммунальный, совместный копинг, копинг ориентированный на отношения, диадический копинг, супружеский копинг и т.д. Особенностью большинства подходов изучения диадического копинга является то, что рассматривались преимущественно пары, столкнувшиеся с серьезным заболеванием одного из партнеров, экстремальным стрессором. В системно-транзактной модели диадического копинга рассматривается совладание пары преимущественно с повседневными стрессорами, которые при накоплении также могут иметь негативный, разрушительный эффект для отношений. Диадический копинг – это индивидуальные и / или совместные усилия партнёров, направленные на преодоление стрессового воздействия и стабилизацию отношений, их сохранение. Диадический копинг является ответом пары на диадический стресс [Крюкова и др., 2019].

Под диадическим стрессом понимается – «стрессовое событие или встреча, которая всегда относится к обоим партнерам; либо когда оба партнера непосредственно сталкиваются с одним и тем же стрессовым событием, или когда напряжение появляется внутри самой пары; либо косвенно, когда напряжение одного партнера перетекает, заражает другого партнера и влияет на них обоих» [Bodenmann et al., 2006, по: Екимчик, 2016, с. 1]. Диадический стресс может быть следствием событий в самих отношениях, а также внешних воздействий на партнеров. Диадический копинг может быть позитивным, направленным на сохранение отношений и преодоление стрессовой ситуации либо негативным – отказ признавать стресс партнера, обесценивание его усилий и совместный уход от проблемы.

Несмотря интенсивный интерес к проблеме диадического копинга как в западной науке (Bodenmann G., Randall A.K.,

Falconier M.K., O'Brien T. B., DeLongis A.), так и в отечественной психологии (Крюкова Т.Л., Калугина Е.Л., Куфтык Е.В., Екимчик О.А., Королева Е.М., Шипова Н.С., Опекина Т.П., Бонкало Т.И. и др.), есть еще множество ее неисследованных аспектов. В частности, мало изучен диадический копинг в парах атипично развивающихся партнеров при столкновении их с повседневными стрессорами. «Особые» пары, подвергающиеся хроническому экстремальному стрессу в виде заболевания или ограниченных возможностей здоровья одного из партнеров или обоих одновременно, сталкиваются и с повседневными трудностями [Шипова, 2018]. В связи с этим встает вопрос: каковы особенности их диадического совладания, которые позволяют им сохранять функциональные близкие отношения? Справляются ли они с повседневными трудностями по сравнению с нормативными парами? Как распределяется стрессовая нагрузка в диаде между партнером, имеющим ограничения в возможностях здоровья и не имеющим их? Как это отражается на удовлетворенности отношениями? Можно ли вообще говорить о специфичности диадического копинга у пар, в которые включены партнеры с разным статусом здоровья? В рамках настоящего исследования предпринята попытка ответить на некоторые из обозначенных вопросов. Проведено исследование с целью определения специфики индивидуального и диадического копинга диад, включающих партнеров с разным статусом здоровья.

Гипотеза: «особые» пары справляются с повседневным диадическим стрессом, как и нормативные за счет специфичности диадического копинга.

Выборка исследования состоит из трех групп: 1) диады, включающие партнеров с типичным развитием (I подгруппа) – 179 пар ($M=25,32$; $SD=4,59$); 2) диады, включающие одного партнера с атипичным развитием (II подгруппа) – 21 пара ($M=36,91$; $SD=10,83$); 3) диады, включающие двух партнеров с атипичным развитием (III подгруппа) – 12 пар ($M=36,96$; $SD=12,57$). Совокупная выборка составила 212 пар ($n=424$).

Методы: Опросник диадического совладания Г. Боденманна в адаптации Т.Л. Крюковой и О.А. Екимчик, 2017). Статистическая обработка данных проводилась при помощи описательной статистики, Т-критерия Стьюдента для зависимых и независимых выборок.

Сначала анализировались стратегии диадического копинга, применяемые парой, с точки зрения гендера респондентов: 1) Диадический копинг и его оценки женщинами в близких отношениях. Сравнение диад типично развивающихся партнёров (I подгруппа) и диад, включающих одного партнёра с атипичным развитием (II подгруппа). Выявлены значимые различия в выраженности негативного диадического копинга субъекта ($t = -3,83$, $p=0,00$; $M_1=3,02$; $SD_1=1,49$; $M_2=1,75$; $SD_2=0,76$). Также различия в выраженности негативного диадического копинга партнера ($t = -27,06$, $p=0,036$; $M_1=3,09$; $SD_1=1,33$; $M_2=2,50$; $SD_2=1,13$).

Сравнение диад типично развивающихся партнёров (I подгруппа) и диад, включающих двух партнёров с атипичным развитием (III подгруппа): выявлены значимые различия в выраженности негативного диадического копинга субъекта ($t = -2,34$, $p=0,02$; $M_1=3,02$; $SD_1=1,49$; $M_3=2,00$; $SD_3=0,77$). Также присутствуют различия в выраженности делегированного диадического копинга партнера ($t = -2,19$, $p=0,03$; $M_1=3,64$; $SD_1=0,92$; $M_3=3,04$; $SD_3=0,96$).

Таким образом, женщины в диадах типично развивающихся партнёров демонстрируют большую выраженность негативного копинга субъекта и партнера, что может означать большую тенденцию к использованию враждебных действий или неприятных партнеру слов в ситуации стресса. Возможно, женщины, включенные в «особые» пары, менее допускают такой стиль поведения вследствие высокой ценности отношений для них, обусловленной, в свою очередь, оценкой имеющихся нарушений здоровья. Различия в выраженности делегированного копинга партнера мы склонны обосновывать возможностью перенесения ответственности в типичных парах, что затруднено в парах с особенностями здоровья вследствие большой специфичности индивидуальной картины нарушений.

2) Диадический копинг с точки зрения мужчин: сравнение диад типично развивающихся партнёров (I подгруппа) и диад, включающих одного партнёра с атипичным развитием (II подгруппа).

Выявлены значимые различия в выраженности шкалы «Информирование о личном стрессе» ($t = -2,16$, $p = 0,03$; $M_1 = 3,17$; $SD_1 = 0,75$; $M_2 = 2,79$; $SD_2 = 0,77$). А также значимые различия есть в выраженности негативного диадического копинга субъекта ($t = -3,50$, $p = 0,001$; $M_1 = 3,06$; $SD_1 = 1,29$; $M_2 = 2,04$; $SD_2 = 1,004$). Присутствуют различия в выраженности негативного диадического копинга партнера ($t = -3,77$, $p = 0,00$; $M_1 = 3,24$; $SD_1 = 1,34$; $M_2 = 2,09$; $SD_2 = 1,02$).

Сравнение диад типично развивающихся партнёров (I подгруппа) и диад, включающих двух партнёров с атипичным развитием (III подгруппа): выявлены значимые различия в выраженности негативного диадического копинга субъекта ($t = -2,41$; $p = 0,017$; $M_1 = 3,06$; $SD_1 = 1,29$; $M_3 = 2,15$; $SD_3 = 0,87$). Также присутствуют различия в выраженности негативного диадического копинга партнера ($t = -3,41$; $p = 0,001$; $M_1 = 3,24$; $SD_1 = 1,34$; $M_3 = 1,89$; $SD_3 = 0,88$).

При анализе ответов мужчин отмечены те же закономерности, что и в женской выборке. Обнаруженные различия можно объяснить аналогично. Различия в выраженности показателя «Информирование о личном стрессе» объясняется возможным стремлением мужчин «особых» пар снизить уровень стресса с помощью совместных усилий, выработанных в ходе коммуникации.

Характерно, что при сравнении респондентов, включенных в диады второй и третьей подгрупп, то есть включающих одного или двух партнеров с атипичным развитием, различий выявлено не было. Возможно, это связано с наличием стресса, обусловленного ограничениями жизнедеятельности, в переживаниях диад данных групп, вследствие чего предполагается применение схожих стратегий совладания.

Таким образом, есть специфика диадического копинга, как мужчин, так и женщин, состоящих в близких отношениях, если один или оба партнера имеют ограниченные возможности

здоровья. Она проявляется в отказе от негативного копинга в совладании с диадическим стрессом, большей интенсивностью коммуникации мужчин в ситуации стресса, а также перераспределения функций партнеров.

Далее, для установления специфики диадического копинга внутри особых пар был применен t- критерий Стьюдента для зависимых выборок. При помощи внутривпарного сравнения данных пар, включающих лиц с нарушенным развитием, выявлены парные различия по показателю «Информирование о личном стрессе» ($M_{ж}=3,45$; $SD_{ж}=0,85$, $M_{м}=2,96$; $SD_{м}=0,81$; $t=2,47$, $p=0,03$). Следовательно, женщины больше склонны информировать партнера о существующих трудностях. Возможно, это объяснимо большей эмоциональностью женщин и стремлением получить поддержку при переживании стресса. Мужчины также отмечают инициативу женщины в установлении коммуникации в стрессовой ситуации, поскольку обнаружены различия по показателю «Общение партнеров во время стресса» ($M_{ж}=3,14$; $SD_{ж}=0,69$; $M_{м}=3,55$; $SD_{м}=0,68$; $t=-2,83$, $p=0,01$). Наличие коммуникации в стрессовой ситуации является важным условием диадического копинга. Мужчины демонстрируют более высокую выраженность показателя «Поддерживающий диадический копинг партнера» ($M_{ж}=3,33$; $SD_{ж}=0,84$; $M_{м}=3,75$; $SD_{м}=0,83$; $t=-2,21$, $p=0,03$), то есть они ощущают большую поддержку от своих партнеров. Объяснение данному результату видится нам в частоте эмоциональной поддержки, оказываемой женщинами вследствие большей эмпатичности. Однако шкала «Негативный диадический копинг партнера» имеет большую выраженность у женской части выборки ($M_{ж}=2,47$; $SD_{ж}=1,09$; $M_{м}=2,02$; $SD_{м}=0,96$; $t=2,17$, $p=0,04$), что может быть обусловлено недостатком поддержки, ощущаемым женщиной в близких отношениях. Мужчины признают диадический копинг более эффективным, чем женщины по показателю «Оценка диадического копинга» ($M_{ж}=3,53$; $SD_{ж}=1,16$; $M_{м}=4,00$; $SD_{м}=0,83$; $t=-2,69$, $p=0,01$). У них больше удовлетворенность от совместных усилий при совладании со стрессом.

Таким образом, особые пары справляются с повседневным диадическим стрессом, как и нормативные за счет специфичности диадического копинга. Выявлена меньшая частота применения стратегии негативного диадического копинга в случае пар, включающих атипично развивающегося партнера. При этом выявлена специфика в выраженности диадической копинг стратегий внутри «особой» пары. Если женская инициатива коммуникации и преобладания большая интенсивность негативного диадического копинга женщины партнерши характерна для нормативно развивающихся пар [Крюкова и др, 2019], то различия в поддерживающем диадическом копинге партнера, оценке диадического копинга являются специфичными для «особых» диад. Наша гипотеза подтвердилась полностью.

Библиографический список:

1. Екимчик О.А. Стресс в близких гетеросексуальных отношениях // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 49. С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 29.12.2021)
2. Екимчик О.А. Психология близких отношений в контексте стресса и совладания. Кострома : Костромской государственный университет, 2021. 164 с.
3. Екимчик О.А., Григорова Т.П., Смирнова Н.С. Динамические аспекты близких (романтических) отношений и совладающее поведение партнеров // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2013. Т. 19, № 3. С. 144–150
4. Крюкова Т.Л., Екимчик О.А., Опекина Т.П. Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях. Кострома : Костромской государственный университет, 2019. 340 с.
5. Шипова Н. С. Диадическое совладание «особых» пар // Ярославский педагогический вестник = Yaroslavl pedagogical bulletin: научный журнал. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. № 6 (105). 435 с., 2018.

6. Шипова Н. С.. Копинг-поведение в диадических отношениях партнеров с нормативным и нарушенным развитием // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки, 2020, №1 (45)-2020.

УДК 159.9

Ерофеева А.Г., Корнеева Е.Н.

КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ ФЕНОМЕНА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

Аннотация. Психологическое здоровье семьи и его компоненты рассматриваются с позиций понятия и структуры психологической культуры общества. Авторы выделяют когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты психологической культуры современной семьи. Особенности компонентов психологической культуры семьи и общества в целом связываются авторами с феноменом психологической готовности молодежи к браку. Исходя из особенностей психологической культуры современной семьи, указываются пути реконструкции нарушенных и развития отсутствующих компонентов данной психологической культуры.

Ключевые слова: современная семья, психологическая культура семьи, компонентный состав психологической культуры.

Erofeeva A.G., Korneeva E.N.

COMPONENT COMPOSITION OF THE PHENOMENON OF PSYCHOLOGICAL CULTURE OF THE MODERN FAMILY

Annotation. The psychological health of the family and its components are considered from the standpoint of the concept and structure of the psychological culture of society. The authors identify cognitive, emotional and behavioral components of the psychological culture of the modern family. The features of the components of the psychological culture of the family and society as a whole are associated by the authors with the phenomenon of psychological readiness of young people for marriage. Based on the peculiarities of the psychological culture of the modern family, the ways of reconstruction of the disturbed and development of the missing components of this psychological culture are indicated.

Keywords: modern family, psychological culture of the family, component composition of psychological culture.

В настоящее время многие современные семьи переживают кризис. Данный кризис, и, прежде всего, его духовное содержание, связан с особенностями и недостатками нравственного воспитания подрастающего поколения. Очевидно, что уровень духовного и нравственного развития семей отражает уровень развития культуры общества в целом. В век информационных технологий все больше людей проводят все свое свободное время в социальных сетях, Интернете или за просмотром телевизионных передач, забывая о важности духовного межличностного общения. О кризисе современных семей красноречиво говорят и статистические данные. По данным ЕМИСС, в 2020 году в России было расторгнуто 73 % браков, для сравнения в 2018 и 2019 годах расторгалось 65 % браков. 30 лет назад эта цифра составляла 42 %, а 70 лет назад распадалось всего лишь 4 % брачных союзов [Развод в цифрах..., 2020].

Кризисы семейных отношений являлись и являются предметом научных исследований целого ряда психологов (Л.Б. Шнейдер, А.Г. Харчев, С.А. Голод, С.В. Захаров, В.И. Сакевич и другие).

В рамках данной работы нами будет предпринята попытка рассмотреть кризисные явления в жизни современных семей с позиций психологической культуры общества и семьи как

его неотъемлемой части. Для этого необходимо понять, что представляет собой феномен психологической культуры, рассмотреть его структуру, выявить компоненты, наиболее подверженные деформации в современных условиях жизни общества.

Так, по исследованиям А.Г. Асмолова, К.А. Альбухановой-Славской, И.А. Зимней, психологическая культура представляет собой «часть общей культуры, способствующая адекватному взаимодействию с окружающим миром» [Ерофеева, 2021, с.85-91], а по мнению М.К. Мамардашвили и М.М. Бахтиной, психологическая культура - «личностное образование, подвергающееся постоянным изменениям извне, отражающее индивидуальность его носителя» [Чернова, 2014]. Индивидуальность носителя и представляет собой психологический портрет современной российской семьи, возникающей и существующей на рубеже веков и в первой четверти XXI века.

Рассматривая вопрос о психологической культуре, следует проанализировать ее структуру, выделить ведущие компоненты, описать возможные трансформации, которым они подвергаются в современном обществе. По нашему мнению, психологическая культура семьи может трактоваться как разновидность комплекса социальных установок людей состоящих и не состоящих в браке, готовящихся к вступлению в брак или к его расторжению. В ней можно выделить когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Когнитивные – это представления молодежи или супругов, бывших супругов о сущности, назначении семьи, правах и обязанностях ее членов. Эмоциональные компоненты включают в себя отношение к браку и семье, деторождению, оценка важности переживаний любви, счастья, защищенности, принадлежности и т.п. Поведенческие компоненты выражаются в готовности мириться или не мириться с данностью тех особенностей, которыми наделены и обладают супруги и другие члены семьи.

В современном обществе, к сожалению, можно наблюдать деформацию и когнитивных, и эмоциональных, и поведенческих компонентов. Увеличение количества разводов, негативные уста-

новки по отношению к институту брака, рост числа так называемых «сожителей», когда женщина считает себя «замужем», а мужчина «свободным», безбрачие, легализация добрачных сексуальных отношений, появление феномена «чайлдфри», когда супруги сознательно не хотят заводить детей – все это характеризует низкий уровень психологической культуры современных семей и общества в целом. Современная молодежь через брак стремится улучшить свое социальное и материальное положение, круг общения и, к сожалению, иногда забывает о духовно-нравственной составляющей создания семьи. В связи с вышеизложенным, необходимо отметить важность грамотного воспитания подрастающего поколения, формирование позитивных социальных установок молодых людей к брачно-семейным ценностям. Сформированность перечисленных ранее компонентов позволит повысить значимость семейных ценностей, что является одним из элементов психологической культуры общества [Хрипкова, 1985].

И.В. Дубровина предлагает рассматривать психологическое здоровье как одну из основополагающих частей психологической культуры [Дубровина, 2015]. При этом понятие «психологическое здоровье» не тождественно понятию “психическое здоровье”, психологическое здоровье относится к личности, даже обществу в целом, а не к отдельным психическим процессам и состояниям [Дубровина, 2015; Баякина, 2009]. В нашем понимании психологическое здоровье - состояние духовного и нравственного благополучия, совокупность жизненных ресурсов, обеспечивающих человеку жизнь в гармонии с самим собой и окружающим миром, в данном случае с членами своей семьи. Отметим, что одним из важнейших жизненных ресурсов личности является семья, поскольку она дает человеку эмоциональную поддержку, позволяет надеяться и реально получать от близких людей помощь, в процессе реализации внутрисемейных обязанностей и прав, происходит снижение напряжения и частичное снятие стресса. В ряде исследований отмечается, что «у людей, состоящих в браке, уровень психологического благополучия выше, чем у одиноких» [Куренкова, 2021, с.177-182].

Вопрос о психологическом здоровье семьи является предметом научного обсуждения. Так, в исследованиях В.С. Торохтия и О.Г. Прохоровой отмечаются следующие критерии психологического здоровья семьи: сходство семейных ценностей, функционально-ролевая согласованность, социально-ролевая адекватность, эмоциональная удовлетворенность, адаптивность в микро-социальных отношениях, устремление на семейное долголетие [Торохтий, 2008]. Всеми исследователями признается важность психологической подготовки молодежи к будущей семейной жизни. В.С. Торохтий указывает, что готовность к браку и желание выйти замуж или жениться – не одно и то же. В своих исследованиях справедливо он отмечает необходимость *нравственно-психологической подготовленности* личности к браку, предполагающую умение брать на себя ответственность, добросовестно исполнять предписанные обществом обязанности; умение приспособиться к привычкам другого человека и др. В.С. Торохтий также выделяет наличие *способности к браку*: это и способность к заботиться о другом человеке, способность сочувствовать, оказывать эмоциональную поддержку партнеру, способность к сотрудничеству, коммуникации, это и способность быть снисходительным, добрым, принимать человека таким, какой он есть, со всеми его недостатками, это и способность преодолевать свое раздражение и эгоизм. Только сформированная готовность к браку поможет молодым людям избежать многих ошибок, порой даже роковых [Торохтий, 2008].

Согласимся с позицией А.Г. Хрипковой и Д.В. Колесова в том, что одним из направлений деятельности школы, семьи должна стать подготовка молодых людей и девушек к семейной жизни, воспитание культуры взаимоотношений и нравственного поведения, а также учет физиологических и психологических особенностей девушек и юношей [Хрипкова, 1985]. При этом, одним из направлений подготовки должны стать формирование и корректировка деформированных или отсутствующих компонентов психологической культуры семьи, умений осуществлять сов-

местное урегулирование и сорегулирование, возникающий вопрос и трудностей, опирающихся на концепцию субъектной регуляции социального взаимодействия [Корнеева, 2007].

Библиографический список:

1. Баякина О. А. Соотношение понятий психического и психологического здоровья личности // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. №4-5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-psihicheskogo-i-psihologicheskogo-zdorovya-lichnosti>. (Дата обращения: 22.01.2022).
2. Дубровина И.В. Психическое и психологическое здоровье в контексте психологической культуры личности // Вестник практической психологии образования №3 (20), 2009. С. 17-21
3. Дубровина И.В. Психологическое здоровье личности в контексте возрастного развития // Развитие личности. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-zdorovie-lichnostiv-kontekste-vozzrastnogo-razvitiya>. (Дата обращения: 26.01.2022).
4. Ерофеева А.Г. Феномен психологической культуры и основные подходы в ее понимании // Психология образования будущего: От традиций к инновациям : материалы V международной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов [27 апреля 2021] / под научной редакцией доктора психологических наук, профессора Н.В. Нижегородцевой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. С.85-91
5. Корнеева Е.Н. Субъектная регуляция образовательного взаимодействия : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2007. 153 с.
6. Куренкова Ю.В. Особенности психологического благополучия у мужчин, находящихся в брачно-семейных отношениях разных форм // Социальное и профессиональное становление личности в эпоху больших вызовов: междисциплинарный дискурс : сборник статей всероссийской конференции с международным участием / под науч. ред. И.Ю. Тархановой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. С. 168-172.

7. Развод в цифрах – статистика разводов в России. URL: <https://www.planeta-zakona.ru/blog/razvod-v-tsifrakh-statistika-razvodov-v-rossii.html/>. (Дата обращения: 25.01.2022).
8. Семенова Л.В. Семья. Понятие, виды, структура, проблемы // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. №18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-ponyatie-vidy-struktura-problemy> (Дата обращения: 23.01.2022).
9. Торохтий В.С. Психологическое здоровье семьи / В.С. Торохтий, О.В. Прохорова. Санкт-Петербург : КАРО, 2008. 124 с.
10. Хрипкова А.Г. В семье сын и дочь : кн. для учителя /А.Г. Хрипкова, Д.В. Колесов. Москва: Просвещение, 1985. 240 с.
11. Чернова М. А. Теоретический анализ проблемы формирования психологической культуры у студентов будущих учителей // МНКО. 2014. №5 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskiy-analiz-problemyformirovaniya-psihologicheskoy-kultury-u-studentov-buduschihuchiteley> (Дата обращения: 18.01.2022).

УДК 159.9

Жукова Т.В.

ЦЕННОСТИ СЕМЬИ В СТРУКТУРЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ УЧАЩИХСЯ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

Аннотация. В статье представлены основные результаты исследования ценностей семьи в структуре ценностных ориентаций учащихся старшего юношеского возраста. Представлена структурограмма ценностных ориентаций учащихся старшего юношеского возраста. Выявлены взаимосвязи внутри системы ценностей семьи в старшем юношеском возрасте, определена

роль ценностей семьи в структуре ценностных ориентаций в старшем юношеском возрасте.

Ключевые слова: старший юношеский возраст, ценности, ценностные ориентации, семейные ценности.

Zhukova T. V.

FAMILY VALUES IN THE STRUCTURE OF VALUE ORIENTATIONS OF YOUTH STUDENTS

Annotation. The article presents the main results of the study of family values in the structure of value orientations of students of older adolescence. A structurogram of value orientations of senior youth students is presented. Relationships within the system of family values in older adolescence are revealed, the role of family values in the structure of value orientations in older adolescence is determined.

Keywords: senior adolescence, values, value orientations, family values.

В настоящее время наблюдается трансформация института семьи и брака, снижение роли ценностей семьи, что связано с изменениями современного общества, преобразованием общественных потребностей. Представления о семейных ценностях, их переоценка больше всего проявляется в юношеском возрасте, так как этот возраст является одним из важнейших и наиболее сензитивных возрастных периодов в контексте формирования индивидуальной системы ценностей и ценностных ориентаций.

В работах И.С. Кона, Д.А. Леонтьева ценностные ориентации рассматриваются как необходимые и важные ориентиры для формирования личности в юношеском возрасте, обретения ею опыта духовного созидания. Исследованию семейных ценностей, проблемам формирования взглядов и ценностей юношества на брак и семью посвящены работы Т.А. Гурко, И.Ф. Дементьевой, В.И. Жукова, Е.И. Зритневой, С.В. Мерзляковой, Р.К. Карнева и др. При этом внимание к роли ценностей семьи в структуре

ценностных ориентаций юношей и девушек практически не уделяется, что определяет актуальность данного исследования.

Понятие «ценности» характеризуется многообразием граней и аспектов, включает в себя разноплановые и разноуровневые явления, связанные с категориями «отношение», «значимость», «потребность», «интерес», «убеждение», «диспозиции», «смысл» и определяются как комплекс направленных от субъекта к объективной реальности волевых, эмоциональных, интеллектуальных переживаний, воплощающих в себе наиболее значимые целе- и смылосодержащие притязания и устремления [Алишев, 2011]. Ценностные ориентации, в свою очередь, образуют содержательную сторону направленности личности, являются внутренней основой отношений личности к действительности и образуют сложную иерархическую динамическую систему [Ежевская, 2010; Ледовская, Солынин, Ходырев, 2019]. Семейные ценности, или ценности семьи - это группа ценностей, регулирующих семейные отношения и микроклимат семьи [Кулаженкова, 2015]. Они могут быть рассмотрены как положительные и отрицательные показатели значимости объектов, относящихся к основанной на единой совместной деятельности общности людей, связанных узами супружества - родительства - родства, в связи с вовлеченностью этих объектов в сферу человеческой жизнедеятельности, человеческими интересами, потребностями, социальными отношениями [Карцева, 2003]. На основании проведенного теоретического анализа и в соответствии с моделью аксиосферы Б.С. Алишева к базовым ценностям семьи можно отнести: семья, благополучие близких, гармония отношений, любовь, материальное благополучие, здоровье, свобода, истина, красота.

Исследование проводилось на базе Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Выборку исследования составили 40 человек, возрастной диапазон 17-25 лет.

Для проведения исследования ценностей семьи в структуре ценностных ориентаций учащихся старшего юношеского

возраста использовалась «Методика диагностики структуры ценностей» (Б. С. Алишев) [Алишев, 2002].

Структурограмма ценностных ориентаций учащихся старшего юношеского возраста представлена на рисунке 1.

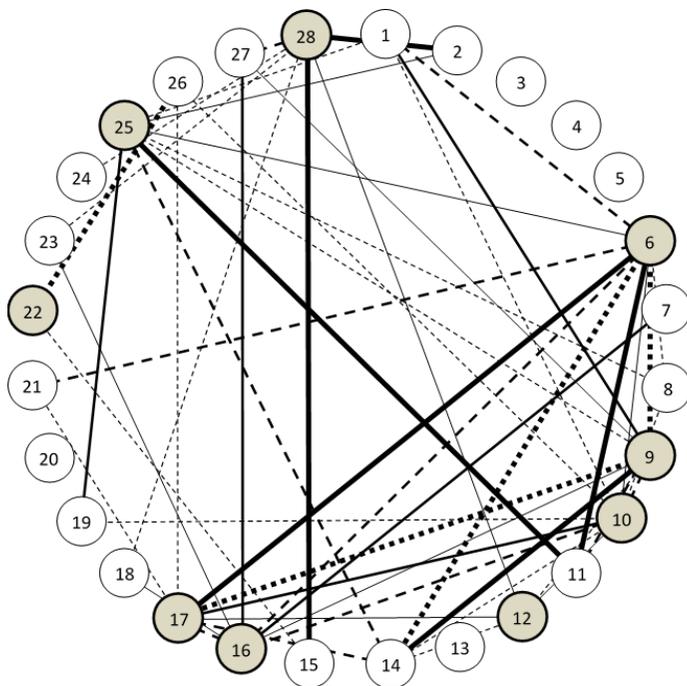

Рис. 1 Структурограмма ценностных ориентаций учащихся старшего юношеского возраста

Примечание:

- - положительные корреляции на уровне значимости $<0,001$;
- - положительные корреляции на уровне значимости $<0,01$;
- - положительные корреляции на уровне значимости $<0,05$;
- - - - - отрицательные корреляции на уровне значимости $<0,001$;
- - - - - отрицательные корреляции на уровне значимости $<0,01$;
- - - - - отрицательные корреляции на уровне значимости $<0,05$;

Ценностные ориентации:

1 - Сохранение среды обитания; 2 - Мощь и процветание страны; 3 - Жизнь и безопасность каждого человека; 4 - Развитие нравственности культуры в обществе; 5 - Экономический и технический прогресс; 6 - Благополучие близких людей; 7 - Мое благополучие; 8 - Работа / учеба; 9 - Личное здоровье; 10 - Семья; 11 - Дружба; 12 - Любовь; 13 - Отдых; 14 - Общественная жизнь; 15 - Покой; 16 - Материальное благополучие; 17 - Гармония отношений; 18 - Статус; 19 - Самоотдача; 20 - Разнообразии; 21 - Саморазвитие; 22 - Красота; 23 - Мощь (сила); 24 - Добро; 25 - Истина; 26 - Польза; 27 - Справедливость; 28 - Свобода.

В группе учащихся старшего юношеского возраста выявлены взаимосвязи внутри системы ценностей семьи. Ценности *благополучия близких людей, семьи, гармонии отношений, любви* связаны положительными корреляционными связями, обеспечивая тем самым общую интеграцию системы ценностей семьи.

Ценности личного здоровья и материального благополучия, положительно связанные между собой ($r_s = 0,35$; $p < 0,05$) вносят дифференциацию в систему ценностей семьи за счет отрицательных взаимосвязей с другими ее составляющими. Так, ценность здоровья отрицательно коррелирует с благополучием близких ($r_s = -0,61$; $p < 0,001$), семьей ($r_s = -0,44$; $p < 0,01$), любовью ($r_s = -0,33$; $p < 0,05$), гармонией отношений ($r_s = -0,57$; $p < 0,001$) и истиной ($r_s = -0,34$; $p < 0,05$). Материальное благополучие отрицательно коррелирует с благополучием близких ($r_s = -0,40$; $p < 0,01$), семьей ($r_s = -0,41$; $p < 0,01$), гармонией отношений ($r_s = -0,49$; $p < 0,01$). Иными словами, повышение ценностей семьи, имеющих конкретный, индивидуалистический характер и связанных с обеспечением витальных потребностей, связано с ослаблением значимости автотелических ценностей, определяющих стратегические жизненные цели и достигаются человеком самостоятельно для себя.

В качестве базовых составляющих структуры ценностей семьи можно обозначить ценности *гармонии отношений, личного здоровья и благополучия близких людей*. Эти ценности имеют наиболее высокий корреляционный вес.

Наименее включенными в общую систему ценностей семьи являются первичные функциональные ценности – красота, истина и свобода. Ценность красоты не имеет значимых корреляционных связей с другими ценностями семьи; истина на слабом уровне значимости положительно коррелирует с благополучием близких ($r_s = 0,35$; $p < 0,05$), а отрицательно – со здоровьем ($r_s = -0,34$; $p < 0,05$); свобода связана положительно корреляцией с ценностью любви ($r_s = 0,31$; $p < 0,05$).

Определены взаимосвязи системы ценностей семьи с другими ценностными ориентациями учащихся старшего юношеского возраста.

Благополучие близких людей отрицательно коррелирует с сохранением среды обитания ($r_s = -0,48$; $p < 0,01$). Так как среда обитания является наиболее отдаленным от «Я» уровнем взаимодействия с миром, а близкие люди – наиболее тесно связаны с собственным «Я», можно предположить, что ценности семьи к старшему юношескому возрасту наращивают свою воплощенность в реальной жизни, становятся более реализуемыми в ней. Среди сфер жизнедеятельности данный тип ценностного отношения связан положительной корреляцией с дружбой ($r_s = 0,58$; $p < 0,001$), а отрицательно – с работой/учебой ($r_s = -0,34$; $p < 0,05$), общественной жизнью ($r_s = -0,69$; $p < 0,001$). Оценка действительности преимущественно с точки зрения благополучия близких людей сопряжена с высокой значимостью не только семейных, но и дружеских отношений и слабой значимостью учебной/профессиональной деятельности, проявлений социальной и политической активности.

Среди ценностей-сфер жизнедеятельности благополучие близких отрицательно коррелирует с саморазвитием ($r_s = -0,42$; $p < 0,01$). Также установлена взаимосвязь данной ценности с установками на эгоизм/альтруизм ($r_s = 0,42$; $p < 0,01$). Чем более приоритетной для старших юношей является сфера благополучия близких, тем более характерны для них эгоистичные ценностные установки.

Ценность *личного здоровья* имеет сходные корреляционные связи, но с противоположным направлением. Так, здоровье

положительно коррелирует со значимостью сохранения среды обитания ($r_s=0,43$; $p<0,01$), ценностью общественной жизни ($r_s=0,52$; $p<0,001$), а отрицательно - с дружбой ($r_s= -0,48$; $p<0,01$), эгоизмом ($r_s= -0,34$; $p<0,05$). Также выявлена положительная связь ценности здоровья и справедливости ($r_s=0,31$, $p<0,05$). Чем большее значение придают старшие юноши состоянию своего здоровья, тем большее значение для них имеют вопросы сохранения среды обитания, своей социальной активности, бескорыстной помощи людям и тем меньше значение придается дружеским отношениям.

Семья как сфера жизнедеятельности значимо коррелирует с такими ценностными характеристиками как: сохранение среды обитания ($r_s= -0,37$; $p<0,05$), работа/учеба ($r_s= -0,37$; $p<0,05$), общественная жизнь ($r_s= -0,33$; $p<0,05$), самоотдача ($r_s= -0,35$; $p<0,05$), польза ($r_s= -0,34$; $p<0,01$). Чем более ценной представляется учащимся старшего юношеского возраста сфера семейной жизни, тем менее значимыми становятся вопросы сохранения среды обитания, сфера учебы/работы, социальная и политическая жизнь общества и тем меньше они склонны оценивать окружающий мир с точки зрения полезности того или иного его объекта/явления. С учетом того, что семейная сфера при этом положительно связана с ценностями любви и гармонии отношений и отрицательно - с материальным благополучием, можно говорить о том, что на выходе из периода юношества сохраняется, во-первых, некоторая конкуренция семьи и профессиональной/общественной жизни, а во-вторых, индивидуалистически-романтический характер восприятия категории «семья».

Ценность *любви* отрицательно коррелирует с общественной жизнью ($r_s= -0,34$; $p<0,05$) и с ценностными установками на коллективизм ($r_s= -0,33$; $p<0,05$), эгоизм ($r_s=0,48$; $p<0,01$) и экстернатность ($r_s=0,59$; $p<0,001$). Чем более ценной для учащихся старшего юношеского возраста является любовь, тем меньшее значение они придают событиям и своему участие в общественной и политической жизни общества и тем более характерными для них являются установки на индивидуализм, эгоизм и экстернатность.

Ценность *материального благополучия* положительно коррелирует с ценностью собственного благополучия ($r_s=0,44$; $p<0,01$), статуса ($r_s=0,31$; $p<0,05$), силы ($r_s=0,32$; $p<0,05$), справедливости ($r_s=0,46$; $p<0,01$), а отрицательно - с «Я»-направленностью.

Гармония отношений имеет положительную корреляционную связь с установкой на эгоизм ($r_s=0,34$; $p<0,05$). Отрицательно данная ценность семьи связана с общественной жизнью ($r_s= -0,42$; $p<0,01$), саморазвитием ($r_s= -0,38$; $p<0,05$), пользой ($r_s= -0,35$; $p<0,05$). В данном случае можно отметить, что гармония отношений в старшем юношеском возрасте имеет индивидуалистический характер и основана на принципе разумного эгоизма.

Ценность *красоты* отрицательно взаимосвязана с ценностями пользы ($r_s= -0,56$; $p<0,001$) и покоя ($r_s= -0,37$; $p<0,05$). Чем большее значение придается эстетическим аспектам окружающего мира, тем меньшую значимость имеют вопросы практической полезности тех или иных объектов, а также вопросы безопасности жизни, без высоких требований и усилий.

Ценность *истины* коррелирует с другими ценностными характеристиками личности. Положительно данная ценность связана с ценностями процветания страны ($r_s= 0,37$; $p<0,05$), дружбы ($r_s= 0,50$; $p<0,001$), самоотдачи ($r_s= 0,45$; $p<0,01$), «Я»-направленностью ($r_s= 0,61$; $p<0,001$) и установкой на коллективизм ($r_s= 0,32$; $p<0,05$). Отрицательная связь выявлена с ценностями сохранения среды обитания ($r_s= -0,39$; $p<0,05$), работы/учебы ($r_s= -0,38$; $p<0,05$), общественной жизни ($r_s= -0,45$; $p<0,01$), «Не-Я»-направленностью ($r_s= -0,46$; $p<0,01$).

Ценность *свободы* положительно коррелирует с ценностями процветания страны ($r_s= 0,57$; $p<0,001$), покоя ($r_s= 0,58$; $p<0,001$), установками на авторитаризм ($r_s= 0,32$; $p<0,05$) и экстернатальность ($r_s= 0,50$; $p<0,001$). Чем большую значимость имеет свобода, тем больше ценится спокойная, безопасная жизнь, развитие своей страны, а также более выраженной является ориентация на социальные контакты, внешний мир и возможности влияния и контроля. Отрицательными корреляциями свобода связана

с ценностями статуса ($r_s = -0,34$; $p < 0,05$), силы ($r_s = -0,35$; $p < 0,05$), добра ($r_s = -0,37$; $p < 0,05$), справедливости ($r_s = -0,43$; $p < 0,01$).

Таким образом, в основе системы ценностей семьи учащихся старшего школьного возраста лежат три ключевые ценности - *гармония отношений, личное здоровье и благополучие близких людей*, вокруг которых формируется вся система ценностей семьи. Анализ структурных связей ценностей семьи с другими ценностными характеристиками показал, что ценности семьи тесно включены в общую структуру ценностных ориентаций учащихся старшего юношеского возраста.

Библиографический список:

1. Алишев Б.С. К вопросу о психологической сущности ценностей // Ученые записки Педагогического института СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Серия: Психология. Педагогика. 2011. № 1. С. 3-26.
2. Алишев Б.С. Психологическая теория ценности: системно-функциональный подход : дис. ... докт. псих. наук / Алишев Булат Салямovich. Казань, 2002. 367 с.
3. Гурко Т.А. Студенты-социологи о семье, тендере и отношении к родителям // Вестник института социологии. 2015. № 4(15). С. 57-71.
4. Дементьева И.Ф. Отношение молодого поколения к семье как жизненной ценности // Социальная педагогика. 2012. № 1. С. 97-103.
5. Ежеская Т.И. Ценности как важный психологический ресурс личности // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2010. № 2. С. 55-59.
6. Карнеев Р. К. Сравнительное исследование особенностей связи семейных ценностей и направленности личности юношей и девушек // Вестник БГУ. 2010. №1. С. 145-149.
7. Карцева Л.В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 92-100.

8. Кулаженкова Н.В. К вопросу о трансформации семейных ценностей в современном российском обществе // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 1. С. 18-27.

9. Ледовская Т. В., Солынин Н. Э., Ходырев А. М. Сравнительная характеристика ценностей студентов в период кризиса идентичности на разных уровнях педагогического образования // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25. № 1. С. 116-121

УДК 159.9

Зверева И.И.

СОТРУДНИЧЕСТВО СЕМЬИ С ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ДОШКОЛЬНИКА

Аннотация. В статье современное семейное воспитание рассматривается как неавтономный фактор формирования личности. Фокус внимания автора сосредоточен на анализе эффективных форм взаимодействия образовательной организации с родителями (законными представителями) в решении указанной задачи. Представлен опыт создания и функционирования на базе дошкольного учреждения Школы для родителей «Осознанное родительство», направленной на решение задач формирования родительских компетенций в вопросах воспитания и развития детей.

Ключевые слова: воспитание, семья, дошкольное образовательное учреждение, взаимодействие, сотрудничество, Школа для родителей, родительская компетенция.

Zvereva I.I.

COOPERATION OF A FAMILY WITH A PRESCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATION AS A CONDITION FOR THE FORMATION OF A PRESCHOOLER'S PERSONALITY

Annotation. The article considers modern family education as a non-autonomous factor of personality formation. The focus of the author's attention is focused on the analysis of effective forms of interaction of an educational organization with parents (legal representatives) in solving this problem. The article presents the experience of creating and functioning on the basis of a preschool institution of a School for parents "Conscious Parenting", aimed at solving the tasks of forming parental competencies in the issues of upbringing and development of children.

Keywords: upbringing, family, preschool educational institution, interaction, parental competence.

В настоящее время проблема воспитания является одной из самых актуальных в образовании. Потребность современной образовательной системы, государства – «воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций» [Указ Президента ..., 2018]. В решении этой задачи особая роль отведена сотрудничеству образовательной организации с родителями (законными представителями). Доказательством тому являются положения нормативно-правовых документов. Так, согласно Закону «Об образовании в Российской Федерации», одной из основополагающих задач, стоящих перед дошкольным образовательным учреждением, является «взаимодействие с семьей для обеспечения полноценного развития ребенка» [Федеральный закон ..., 2021]. При этом основной целью такого взаимодействия должно стать «установление доверительных отношений между детьми, родителями и педагогами, воспитание потребности делиться друг с другом своими проблемами и совместно их решать» [Федеральный закон ..., 2021].

А.Г. Асмолов, рассматривая современный процесс взаимодействия участников образовательных отношений, подчеркивает ведущую роль родителей в воспитательном процессе: «Детство обеспечивается – и это главное – поддержкой семьи как ключевого института развития и социализации ребенка. Нам как никогда нужно создать такую доктрину развития дошкольного детства, в которой бы вместе, «в одной упряжке», были государство, семья, работники системы образования. Родители – первые воспитатели и учителя ребенка, поэтому их роль в формировании его личности огромна» [Асмолов, 2013]. Согласно Закону об образовании в Российской Федерации именно родители являются первыми педагогами для ребенка, «они обязаны заложить основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребёнка в раннем возрасте» [Федеральный закон ..., 2021].

Однако в современном обществе наблюдается процесс изменения семьи как социального института, изменения ее социальных функций, семейных отношений, структуры семьи. Реализация воспитательных возможностей современной российской семьей осложнена существующими в ней социально–экономическими и бытовыми проблемами: неустойчивым материальным положением, рисками, связанными с безработицей, увеличением бытовых нагрузок и др. Следствием тому является неблагоприятный социально–психологический климат, который отражается на отношениях между детьми и родителями. Современные дети растут в условиях дисбаланса: одни - в дефицитарных условиях родительского внимания, принятия, любви, другие - во вседозволенности (условиях чрезмерной опеки, «залюбленности»).

Таким образом, современное семейное воспитание не рассматривается как автономный фактор формирования личности. Напротив, «эффективность домашнего воспитания возрастает, если оно дополняется системой других воспитательных институтов, с которыми у семьи складываются отношения сотрудничества, взаимодействия. От участия родителей в работе дошкольного учреждения выигрывают все субъекты педагогического процесса, и, прежде всего, дети» [Васильева, 2017, с. 55].

Резюмируя сказанное необходимо признать, что современная семья нуждается в профессиональном сопровождении и поддержке. Решить данную проблему одномоментно трудно, но возможно в условиях прочного взаимодействия образовательной организации с семьей. Главное – поиск эффективных форм такого взаимодействия, при которых повышается качество получения образовательной услуги, оказывается необходимая психологическая поддержка и наставничество в экспертных областях, используется интегральный подход, благодаря которым эффективно решаются сложные задачи.

Традиционно взаимодействие с родителями в дошкольном учреждении строится в рамках встреч на родительских собраниях (ежеквартально), предоставления различных консультаций-ширм (ежемесячно), проводимых педагогами мастер-классов, бесед с родителями во второй половине дня. Однако родители не всегда готовы поделиться существующей проблемой в вопросах воспитания на родительском собрании, обсудить ее в условиях «коридорного общения» с воспитателем в час пик в присутствии других родителей, пришедших за своими детьми. Глубокий доверительный контакт с обсуждением и решением проблемы предполагает специально отведенное время, место, доверительное окружение.

В контексте сказанного важно отметить, что оптимальным моментом для установления контакта с родителями является период поступления ребенка в дошкольное учреждение, тревожный и волнительный для родителей; именно в этот момент у них возникает много вопросов о воспитании, и они открыты на взаимодействие. Мы предположили, что одной из форм удовлетворения данной потребности может быть Школа для родителей, организованная в условиях дошкольного учреждения, функционирование которой предполагает специально выделенное время (вечернее), место проведения (кабинет психологической разгрузки), частоту встреч (2 раза в месяц). Организация Школы для родителей необходима для продолжения взаимодействия с родителями по вопросам воспитания после проведенного комплекса меропр-

ятий, направленных на адаптацию ребёнка в дошкольном учреждении. Школа «Осознанное родительство» является формой формирования компетенций родителей (законных представителей) на пути развития и воспитания детей, решения вопросов по психолого-педагогической поддержке и практико-ориентированному сопровождению родителей.

Мы убеждены в том, что для формирования любой компетентности родителя необходимо не только время для формирования навыков и встраивания их в систему жизнедеятельности, но и среда, которая поддерживает мотивацию, помогает глубже понять «куда и зачем?» мы ведем детей, как преодолеть трудности, встречаемые на пути. Создание доверительной среды в рамках функционирования Школы для родителей, в которой родители смогут поделиться своими проблемами, совместно с экспертами сформулировать задачи воспитания и развития, в дискуссии понять способы их разрешения, решает задачу продуктивного сотрудничества образовательной организации с родителями.

Подход к поиску ответов на интересующие вопросы родителей в Школе «Осознанное родительство», созданной в муниципальном бюджетном дошкольном образовательном учреждении № 82 «Чиполлино» города Калуги, выстроен на основе коучинга: каждый родитель ищет ответы внутри себя (путем самостоятельного рассуждения и совместно с группой, получая недостающее информационное сопровождение), и далее - выстраивает их внутри своей семьи в соответствии с принятыми осознанными решениями изменений устава семьи, правил и норм поведения и взаимодействия. Во главе взаимодействия в Школе для родителей - принцип уважительного отношения участников друг к другу, равенство позиций партнеров. Другим методом взаимодействия является «Круг Сократа», подразумевающий исследование информации с помощью дискуссии и основывающийся на том, что у участника обсуждения есть уже какие-либо знания по теме дискуссии, а новые знания приобретаются путём диалога. Цель такой активности заключается в том, чтобы участники обсуждения, высказывая свои мнения, пришли к самостоятельно открытому но-

вому знанию. В таком формате общения рассматриваются следующие вопросы, обсуждение которых способствует формированию ряда родительских компетенций:

- «Детство – основа жизни. Как правильно начать? Как предупредить формирование невротической личности?» (компетенция родителя – контроль эмоционального состояния);

- «Видеть ребенка в потенциале, создавая среду для развития и воспитания. Как?» (компетенция родителя – благоприятная поддержка: формирование положительного взгляда на ребенка и вера в него);

- «Строгость и любовь – основа роста настоящего человека. Про границы и теплоту» (компетенция родителя – управление созданием правил, ритуалов, традиций: кодекс семьи);

- «Сам себе коуч по формированию качеств характера. Родительский коучинг» (компетенция родителя – управление развитием качеств характера, пошаговое планирование);

- «Дневник наблюдений, критерии динамики развития и формирования качеств. Обсуждение достижений» (компетенция родителя – умение наблюдать положительную динамику в развитии личности) и др.

Промежуточные результаты двухгодичного функционирования «Школы для родителей» в условиях дошкольного учреждения в целом свидетельствуют о важности такой формы сопровождения для заинтересованного круга лиц. В рамках встреч сложилась доверительная форма взаимодействия участников Школы. Благодаря активности в тематических дискуссиях у родителей начала выстраиваться более ясная стратегия воспитания и развития своих детей с учетом особенности семьи. Подобный формат встреч позволил решать задачи поэтапно, пошагово, что способствовало поддержанию мотивации родителей к посещению занятий в Школе. В свою очередь, это формировало новые запросы на внеплановые встречи; новые формы (мама+ребенок) и методы взаимодействия (телесно-ориентированная практика: психогимнастика, игротерапия и др.).

Обратной стороной решения проблемы взаимодействия с родителями по вопросам воспитания в условиях дошкольного

учреждения является низкий процент родителей, включившихся во взаимодействие: из 63 родителей, дети которых поступили в дошкольное учреждение, откликнулись посещать Школу для родителей «Осознанное родительство» 16 человек (25%), из них 100% - родители воспитанников первой младшей группы. Регулярно посещают Школу для родителей 48% из записавшихся.

Существует категория родителей, которые не вовлечены в процесс сотрудничества и взаимодействия с образовательным учреждением в вопросах воспитания. Речь, прежде всего, идет о родителях, которые неохотно идут на контакт, поскольку считают себя экспертами в вопросах воспитания, мотивируя тем, что в условиях многообразия информации, литературы по теме воспитания и развития детей не может быть неразрешенных вопросов. Другая категория – родители, не признающие наличия проблемы при ее существовании; либо те, кто не считает нужным ее решать в данный момент и др. Решение обозначенной проблемы мы видим в продолжении поиска новых форм взаимодействия с родителями и создание условий для формирования мотивации к такому взаимодействию. Задача дошкольного учреждения - не упустить, а задача школы - принять, обеспечить преемственность в сопровождении – в таком формате мы усматриваем перспективы работы в вопросах взаимодействия образовательного учреждения и родителей (законных представителей).

Библиографический список:

1. Асмолов А. Г. В дошкольном образовании экзамены исключены // РИА Новости: информационное агентство России: официальный сайт. URL: <https://ria.ru/20130301/925353566.html> Дата публикации: 01.03.2013. (дата обращения: 13.02.2022).

2. Васильева О. С. Психолого-педагогические основы взаимодействия семьи и педагога // Научное знание современности. 2017. № 4. С. 52-55.

3. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года //

Официальные сетевые ресурсы Президента России: официальный сайт. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 13.02.2022).

4. Федеральный закон Об образовании в Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция) // Информационно-правовое обеспечение Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/70291362/> (дата обращения: 13.02.2022).

УДК 37.04

Камакина О.Ю.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЬИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАК УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. Статья посвящена осмыслению проблемы сохранения и укрепления здоровья школьников в образовательной организации. Проанализированы особенности семей, влияющие на формирование культуры здоровья школьников. Обоснована необходимость формирования социального партнерства семьи и школы для создания безопасной образовательной среды и сохранения здоровья детей. Описаны направления, результаты, методы психолого-педагогического сопровождения семей для формирования здоровьесберегающей компетентности обучающихся.

Ключевые слова: культура здоровья, школьник, семья, образовательная организация.

Kamakina O.Yu.

**PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT
OF THE FAMILY IN THE EDUCATIONAL ORGANIZATION
AS A CONDITION FOR PRESERVING AND PROMOTING
THE HEALTH OF SCHOOLCHILDREN**

Annotation. The article is devoted to understanding the problem of preserving and strengthening the health of schoolchildren in an educational organization. The features of families influencing the formation of the health culture of schoolchildren are analyzed. The necessity of forming a social partnership between the family and the school to create a safe educational environment and preserve the health of children is substantiated. The directions, results, methods of psychological and pedagogical support of families for the formation of health-preserving competence of students are described.

Keywords: health culture, student, family, educational organization.

Развитие человеческого капитала в России является важнейшим ценностным ориентиром для общества. Вклад в сохранение и укрепление здоровья детей особенно важен в ситуации современной социально-политической обстановки, изменения ценностных ориентаций института семьи, усложнения экологических трудностей, деструктивных тенденций в физическом, психологическом и социальном благополучии школьников.

Проблема формирования такого отношения к своему здоровью у обучающихся, которое, выступая как внутренний механизм саморегуляции деятельности и поведения человека в сфере здоровья, будет способствовать его сохранению, укреплению и развитию, т.е. будет самосохранительным изучается в различных научных направлениях и имеет междисциплинарный характер (медицина, философия, социология, культурология, психология, педагогика) [Никифоров, 2002].

Российская семья имеет, на данный момент, несколько тенденций: расширение возможных типов семьи; приоритет к

позднему деторождению; уменьшение пар в детородном возрасте; увеличение числа разводов; отчуждение между детьми и родителями; переход к неопределенной фиксации ролей в взаимозаменяемости супругов.

В Национальной доктрине образования в Российской Федерации, в Законе «Об образовании» здоровье школьников характеризуется как одна из ведущих ценностей, формирование которой зависит как от системы образования, так и от семьи - основных социальных институтов. Наиболее эффективным путём формирования культуры здорового и безопасного образа жизни является направляемая и организуемая взрослыми (учителем, воспитателем, психологом, взрослыми в семье) деятельность, способствующая активной и успешной социализации ребёнка как в образовательной организации, так и в жизни вообще.

Семья является персональной средой жизни и развития ребенка, которая помогает поддерживать физиологические и эмоциональные ресурсы; заботится о личностной самореализации задатков, склонностей, интересов, способностей; оказывает поддержку в адаптации и социализации в новых общественных условиях; формирует опыт коммуникации, поведения в стрессовых, конфликтных ситуациях; подготавливает школьника к самостоятельной жизни. Семья влияет на все стороны благополучия (физического, психологического, социального, духовного) школьника. Качество этого влияния зависит от многих факторов: функциональности/дисфункциональности семьи, особенностей структуры, этапа ее развития, от наличия и специфики заболеваемости членов семьи, качества социально-гигиенических условий, психологического климата, психосоциальных качеств родителей, стиля семейного воспитания, организации семейного поведения, методов воспитания и др. [Исаев, 2005] Семья как непосредственная среда жизни младшего школьника предполагает наследование ребенком здоровья своих родителей и других родственников, влияет на изменение здоровья, исходя из материальных, психологических, социальных возможностей, формирует здоровье (формирование внутреннего образа жизни семьи, определенных традиций, обучение

школьника соответствующим навыкам, привитие санитарно-гигиенической и психологической культуры и т.д.) [Ананьев, 2006]. Именно семья формирует первичные когнитивные представления по вопросам сохранения и укрепления здоровья, которые в последствии совершенствуются и развиваются количественно и качественно. Полученный жизненный опыт, осознание последствий, рисков для здоровья закрепляют определенные установки, стереотипы поведения.

Семья влияет на все стороны личности школьника: аффективную, когнитивную, поведенческую. Каждая семья проявляет себя индивидуально и влияние на ребенка может привести к разнообразным последствиям. Если сам родитель обладает высоко сформированной компетентностью по сохранению и укреплению здоровья, может выстроить доверительные, эмоционально-ценностные отношения с ребенком, при этом сам является значимым взрослым, то велика вероятность, что и сам школьник будет вести здоровый образ жизни. Насколько воспитательная позиция родителей соответствует грамотной позиции: адекватной, гибкой, прогностичной; настолько и успешным будет сам процесс воспитания [Камакина, 2021].

Сегодня здоровье детей как цель профессиональной деятельности объединяет разных специалистов: медицинских работников, психологов, педагогов, социальных педагогов. Взаимодействие с семьей является необходимым условием в организации эффективного сопровождения формирования культуры здоровья школьников [Савинова, 2012]. Роль психолога может быть вариативной в зависимости от особенностей запросов, проблематики, учета индивидуальных и возрастных особенностей школьников, региональной ситуации образовательной организации.

Психолог, осуществляя сопровождение семьи, может выполнять следующие профессиональные роли: быть экспертом, консультантом или обучающим в сфере здоровья. Психолог как эксперт является специалистом в области психического и социального здоровья детей, семейных отношений и воспитания, развития ребенка, и может привлекаться для исследования вопросов в данной области, оценки, выработки заключений, предложений,

проведения экспертизы. Психолог, как консультант, может взаимодействовать с семьей, содействуя гармонизации личностной структуры детей, снижению эмоционального дискомфорта и нормализации межличностных отношений. Психолог, как обучающий, может вести просветительскую работу в сфере здоровья, направленную на трансляцию опыта сохранения и укрепления здоровья детей: знаний, технологий, приемов, методов и др.

Основными принципами деятельности психолога являются: полезность, практичность, осознанность, перспективность. Основными задачами при работе с семьей могут быть: повышение уровня социально-психологической компетентности родителей в сфере здоровья, особенно в сферах психического и социального благополучия; формирование творческого отношения у родителей к сохранению и укреплению здоровья своего ребенка; содействие коррекции внутрисемейных отношений (психологический климат, особенности общения, взаимодействия с ребенком, стили и методы семейного воспитания); формирование у родителей интереса к вопросам сохранения и укрепления своего здоровья и здоровья ребенка, развитие способности к самообразованию в сфере здорового образа жизни.

Психологическая помощь родителям, направленная на формирование активной родительской позиции в сфере здоровья ребенка, для педагога-психолога является сложной задачей, возможной в оказании консультативной поддержки, реализации коррекционно-развивающих и общеразвивающих программ. Психолог при работе с родителями может ориентироваться на следующие показатели в формировании компонентов отношения к здоровью: уровень информированности о возможностях сохранения и укрепления психического, эмоционального, социального благополучия школьника, о возможностях получения медико-психо-социальной поддержки; уровень владения умениями по сохранению здоровья своего ребенка, умение адекватно реагировать в ситуациях конфликтных и стрессовых, способность нормализовывать уровень тревожности по отношению к ситуациям, связанным со здоровьем, принятие самого себя и ребенка, наличие ценностно-смысловой мотивации здоровья.

Для построения эффективного взаимодействия с родителями необходимо ориентироваться на актуальные, значимые, с учётом индивидуально-возрастных особенностей развития детей проблемы; повышение интереса у родителей к образованию и самообразованию; учет личного опыта родителей, их интересов; вариативно подходить к содержанию, формам и методам образования родителей [Овчарова, 2002]. Особенности такой деятельности выдвигают ряд требований к личности психолога: принятие идеи здорового образа жизни, открытость, коммуникабельность, мобильность, толерантность, организованность, умение легко установить контакт с любым клиентом и другие.

Таким образом, семья является одним из важнейших социальных институтов, оказывающих влияние на формирование культуры здоровья у обучающихся, грамотное взаимодействие с родителями позволяет решать задачи сохранения и укрепления здоровья школьников, формирования культуры здорового образа жизни более эффективно, оказание психолого-педагогической поддержки семьям является средством минимизации возможных рисков в сфере образа жизни обучающихся и имеет свои специфические особенности: педагог-психолог может быть экспертом, консультантом или обучающим в сфере здоровья.

Библиографический список:

1. Ананьев В. А. Основы психологии здоровья. Книга 1. Концептуальные основы психологии здоровья. Санкт-Петербург: Речь, 2006. 384с.
2. Исаев Д. Н. Эмоциональный стресс, психосоматические и соматопсихические расстройства у детей. Санкт-Петербург: Речь, 2005. 400с.
3. Камакина О.Ю. Психология здоровья младших школьников: монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2021. 183с.
4. Никифоров Г. С. Психология здоровья: учебное пособие. Санкт-Петербург: Речь, 2002. 256с.
5. Овчарова Р. В. Тренинги формирования осознанного родительства: методическое пособие. Москва: ТЦ Сфера, 2008. 256 с.

6. Савинова С.В. Совместная деятельность педагогов и родителей как условие воспитания ценностного отношения к здоровью у младших школьников: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Савинова Светлана Владимировна. Волгоград, 2012. 28с.

УДК159.972

Коваленко Н.А.

НЕПРИЯТИЕ ПОДРОСТКАМИ СВОЕГО ПОЛА: ЧТО ДЕЛАТЬ ВЗРОСЛЫМ, НАХОДЯЩИМСЯ РЯДОМ?

Аннотация: В статье описываются случаи из практики автора, когда молодые люди выражают недовольство своим полом. Рассматриваются причины такого поведения, в том числе психиатрические заболевания. Рассматривается роль среды и происхождение понятия «гендер». Делается попытка показать, что смена пола редко бывает необходима. Даются рекомендации для специалистов и родителей.

Ключевые слова: подростки, смена пола, психологическая помощь, психиатрическая помощь, поведение родителей, поведение педагогов

Kovalenko N.A.

ADOLESCENTS' REJECTION OF THEIR GENDER: WHAT SHOULD ADULTS WHO ARE NEARBY DO?

Annotation: The article describes cases from the author's practice when young people express dissatisfaction with their gender. The reasons for this behavior are considered. An attempt is made to prove that sex change is very rarely necessary. Recommendations are given for specialists and parents.

Keywords: teenagers, sex change, psychological help, psychiatric care, parental behavior, behavior of teachers.

В последние годы на приём к психологам и к психиатрам стали всё чаще обращаться девушки и юноши, внезапно ощутившие себя представителями противоположного пола. Также эта тема приводит к специалистам родителей и педагогов, пребывающих в тревоге и недоумении. Увеличивается количество детей и взрослых, обращающихся в медицинские организации с целью смены пола [Дьяченко, 2020, с.38]. Рассмотрим проблему несоответствия пола в практическом и теоретическом аспекте. Что психологу и родителям делать с подобными заявлениями детей, подростков и молодёжи? Запрещать, приветствовать, уговаривать или игнорировать? Попробуем разобраться.

Молодые клиенты психологов употребляют понятие «гендер», объясняя своё поведение. Они называют себя «агендерными личностями», «трансгендерами», «бигендерами» и тому подобное, указывая на то, что якобы принадлежность к тому или иному полу является результатом свободного выбора. Эта риторика почерпнута ими из социальных сетей, где они наблюдают за жизнью лиц с такими же особенностями, а также из феминистических блогов и современных «прогрессивных», как они это называют, изданий. В информационном поле эта тема представлена довольно широко. Например, аудитория Евгения Лунного (девушка, презентующей себя как мужчина) достигает 140 тыс. подписчиков. На непосвященного человека зрелого возраста (часть специалистов и родители) подобная самопрезентация производит пугающее и часто отталкивающее впечатление, поэтому взрослые нуждаются в подсказках, как им продолжать общение с детьми, выражающими недовольство своей природой.

Случай №1: На консультацию по инициативе матери приходит девушка одетая в свободную одежду, скрывающую фигуру, но с модной стрижкой, волосами, окрашенными в розово-сиреневые тона, аккуратным макияжем и маникюром в серебристо-розовой гамме. Употребляет в отношении себя глаголы и прилагательные в мужском лице. Рассказывает о тяжелом времени, когда она оказалась изгоем в классе. О том, как отчим позволял себе неприятные намёки и прикосновения. Кроме

того, мы узнаём, что у этой девушки есть парень (!) и именно отношения в паре она и желает обсудить с психологом. Ещё до начала психодиагностических процедур мы видим, что «выбор гендера» в данном конкретном случае, это способ психологической защиты в ответ на небезопасную среду в школе и дома, дополненный реакцией протеста, характерной для подросткового возраста, и замешанный на избытке информации из интернета. Несмотря на «выбор гендера», мужские глаголы и одежду, в данном случае по совокупности признаков девушка остается девушкой. И психологическая помощь нужна ей не в связи с гендером, а для того, чтобы оказать сопротивление отчиму, постоять за себя в среде сверстников и принять образ себя с его преимуществами и ограничениями. Поэтому здесь не идёт речь о хирургической смене пола, девушка направлена на консультацию к психиатру, а также получает психологическую помощь. Кроме того, в целях снижения напряжения от присутствия отчима и создания безопасной среды, достигнута договорённость с родителями девушки о её переезде к родному отцу.

Однако есть и другие варианты. Случай №2. Девушка 15 лет, имеющая значительные затруднения в учёбе и общении, совершающая эпатажные выходки, посещает психолога против своего желания без определённого запроса. Неожиданно сообщает матери о желании сменить пол. Когда мать уходит на работу, совершает попытку самоубийства. Во время стационарного лечения в психоневрологическом диспансере установлен диагноз F21 «Шизотипическое расстройство» (МКБ-10). После медикаментозного лечения девушка обращается к психологу по своей инициативе для решения проблем в отношениях со сверстниками и посещает группу психологической поддержки. К теме смены пола она не возвращается. В этой ситуации «гендерный вопрос» был одним из проявлений психического заболевания и отпал сам собой, когда состояние подростка стабилизировалось.

Есть и третья группа случаев, с которой автор непосредственно в работе не сталкивался. Это транссексуалы, люди, которые родившись с внешними признаками одного пола, с

раннего детства демонстрируют поведение противоположного пола, стойко ощущают себя наперекор телу мальчиком или девочкой на протяжении всего детства, отрочества и юности. Подобный феномен подробно исследован и описан легендарным врачом А.О.Бухановским [Бухановский, 2016, с.4]. По мнению Бухановского, это единственная ситуация, когда возможна и оправдана хирургическая смена пола, но такие случаи чрезвычайно редки.

По данным различных исследований от 70 до 94% молодых людей, заявивших о том, что они не те, кем родились, впоследствии отказываются от трансролевой самопрезентации [Дьяченко, 2021, с.41].

Существует ли выбор гендера на самом деле? Само понятие «гендер» ввел в употребление американский психолог и сексолог Джон Мани в 1955 году для терминологического различения биологического пола и социальной роли. Незадолго до этого, 1948 и 1953 гг. были опубликованы знаменитые Отчёты Кинси, считающегося многими учёными отцом сексологии и предтечей сексуальной революции 60-х (ссылка). Эти издания произвели фурор. Возможно, Мани привлекала популярная тема, способствующая славе и продвижению, но его личность при этом вызывает достаточно сильные сомнения.

Альфред Кинси тоже подвергался критике, но в основном со стороны радикальных религиозных организаций. Претензии же к качеству исследования и поведению учёного успешно опровергнуты. Его исследования до сих пор актуальны в научной среде. А деятельность Дж. Мани современные академические исследования критикуют во многих отношениях, особенно причастность Мани к принудительной смене пола канадца [Дэвида Реймера](#) в детском возрасте, принуждению Дэвида и его брата имитировать половые акты, которые Мани фотографировал, и самоубийству обоих братьев во взрослом возрасте [[Франсис, 2009, с.31](#)].

Сегодня понятие «гендер» как противопоставленное понятию «пол» как в постсоветских странах, так и во всём мире широко используется во многих контекстах, в частности, в

социальных науках и документах [Всемирной организации здравоохранения](#). При этом во многих других контекстах, в том числе в некоторых отраслях социальных наук, термины «гендер» и «пол» продолжают использоваться как взаимозаменяемые [Чикалова, 2007, с.90]. Вопрос разграничения понятий «пол» и «гендер» или использования их как синонимов напрямую зависит от философских и политических установок конкретного автора.

Таким образом, рассматривая историю возникновения самого понятия, можно обнаружить его неоднозначность. Дьяченко А. В., врач-психиатр ЛРНЦ «Феникс» обращает внимание специалистов и пациентов на то, что «гендерная теория» обладает рядом признаков лженауки:

1. Игнорирование или искажение фактов, известных автору теории, но противоречащих его построениям. В первую очередь игнорируется факт наличия X и Y-хромосом.

2. Отказ от попыток сверить теоретические выкладки с результатами наблюдений при наличии такой возможности, замена проверок апелляциями к «интуиции», «здравому смыслу» или «авторитетному мнению».

3. Использование в основе теории недостоверных данных, либо недоказанных положений, либо данных, возникших в результате вычислительных ошибок.

4. Введение политических и религиозных установок в публикацию или обсуждение научной работы.

5. Апелляция к средствам массовой информации ([прессе](#), [телевидению](#), [радио](#), [Интернету](#)), а не к научному сообществу. Последнее проявляется в отсутствии публикаций в рецензируемых научных изданиях.

6. Претензия на «революционный» переворот в науке и технологиях.

7. Опора на умозрительные конструкты, само существование которых научно не доказано, заимствованные чаще всего из других псевдонаучных теорий.

Лженаука нередко стремится к тому же, что и прикладная наука — достижением немедленного практически полезного результата. Однако зачастую лишь имитирует научные методы.

При этом она никогда не ставит перед собой в качестве центральной задачи истинное познание действительности. Ущерб людям и обществу от распространения псевдонаучных идей состоит не только в искажении мировоззрения; в свете рассматриваемой проблемы ценой является здоровье и жизнь молодых людей.

Какие выводы может сделать для себя специалист — психолог, преподаватель, педагог? Во-первых, стремление молодых людей к смене пола нуждается ни в осуждении, ни в поощрении, а в разъяснении. Поскольку подобное желание может быть продиктовано не только психологической защитой, модными тенденциями (то есть различными вариантами нормы), но и начинающимся психическим заболеванием, обязательно нужна консультация врача-психиатра. Родителям бывает важно преодолеть собственный страх перед обращением к специалисту и помочь ребёнку решиться на подобный визит. Во-вторых, обследование детей, выражающих жалобы на недовольство полом, требует идеологически индифферентного подхода. Специалист должен быть нейтрален с религиозной, политической, идеологической точки зрения, чтобы максимально объективно воспринять ситуацию подростка или юноши, пришедшего с такой проблемой. В-третьих, в условиях неконтролируемости и перенасыщенности информационной среды психологическая поддержка родителей и их просвещение в отношении психосексуального развития детей и подростков должны быть расширены и начинаться до того, как наступит переходный возраст. И последнее. Педагоги, родители, врачи должны стремиться к максимально бережному, терпеливому взаимодействию с детьми, недовольными своим полом, сосредотачиваясь на личности и её переживаниях, а не способах самопрезентации.

Библиографический список:

1. Бухановский А.О. Транссексуализм и сходные состояния. Ростов-на-Дону: Мини Тайп, 2016. 579 с.
2. Дьяченко А.В., Бухановская О.А., Солдаткин В.А., Перехов А.Я. Кто обращается к психиатру с запросом на

изменение пола: результаты 30-летнего исследования // Психиатрия. 2020. Том 18(3). С.32-41. URL: <https://www.journalpsychiatry.com/jour/article/view/508> (дата обращения 13.02.2022).

3. Дьяченко А.В., Солдаткин В.А., Бухановская О.А., Перехов А.Я. Расстройства половой идентификации у детей и подростков в психиатрической практике // Социальная и клиническая психиатрия 2021, т. 31 № 2. С.69-78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasstroystva-polovoy-identifikatsii-u-detey-i-podrostkov-v-psihiatricheskoy-praktike> (дата обращения 13.02.2022).

4. Попова Г.А. Становление понимания феномена расстройства половой идентификации. // Психиатрия. 2019. Том 17(3). С.51-61. URL: <https://www.journalpsychiatry.com/jour/article/view/416> (дата обращения 13.02.2022).

5. Чикалова, И. Р. Гендерный подход в науках о человеке и обществе: смещение исследовательских парадигм // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. Вып. 3 / рэдкал. : У. Н. Сідарцоў, С. М. Ходзін (адк. рэдактары) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2007. С. 89–100.

6. Франсис Б. Гендер — социальный конструкт или биологический императив? // Гендерная психология: практикум / Под. ред. [И. С. Клёцкиной](#). Санкт-Петербург :: Питер, 2009. 496 с.

УДК 159.9

Коновалова А.М.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЙ СУПРУЖЕСКОЙ ИЗМЕНЫ В СОВРЕМЕННЫХ СЕМЬЯХ

Аннотация. Статья посвящена гендерным особенностям переживаний супружеской измены мужьями и женами. В ней рассмотрена проблема изучения измены и ревности, описана мотивация вступления во внебрачные связи супругов и т.п. Описано

проведенное исследование, его процедура, выборка, методики, гипотезы, а также основные полученные результаты. Показаны существенные различия в переживаниях мужчин и женщин при супружеской измене; связь различий в переживаниях супружеской измены с различиями в профилях сексуального поведения и разным уровнем проявления чувствительности, эмоционального принятия и эмоционального взаимодействия.

Ключевые слова: брак, супружеская измена, переживание измены, гендерные различия.

Konovalova A.M.

GENDER FEATURES IN THE EXPERIENCES OF ADULTERY IN MODERN FAMILIES

Annotation. The article is devoted to the gender features in the experiences of adultery by husbands and wives. The article describes the conducted research, its procedure, sampling, methods, hypotheses, as well as the main results. Significant differences in the experiences of men and women during adultery are shown. The relationship of differences in the experiences of adultery with differences in the profiles of sexual behavior and different levels of sensitivity, emotional acceptance and emotional interaction is shown.

Keywords: marriage, adultery, the experience of adultery, gender differences.

Для современного общества характерно интенсивное переосмысление места и роли сексуальности в жизни человека. В современной науке сексуальность начала рассматриваться не только в репродуктивном, но и в личностном аспекте [Решетняк Ю.А., 2005]. В современной России не так давно произошло осознание важности сексуальных переживаний в повседневной жизни человека, но научные исследования особенности этих переживаний в нашей стране только начинаются.

Такие феномены супружеской жизни, как измена и ревность, являются очень сложными для изучения в рамках как психологии, так и социологии [Васильева О.С., 1999]. Относительно внебрачных связей существует достаточно богатая историческая и этнографическая литература, но явно не хватает научных исследований. Научное изучение внебрачных отношений с помощью опросов, хотя бы и анонимных, – сложное дело, поскольку получаемая информация связана с традиционно не одобряемым в обществе явлением, а значит, может быть неполной или искаженной [Васильева О.С., 1999]. При всех изменениях сексуальной морали последних десятилетий в сторону большей терпимости, например, к добрачным связям, отношение к внебрачным связям значительно менее терпимое. И.С. Кон объясняет это тем, что внебрачные связи рассматриваются у народов всех стран как предательство, нарушение взятых на себя обязательств [Кон И.С., 2004].

Однако в любом случае измена, равно как и ревность, по мнению большинства психологов, базируется на таких семейных процессах, как неудовлетворенность семейной жизнью, семейная дисгармония и конфликты.

Кроме того, несмотря на то, что супружеская измена традиционно рассматривается общественным сознанием как один из трех ведущих дезинтегрирующих факторов семьи (наряду с пьянством и психологической несовместимостью) [Васильева О.С., 1999], в отечественных руководствах по семейной терапии и консультированию о ней упоминается только вскользь [Силяева Е. Г., 2005].

Все это лишний раз свидетельствует о выраженной диспропорции между представленностью этого феномена в социуме (до 75% лиц, состоявших в браке, хотя бы однажды практиковали адюльтер) [по Васильева О.С., 1999] и частотой встречаемости данной проблематики в психотерапевтической и консультативной практике (от 25 до 60% по данным разных авторов) [по Васильева О.С., 1999], с одной стороны, и представленностью ее в психологической литературе, с другой.

В данном исследовании измена рассматривается как следствие семейной дисгармонии и неудовлетворенности. При допустимости, предрасположенности или опыте супружеской измены происходит переживание потери (утраты), с которой членам семейной диады необходимо совладать.

В психологии рассматриваются различные мотивы вступления супругов во внебрачные связи:

1. Новая любовь. Мотив характерен для браков, где любовь отсутствует или незначительна.
2. Возмездие – стремление отомстить за супружескую неверность.
3. Поруганная любовь – результат отсутствия взаимности, безответности чувства, приводящий к поиску взаимной любви с другим партнером.
4. Поиск нового любовного переживания. Мотив характерен для гедонистически направленных супругов, а также семей с большим стажем совместной жизни.
5. Восполнение. С помощью супружеской неверности супруг пытается восполнить недостаток любовных отношений, например, из-за болезни супруга или длительной разлуки.
6. Тотальный распад семьи. Измена – фактический результат создания новой семьи и отказа от прошлой.
7. Случайная связь. Измены не регулярны, не вызывают глубоких переживаний. Возможные причины: опьянение, настойчивость партнера и пр. [по Андреева Т.В., 2004, с. 136].

При всей кажущейся схожести причин, толкающих партнеров на внебрачные отношения, многие авторы отмечают тот факт, что причины измен у мужчин и женщин часто различаются [Ильин Е.П., 2004], но это не является предметом нашего исследования.

Предмет нашего исследования – гендерные особенности представлений мужчин и женщин о супружеских изменах. В обществе распространено стереотипное мнение, что женщины переживают измену супруга сильнее и глубже, чем мужчины, но

практика психологического консультирования и иностранные исследования зачастую свидетельствуют об обратном (например, исследование В. Абрахам, Р. Креймер по Бендас Т.В., 2009).

Переходя к описанию проведенного исследования, подытожим, что основными аспектами супружеских измен являются:

сексуальный аспект;

гендерное взаимодействие;

особенности гендерных эмоциональных переживаний семейного взаимодействия;

особенности индивидуального гендерного профиля.

Анализ литературы показывает, что собственно индивидуальные аспекты и переживания супружеской измены исследованы недостаточно. Супружеская измена понимается, скорее, как частная и самодостаточная форма сексуального поведения, а не как проявление целостного профиля сексуального поведения. Также совершенно недостаточно исследованы особенности эмоционального взаимодействия супругов с разным уровнем переживания измены.

Для углубления психологических знаний по этой проблематике, нами были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Мужчины и женщины имеют существенные различия в образах (профилях) сексуальности, что обуславливает и различие в переживаниях измены.

2. Мужчины и женщины имеют различия в профилях эмоционального взаимодействия.

3. У мужчин и женщин переживания супружеской измены связаны с профилем сексуального поведения и профилем эмоционального взаимодействия.

4. Мужчины и женщины, по-разному переживающие супружескую измену, будут иметь разный сексуальный профиль.

5. Для мужчин и женщин, по-разному переживающих супружескую измену, будет характерен разный уровень проявления чувствительности, эмоционального принятия и эмоционального взаимодействия, т.е. разный профиль взаимодействия

В исследовании приняли участие мужчины и женщины, обратившиеся за частной психологической помощью. Было обследовано 40 человек в возрасте от 21 до 52 лет (средний возраст – 34 года) из числа тех, кто заявлял о семейных и/или сексуальных проблемах. 20 мужчин и 20 женщин. Из числа этих испытуемых на разных этапах исследования были сформированы группы: группа 1 (Г1) – женщины, переживающие супружескую измену и группа 2 (Г2) – мужчины, переживающие супружескую измену, а также группа 3 (Г3) – женщины, переживающие собственную измену и группа 4 (Г4) – мужчины, переживающие собственную измену. Также на основе оценки глубины переживания супружеской измены на некоторых этапах исследования выборка подразделялась на мужчин и женщин максимально и минимально переживающих супружескую измену.

Были использованы следующие методики: Опросник сексуальности Айзенка, Модифицированный опросник эмоциональных отношений в семье (на основе методики ОДРЭВ), Авторская анкета «Переживание измены».

Объем данной статьи не позволяет подробно ход исследования с таблицами данных, поэтому сразу перейдем к результатам.

В результате обработки и анализа полученных результатов было получено:

- мужчины и женщины имеют существенные различия в профилях сексуальности;
- мужчины и женщины имеют различия в профилях эмоционального взаимодействия;
- переживания супружеской измены связаны с профилем сексуальности и профилем эмоционального взаимодействия;
- для мужчин, максимально переживающих измену супруги, в профиле сексуального поведения характерны в меньшей степени целомудрие и в большей степени сексуальная невротичность;

- для мужчин, максимально переживающих собственную измену, в профиле сексуального поведения характерны в меньшей степени реализованность и в большей степени сексуальная невротичность и отвращение к сексу;

- для женщин, максимально переживающих измену супруга, в профиле сексуального поведения характерны в меньшей степени реализованность и в большей степени обезличенный секс, сексуальная невротичность и отвращение к сексу;

- для женщин, максимально переживающих собственную измену, в профиле сексуального поведения характерны в большей степени сексуальная невротичность;

- для мужчин и женщин, по-разному переживающих супружескую измену, характерен разный уровень проявления чувствительности, эмоционального принятия и эмоционального взаимодействия, т.е. разный профиль эмоционального взаимодействия.

Выводы:

- в переживаниях мужчин и женщин при супружеской измене есть существенные различия;

- мужчины и женщины, по-разному переживающие супружескую измену, имеют сильно различающиеся профили сексуального поведения;

- для мужчин и женщин, переживающих супружескую измену, характерен разный уровень проявления чувствительности, эмоционального принятия и эмоционального взаимодействия.

Библиографический список:

1. Андреева Т. В. Семейная психология: учебное пособие. Санкт-Петербург : Речь, 2004. 244 с.

2. Артамонова, Е. И. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования / Е. И. Артамонова, Е. В. Екжанова, Е. В. Зырянова и др. Москва : Эксмо, 2002. 162 с.

3. Валлерстайн, Д. С. Психологические задачи брака / Д. С. Валлерстайн. Текст : непосредственный // Журнал практической психологии и психоанализа. 2002. № 3. С. 45–52.

4. Васильева О.С. Хмарук И. Н. Супружеская измена как предмет социально-психологического исследования // Прикладная психология. 1999. № 2. С. 7–11.
5. Волкова, А. Н. Опыт исследования супружеской неверности // Вопросы психологии. 1989. № 2. С. 43–56.
6. Голод, С. И. Сексуальное поведение и субкультурная дифференциация полов // XX век и тенденции сексуальных отношений в России. Санкт-Петербург : Питер, 1996. С. 72–97.
7. Дружинин В. Н. Психология семьи. Санкт-Петербург : Питер, 2006. 176 с.
8. Иванова Н. В. Супружеские измены. Москва : Астрель, 2005. 198 с.
9. Ивлева В. В. Семейная психология. Москва : Эксмо, 2006. 352 с.
10. Изард К. Психология эмоций. Санкт-Петербург : Питер, 2006. 496 с.
11. Ильин Е. П. Психология индивидуальных различий. Санкт-Петербург : Питер, 2004. 701 с.
12. Кон И. С. Сексология. Москва : Эксмо, 2004. с. 229.
13. Олифирович Н. И., Зинкевич-Куземкина Т. А., Велента Т. Ф. Психология семейных кризисов. Санкт-Петербург : Питер, 2006. 360 с.
14. Решетняк Ю. А. Любовь, брак, сексуальное партнерство. Москва : Грифон, 2005. 142 с.
15. Силяева Е. Г. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования. Москва : Психотерапия, 2005. 193 с.
16. Щучинов О. С., Орехова Н.А. Многодисциплинарное пространство изучения сексуальной измены // Вестник удмуртского Университета. 2007. № 3. С. 129–138.
17. Щучинов О. С. Казанцева С. К., Орехова Н. А. Сексуальная измена как фактор дестабилизации парных отношений // Вестник удмуртского университета. 2006. № 3. С. 173–182.
18. Эйдемиллер Э. Г. Психология и психотерапия семьи. Санкт-Петербург : Питер, 2000. 656 с.

Куфтяк Е.В.

ПРИВЯЗАННОСТЬ К МАТЕРИ И БЛАГОПОЛУЧИЕ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Аннотация. Представлены результаты исследования привязанности к матери и психологического благополучия у младших школьников. Используются качественные и количественные психодиагностические инструменты. В ходе исследования сопоставлялись группы школьников с разным типом привязанности к матери. Установлено, что надежно привязанные школьники более высоко оценивают уровень социального функционирования, качества жизни и удовлетворенность жизнью. Не надежно привязанные школьники имеют экстернальные проблемы. Показано, что чуткость и внимательность матери к ребенку вносит значимый вклад в достижение высокого уровня удовлетворенности жизнью, физического и социального функционирования ребенка.

Ключевые слова: привязанность к матери, благополучие, удовлетворенность жизнью, предикторы, школьники

Kuftyak E. V.

ATTACHMENT TO THE MOTHER AND WELL-BEING IN PRIMARY SCHOOL AGE

Annotation. The results of a study of attachment to the mother and psychological well-being in younger schoolchildren are presented. The study compared groups of schoolchildren with different types of attachment to their mother. It was found that securely attached schoolchildren rate the level of social functioning, quality of life and life satisfaction more highly. Unreliably attached schoolchildren have external problems. It is shown that the mother's sensitivity

and attentiveness to the child makes a significant contribution to achieving a high level of life satisfaction, physical and social functioning of the child.

Keywords: attachment to mother, well-being, life satisfaction, predictors, schoolchild.

Ранние эмоциональные отношения с близкими взрослыми, в особенности с матерью, служат благополучному развитию личности, прогрессивной адаптации и активной социализации ребенка как в период детства, так на протяжении всей жизни [Боулби, 2003; Куфтяк, 2015]. В психологии остро стоит вопрос расширения теоретических и практических знаний в области привязанности и ее роли в жизнедеятельности человека. Одним из интересных аспектов изучения привязанности является исследование влияния привязанности на состояние здоровья человека, в том числе, в период детства [Куфтяк, Задорова, 2020].

Основываясь на ранних переживаниях, связанных с близкими людьми, к которым проявляется привязанность, дети развивают определенные типы поведения с целью получения желаемой ответной реакции [Бурменская, 2009]. Со временем навыки взаимодействия трансформируются в ментальное представление опыта отношений или внутренние рабочие модели привязанности. Внутренние рабочие модели включают убеждения и ожидания, связанные с любовью, уважением к себе и доступом к лицам, обеспечивающим уход, наряду с различными нормами, регулирующими модели поведения.

Внутренняя рабочая модель при надежной привязанности включает доверие ко взрослым, уверенность, что другие люди всегда доступны, восприимчивы и могут помочь при неблагоприятных или стрессовых ситуациях. Согласно Дж. Боулби, ненадежная привязанность понимается как защитное состояние в ответ на ранний социальный опыт, ограничивающий возможности личности адаптивно контактировать с другими людьми, формировать здоровую привязанность и рассматривать мир как безопасное место [Боулби, 2003].

Отмечая особое значение привязанности для развивающейся личности, ее психического и личностного развития, можно ожидать, что надежность отношений с матерью, очевидно, повышает благополучие и собственный потенциал личности, определяя здоровье ребенка.

Цель данного исследования состояла в изучении привязанности к матери как общей основы психического здоровья и психологического благополучия в детском возрасте. Были поставлены следующие задачи: 1) установить особенности здоровья и благополучия с учетом типа привязанности в младшем школьном возрасте; 2) определить вклад привязанности в психическое здоровье и психологическое благополучие.

Для решения поставленных задач использовались: проективная рисуночная методика «Рисунок гнезда» [Куфтяк, 2021], «Опросник оценки типов привязанности к матери» [Пупырева, 2007], опросник «Сильные стороны и трудности» (CCT) Р. Гудмана (адаптация Goodman R., Slobodskaya, 2005), общий опросник – Pediatric Quality of Life Inventory (PedsQL™ 4.0), «Шкала удовлетворенности жизнью школьников» (адаптация Toporkova, et al. 2015).

В исследовании приняли участие 178 детей (85 мальчиков и 93 девочки) в возрасте 10–11 лет ($M_{\text{возр}} = 10,2$; $SD = 0,36$). Участие детей в исследовании происходило после получения информированного согласия их родителей.

Статистическая обработка данных проводилась с применением критерия Манна-Уитни и множественного регрессионного анализа пошаговым методом (Stepwise) с использованием пакета программ математической статистики SPSS 19.0.

Исследование распространенности типа привязанности в выборке младших школьников выявило следующее соотношение надежной и ненадежной привязанности: надежная привязанность отмечается у 71,3% детей, ненадежная — у 28,6%. Сравнение показателей сфер проявления привязанности показало такие же различия, как и в группе дошкольников.

Далее было проведено исследование психологического благополучия с учетом типа привязанности: оказалось, что в целом дети с надежной привязанностью имеют более высокий уровень социального функционирования ($p = 0,02$) и общий показатель качества жизни ($p = 0,02$), и на уровне тенденции выше оценивают удовлетворенность жизнью ($p = 0,08$) и эмоциональное функционирование ($p = 0,07$). В группе детей с ненадежным типом привязанности чаще отмечаются экстернальные проблемы ($p=0,04$).

Осуществленный затем регрессионный анализ определил вклад сфер проявления привязанности в показатели психологического благополучия младших школьников.

Оказалось, что высокий уровень чувствительности матери к эмоциональному состоянию ребенка вносит большой вклад в удовлетворенность жизнью ($\beta = 0,20$, при $p = 0,02$), физическое ($\beta = 0,204$, при $p = 0,021$) и психосоциальное ($\beta = 0,22$, при $p = 0,011$) функционирование, а также общее качество жизни ($\beta = 0,197$, при $p = 0,02$). Это означает, что эмоциональная чувствительность, отзывчивость и эмпатичность матери по отношению к ребенку, обеспечивая ему чувство защищенности и безопасности, способствует социальной активности и удовлетворенности.

Основной вклад в просоциальное поведение школьников с надежной привязанностью вносит гармоничность совместной деятельности с матерью ($\beta = 0,163$, при $p = 0,05$). Так, гармоничность взаимодействия, когда оба участника получают удовольствие от совместных занятий, развивает у детей способность к сотрудничеству и взаимодействию.

В группе школьников с ненадежной привязанностью предикторами удовлетворенности жизнью выступают показатели «Взаимодействие с матерью в социальном контексте» ($\beta = 0,293$, при $p=0,06$) и «Потребность в присутствии матери» ($\beta = 0,278$, при $p=0,04$). Недостаточная включенность близкого взрослого в мир отношений и участие в делах ребенка объясняют сниженный уровень удовлетворенности жизнью у детей с ненадежной привязанностью.

Обнаружилось, что низкий уровень включенности матери во взаимодействие с ребенком вносит вклад в социальное функционирование ($\beta = 0,273$, при $p = 0,04$). Иными словами, проблемное взаимодействие с матерью стимулирует социальную дезадаптированность.

Выделено также, что недостаток эмоциональной близости ($\beta = 0,37$, при $p = 0,009$) и неудовлетворенность совместной деятельностью с матерью ($\beta = 0,26$, при $p = 0,05$) снижают интегральную характеристику качества жизни школьников с ненадежной привязанностью, что впоследствии может формировать модель будущей жизни детей.

Итак, полученные результаты подтверждают наличие влияния привязанности к матери на психологическое благополучие, а также типологическую специфику этого вклада. При этом наиболее существенную роль в достижении высокого уровня удовлетворенности жизнью, физического и социального функционирования ребенка, общего качества жизни играют чуткость и внимательность матери к ребенку. Отсутствие у матери такой характеристики, как доступность, когда дети не чувствуют близости с ней, в комплексе с конфликтным взаимодействием с ней, выступают предиктором нарушений физического, эмоционального и социального функционирования, низкого качества жизни.

Таким образом, наше исследование позволяет сделать **вывод** о том, что надежная привязанность предсказывает благополучие в сфере здоровья, высокую когнитивную оценку удовлетворенности жизнью и оптимальные социально-эмоциональные результаты развития. Анализ показал, что ненадежная привязанность снижает удовлетворенность жизнью, способствует поведенческим нарушениям и психоэмоциональным реакциям, сказывается на ограничении социальных контактов и качестве жизни. Наиболее весомый вклад в здоровье и благополучие в период детства вносит проявление чуткости и внимательности со стороны матери. Результаты исследования могут быть полезны при разработке валеологических программ, программ по поддержанию и

улучшения психического здоровья, при проведении детско-родительского консультирования с учетом эмоционально-поведенческих проявлений привязанности в детском возрасте.

Библиографический список:

1. Боулби Дж. Привязанность. Москва : Гардарики, 2003.
2. Бурменская Г.В. Привязанность ребёнка к матери как основание типологии развития // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2009. № 4. С. 17–31.
3. Куфтяк Е.В. Диагностика привязанности: методика «Рисунок гнезда». Москва : Перо, 2021. 60 с.
4. Куфтяк Е.В. Привязанность ребёнка к матери и отношения привязанности близких взрослых // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2015. № 1 (86). С. 78–83.
5. Куфтяк Е.В., Задорова Ю.А. Привязанность дошкольников к матери и её влияние на психическое здоровье // Клиническая и специальная психология. 2020. Том 9. № 1. С. 169–185.
6. Пупырева Е.В. Эмоциональная привязанность к матери как фактор становления автономии личности в младшем школьном возрасте: дис. канд. психол. наук. М., 2007.

УДК 159.9

Лебедева К. С, Солянин Н.Э.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ФАКТОРОВ СЕМЕЙНОЙ
СИТУАЦИИ РАЗВИТИЯ И ПРОКРАСТИНАЦИИ В
ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ**

Аннотация: Статья посвящена проблеме прокрастинации. Целью исследования было определить факторы семейной ситуации развития, взаимосвязанные с формированием прокрастинации в юношеском возрасте. Был проведен теоретический анализ. Были отобраны факторы семейной ситуации развития, предположительно влияющие на прокрастинацию. Предложено обобщенное определение термина «прокрастинация». Также

было проведено эмпирическое исследование на базе ЯГПУ им. К. Д. Ушинского и школы №68 г. Ярославля, по результатам которого гипотеза частично подтвердилась. Был сделан вывод, что на прокрастинацию больше влияют представления о семье, семейных факторах.

Ключевые слова: прокрастинация, семья, юношеский возраст

Lebedeva K. S., Solynin N. E.

THE RELATIONSHIP OF FACTORS OF THE FAMILY SITUATION OF DEVELOPMENT AND PROCRASTINATION IN ADOLESCENCE

Annotation. The article is devoted to the problem of procrastination. A theoretical analysis was carried out. An empirical research was also carried out on the basis of the Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky and school No. 68 of Yaroslavl, as a result, the hypothesis was partially confirmed.

Keywords: Procrastination, family, adolescence.

Прокрастинация имеет широкую распространенность, проникает во все сферы человеческой жизни. Очень многие психологические качества закладываются именно в семье, поэтому так важно изучать, как формируется прокрастинация под влиянием факторов семейной ситуации развития. Это поможет разработать пути профилактики и работы с прокрастинацией. Научных изысканий о влиянии на прокрастинацию именно факторов семейной ситуации развития недостаточно, во многих исследованиях рассматривается взаимосвязь либо с характеристиками задачи, либо с личностными факторами. Таким образом, роль семьи рассматривается в малой степени.

Причины прокрастинации рассматривали такие ученые как Я. И. Варваричева, Ю. О. Ошемкова, М. А. Киселева, О. О. Шемякина, Ю. А. Клейберг, У. Миссилдайн, Б. Спок, Дж. Эйнсли, П. Стил.

В научном контексте термин «прокрастинация» впервые употребил в 1977 П. Ригенбах в книге «Прокрастинация в жизни человека» [Марусанова, 2017, с. 118]. Слово «прокрастинация» заимствовано из английского языка и образовано латинским суффиксом «про», обозначающим «вперед, дальше, в пользу», и корнем «crastinus», что переводится как «завтра» [Солынин, 2017, с. 185].

Несмотря на то, что единого понятия так и не было разработано, в большинстве точек зрения на прокрастинацию можно выделить некоторые общие черты: откладывание дел на потом, осознанность процесса, наличие негативных эмоций, в частности чувства вины за бездействие. В нашем исследовании будет использовано обобщенное определение понятия «прокрастинация» – осознанное откладывание дел на потом, сопровождающееся негативными эмоциями. Факторы семейной ситуации развития. К этим факторам можно отнести состав семьи, психологический климат, особенности семейных взаимоотношений, стиль воспитания, качество привязанности ребенка и матери, особенности эмоциональности родителей, система их ожиданий и ценностей.

У. Миссилдайн утверждал, что, когда во взрослой жизни возникают ситуации, схожие с ситуациями из детства, личность вновь возвращается к своему прошлому опыту и сталкивается со своими детскими переживаниями, воспроизводит старые реакции, в том числе и прокрастинацию [Вуколова, 2019, с.12]. Ю.О. Ошемкова связывала прокрастинацию с отсутствием или недостаточностью экзистенциальной мотивации у личности, который может быть связан с опытом психологического давления, усвоенного в системе детско-родительских отношений, и закреплен впоследствии эффектом неудач при достижении трудноразрешимых задач [Лученкова, 2017, с. 60]. Гуменская О.М. и Колесниченко А.В. пришли к выводу, что прокрастинация в авторитарных семьях спровоцирована ограничением самостоятельности ребенка [Гуменская, 2017, с. 18]. Взаимосвязь прокрастинации именно с семейными факторами в юношеском возрасте в целом изучена недостаточно.

Проблема: какие факторы семейной ситуации развития связаны с формированием прокрастинации в юношеском возрасте?

Цель исследования: определить факторы семейной ситуации развития, связанные с формированием прокрастинации в юношеском возрасте.

Объект исследования: прокрастинация. Предмет исследования: связь факторов семейной ситуации развития с формированием прокрастинации в юношеском возрасте.

Гипотеза: Существует взаимосвязь между уровнем прокрастинации и выраженностью факторов семейной ситуации развития.

Для решения поставленных задач проверки гипотезы были использованы следующие **методы исследования**:

Эмпирический метод – психодиагностический: шкала общей прокрастинации (К. Лэй), анкета, опросник «Диагностика семейной сплоченности и гибкости» (Д. Олсон), методика «Незаконченные предложения» (Д. Сакс, С. Леви), опросник «Шкала семейного окружения» (Р. Н. Моос, адаптация С.Ю. Куприянова).

Методы обработки данных – качественный и количественный анализ (критерий Колмогорова-Смирнова, t-критерий Стьюдента, ранговый коэффициент корреляции Пирсона).

Выборка составила 101 человек в возрасте от 16 до 23 лет. В исследовании приняли 62 студента исторического факультета, 9 студентов факультета социального управления ЯГПУ им. К. Д. Ушинского и 30 обучающихся школы №68 г. Ярославля.

На этом этапе исследования решалась задача статистического анализа взаимосвязи факторов семейной ситуации развития и уровня прокрастинации юношей и девушек.

Решение указанной задачи позволяет нам анализировать гипотезу о том, что существует взаимосвязь между уровнем прокрастинации и выраженностью факторов семейной ситуации развития. Были выделены группы студентов с низким, средним и высоким уровнем прокрастинации.

Выбор критериев для обработки результатов происходил после проверки распределения на нормальность. Для проверки нормальности распределения применялся критерий Колмогорова-Смирнова

Результат показал, что распределение нормальное. Поэтому корреляционный анализ был проведен с использованием критерия Пирсона. В таблице 1 отображены результаты корреляционного анализа у лиц юношеского возраста с низким уровнем прокрастинации.

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа у лиц юношеского возраста с низким уровнем прокрастинации

		Принятие решений (реальное)	Совместное время (реальное)	Семейные правила (идеальные)	Сплоченность	Независимость
Прокрас- тинация	г- Пирсона	0,631**	0,613**	-0,481*	0,665**	0,451*
	Знч.(2- сторон)	0,003	0,004	0,032	0,001	0,046

Взаимосвязи показателей у лиц юношеского возраста с низким уровнем прокрастинации представлены на схеме (рис. 1).

У лиц юношеского возраста с низким уровнем прокрастинации выявлена обратная взаимосвязь прокрастинации с представлениями о правилах в идеальной семье ($P < 0,95$), значимые прямые связи с независимостью ($P < 0,95$), совместным принятием решений ($P < 0,99$), совместным временем ($P < 0,99$) и сплоченностью ($P < 0,99$). Т.е. чем выше сплоченность, представления о более четких семейных правилах, тем выше прокрастинация. Так же чем больше совместно проведенного времени, чаще совместно

принимаются решения, члены семьи обладают определенной независимостью друг от друга, тем выше прокрастинация. Т. е. необходимость обговаривать действия при большей свободе действий больше располагает к откладыванию дел на потом, возможно, из-за сложностей кооперации.

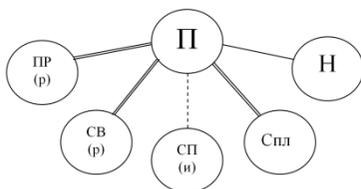

Рис 1. Взаимосвязи прокрастинации и факторов семейной ситуации у лиц юношеского возраста с низким уровнем прокрастинации

- - значимая прямая связь при 0,05
- ===== - значимая прямая связь при 0,01
- - значимая обратная связь при 0,05

П – прокрастинация, ПР (р) – принятие решений (реальное), СВ (р) – совместное время (реальное), СП (и) – семейные правила (идеальные), Спл – сплоченность, Н – независимость.

В таблице 2 представлены результаты корреляционного анализа у лиц юношеского возраста с средним уровнем прокрастинации.

Взаимосвязи показателей у юношей и девушек с средним уровнем прокрастинации представлены на схеме (рис. 2)

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа у лиц юношеского возраста с средним уровнем прокрастинации

		Совместное время (реальное)	Морально-нравственный аспект
Прокрастинация	г- Пирсона	0,586**	0,495*
	Знч.(2-сторон)	0,007	0,026

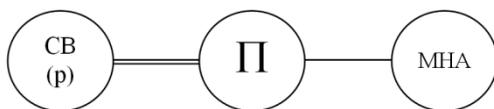

Рис 2. Взаимосвязи прокрастинации и факторов семейной ситуации у лиц юношеского возраста с средним уровнем прокрастинации

- - значимая прямая связь при 0,05
 ===== - значимая прямая связь при 0,01
 П – прокрастинация, СВ (р) – принятие решений (реальное),

У лиц юношеского возраста с средним уровнем прокрастинации выявлены взаимосвязи совместным временем ($P < 0,99$) и морально-нравственным аспектом ($P < 0,95$). Т.е. чем уровень прокрастинации тем выше, чем больше в семье уделяется внимание морально-нравственным ценностям и больше члены семьи проводят время вместе. Это можно объяснить тем, что чрезмерный морально-нравственный аспект вызывает боязнь поступить как-то неправильно, может вызвать элементы перфекционизма, что способствует промедлению. Также и совместное время либо расслабляет (важные дела откладываются на потом в угоду общему досугу), либо наоборот подавляет (постоянный контакт с родственниками заставляет следить за своим поведением), что тоже может способствовать прокрастинации.

В таблице 3 представлены результаты корреляционного анализа у лиц юношеского возраста с высоким уровнем прокрастинации.

У юношей и девушек с высоким уровнем прокрастинации выявлены пять взаимосвязей с прокрастинацией: с представлением о дисциплине ($P < 0,95$), совместных интересах ($P < 0,95$), семейных правилах в идеальной семье ($P < 0,99$), семейной гибкостью в идеальной семье ($P < 0,95$) и отношением к семье ($P < 0,99$). Чем гибче дисциплина и четче правила в представлениях об идеальной семье, тем выше проявление прокрастинации. Возможно, эти юноши и девушки чувствуют недостаток четких правил в

своей семье, некоторую ригидность дисциплины (или её отсутствие), недостаток общности с семьей на почве общих интересов, в целом гибкости семейной системы.

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа у лиц юношеского возраста с высоким уровнем прокрастинации

		Совместные интересы и отдых (идеальные)	Дисциплина (идеальная)	Семейные правила (идеальные)	Семейная гибкость (идеальная)	Отношение к семье
Прокрастинация	r Пирсона	0,548*	0,548*	0,621**	0,511*	-0,605**
	Знч.(2-сторон)	0,012	0,012	0,003	0,021	0,005

Взаимосвязи показателей у юношей и девушек с высоким уровнем прокрастинации представлены на схеме (рис. 3).

Несоответствие реальной семьи и воображаемого идеала способствует откладыванию дел на потом. Так же имеется отрицательная взаимосвязь с отношением к семье. Чем хуже отношение к семье, тем выше прокрастинация. Возможно, семья не создает ощущения теплоты и безопасности, поэтому у юношей возникает склонность к откладыванию дел на потом, ведь мотивации стараться в такой атмосфере нет.

На высоком уровне прокрастинации больше связей с представлениями о различных семейных факторов, в то время как на низком больше связей с реальными конкретными факторами. Это соотносится с представлением о большем влиянии на прокрастинацию различных когнитивных представлений.

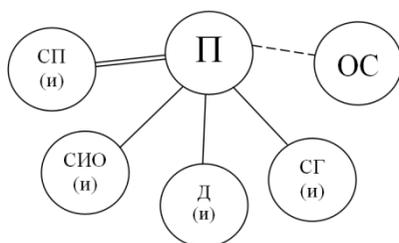

Рис 3. Взаимосвязи прокрастинации и факторов семейной ситуации у лиц юношеского возраста с высоким уровнем прокрастинации

- - значимая прямая связь при 0,05
- ==== - значимая прямая связь при 0,01
- - значимая обратная связь при 0,05

П - прокрастинация, СП (и) – семейные правила в идеальной семье, СИО (и) – совместные интересы и отдых (идеальные), Д (и) – дисциплина в идеальной семье, СГ (и) – семейная гибкость в идеальной семье, ОС – отношение к семье.

Таким образом гипотезы частично подтвердились, были выявлены значимые различия по показателям факторов семейной ситуации развития у юношей и девушек с разным уровнем прокрастинации, а также обнаружались связи отдельных факторов с уровнем прокрастинации.

Библиографический список:

1. Вуколова Ю.С. Специфика причинно-следственных связей в формировании прокрастинации у лиц юношеского возраста // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2019. №3. С. 11-21.
2. Гуменская О. М. Колесниченко А. В. Зависимость склонности к прокрастинации от стиля семейного воспитания // Психология и педагогика семьи: материалы II Международной научно-практической конференции. г. Саратов: ИЦ Наука, 2017. С. 13-18.
3. Ледовская, Т. В. Психологическая структура самоотношения в подростковом и юношеском возрасте // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 4. С. 229-233.

4. Лученкова, М. А. Прокрастинация как паллиативная мера в процессе реализации желаемых целей // Гуманизация образования. 2017. №1. С. 57-63

5. Марусанова Г.И., Барабанщикова В. В. Теоретические предпосылки исследования проблемы «активной» прокрастинации в профессиональной деятельности // Психология психических состояний: сб. статей / под ред. А.О. Прохорова, А.В. Чернова, М.Г. Юсупова. Казань. С. 118-121.

6. Сольнин Н. Э., Лингурарь А. В. Особенности защитного и совладающего поведения студентов с разным уровнем прокрастинации // Ярославский педагогический вестник. 2017. №3. С. 184-188.

УДК 159

Ледовская Т.В.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У МУЖЧИН, НАХОДЯЩИХСЯ В БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ РАЗНЫХ ФОРМ

Аннотация. В статье описываются результаты эмпирического исследования особенностей психологического благополучия, жизнестойкости и копинг-поведения мужчин, находящихся в брачно-семейных отношениях разных форм. Результаты показали, что можно говорить о взаимосвязи между уровнем психологического благополучия, особенностями копинг-поведения и формой брачно-семейных отношений у лиц мужского пола. При этом у мужчин, находящихся в браке, наблюдается более высокая выраженность ряда компонентов, положительно влияющих на психологическое благополучие и совладание со стрессом.

Ключевые слова: психологическое благополучие, жизнестойкость, копинг-поведение, брачно-семейные отношения, совладающее поведение, цель в жизни, семейная психология.

Ledovskaya T.V.

FEATURES OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING IN MEN IN DIFFERENT FORMS OF MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS

Abstract. The article describes the results of an empirical study of the characteristics of psychological well-being, resilience and copying behavior of men in marriage-family relations of different forms. The results showed that we can talk about the relationship between the level of psychological well-being, especially the stages of copying behavior and the form of marital-family relations in males. Moreover, men in marriage have a higher severity of a number of components, which positively affect the psychological blah-blah and coping with stress.

Keywords: psychological well-being, resilience, copying behavior, marital-family relations, coping behavior, goal in life, family psi-chology.

Межличностное общение может быть как источником положительных эмоций, так и причиной появления дистресса. Причины межличностных стрессов чрезвычайно разнообразны. Их могут вызывать: дети (которые плохо учатся и не слушают родителей); родители (которые чрезмерно поучают и опекают детей); супруги (которые недостаточно демонстрируют свою любовь); любовницы или любовники (которые чрезмерно пылко выражают любовь) и др. [Щербатых, 2008, с. 119]. Одним из наиболее тесных типов общения между людьми являются супружеские отношения. Но они могут быть как источником ресурсов (материальных и психологических), так и серьезным стрессором.

Часть исследователей, занимавшихся проблемой исследования психологического благополучия личности, нашли подтверждение того, что на него влияет форма брачно-семейных отношений. Например, в работах Т.А. Гурко [Гурко, 2018], О.А. Тихомандрицкой [Тихомандрицкая, 2018], Е.Ю. Чеботаревой и Е.В. Королевой [Чеботарева, Королева, 2019] говорится о том, что у

людей, состоящих в браке, уровень психологического благополучия выше, чем у одиноких.

В связи с этим, нами были сформулированы следующие эмпирические положения. Цель эмпирического исследования – определить особенности психологического благополучия, жизнестойкости и копинг-поведения в зависимости от формы брачно-семейных отношений у лиц мужского пола. Цель реализуется через решение следующих эмпирических задач: определить специфику жизнестойкости, уровень психологического благополучия и особенности копинг-поведения мужчин трех групп (находящихся в браке, имеющих постоянную пару, но не оформивших отношения в органах ЗАГС и свободных).

Выборка исследования: 60 человек в возрасте от 25 до 40 лет.

- 20 мужчин от 25 до 35 лет, не имеющих постоянного партнера;
- 20 мужчин от 25 до 35 лет, имеющих постоянного партнера, но не состоящих в браке;
- 20 мужчин от 25 до 35 лет, находящихся в официальном браке.

Для решения задач эмпирического исследования, использовался следующий комплекс методов:

1. Тест жизнестойкости С. Мадди (Русская адаптация Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой);
2. Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко);
3. Coping Inventory for Stressful Situations (CISS) Н. Эндлера и Д. Паркера (адаптация «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (КПСС) Т.Л. Крюковой).

С целью статистической обработки и интерпретации были использованы: непараметрический U-критерий Манна-Уитни.

На первом этапе статистической обработки данных мы провели анализ средних значений психологического благополучия, жизнестойкости и копинг-поведения у групп

мужчин в зависимости от формы брачно-семейных отношений, сравнив их между собой (в браке – в отношениях, в браке – свободны, в отношениях – свободны).

Наибольшее количество показателей на уровне значимости $p \leq 0,05$ выявилось при сравнении значений данных в паре «в браке – свободны», всего по восьми шкалам. Сравнение групп «в браке – в отношениях» показало на уровне $p \leq 0,05$ по шести шкалам, а в паре «в отношениях – свободны» на уровне $p \leq 0,05$ оказалось из всех 19-ти шкал только в одной.

Между испытуемыми, находящимися в браке, и состоящими в отношениях, имеются следующие различия:

- в «Управление средой» $U=129,500$ при $p \leq 0,05$, этот компонент психологического благополучия в большей степени выражен у тех, кто состоит в официальном браке. Это подразумевает, что женатые мужчины успешнее овладевают новыми навыками, у них выше способность добиваться желаемого. Тогда как у тех, кто находится в отношениях, больше выражена неспособность что-либо изменять или улучшать для достижения цели. Полученный результат, возможно, говорит о том, что низкий показатель по данному компоненту и является причиной того, что мужчина не может сделать решающий шаг к заключению официального брака, даже находясь в продолжительных серьезных отношениях с женщиной.

- для шкалы «Цель в жизни» $U=117,000$ при $p \leq 0,05$ и $U=128,000$ при $p \leq 0,05$ для шкалы «Осмысленность» –такие компоненты психологического благополучия в большей степени выражены у женатых мужчин. Это может говорить о том, что официально зарегистрированные отношения придают больший смысл жизни мужчине, который находит его в заботе о жене, детях, доме, и получает положительную отдачу. Он умеет ставить конкретные цели, так как от него зависит благополучие других людей. «Бессмысленная жизнь (конформистский путь развития) – это жизнь, замкнутая в себе, не связанная с жизнями других людей, с социальными группами, с человечеством; в ней отсутствует перспектива за пределами актуального «здесь и теперь», отсутствует осознание; она определяется причинами, отчуждена (не

воспринимается как «моя собственная») и мотивирована нуждой, необходимостью» [Леонтьев, 2006, с. 478]. Уточнение Д.А. Леонтьева «не связанная с жизнями других людей» может помочь объяснить более низкие показатели у тех мужчин, которые свои отношения не оформили официально. Возможно, такие личности для себя еще не приняли решение, что их жизнь связана с определенной женщиной или кем-то другим.

- Для общего уровня психологического благополучия $U=126,000$ при $p \leq 0,05$. Показатель выше у женатых мужчин. Учитывая то, что по вышеперечисленным шкалам у мужчин, находящихся в браке, также были более высокие показатели, не удивительно, что из них складывается психологическое благополучие, которое является «субъективной реальностью, обладает такой характеристикой, как целостность, базируется на интегральной оценке своего собственного бытия» [Шевеленкова, Фесенко, 2005, с. 97].

- Результаты анализа особенностей копинг-поведения показали, что $U=138,000$ при $p \leq 0,05$ для шкалы «Эмоционально-ориентированный копинг», где большие значения характерны для мужчин, состоящих в отношениях, незарегистрированных официально. И $U=125,500$ при $p \leq 0,05$ для шкалы «Социальное отвлечение», причем склонность к этому виду копинг поведения в большей степени выражена у тех, кто состоит в официальном браке.

Многие специалисты, такие как С. Мадди [Maddi, 1999], С. Коуэн, Т. Вилс [Cohen, Wills, 1985], и др. считают взаимодействие с социумом как способ совладания со стрессом одним из самых действенных. Вполне возможно, что именно нахождение поддержки у супруги могло выработать у мужчин такое копинг-поведение. Тогда как мужчины в отношениях более склонны погружаться в личные эмоции. Можно предположить, что здесь фигурирует вопрос доверия, когда человек не может озвучить свои переживания кому-либо, в том числе, партнерше. Эта черта личности, вполне возможно, и мешает им официально оформить брак.

- Между испытуемыми, находящимися в браке, и не имеющими пары, имеются следующие различия: $U=117,000$ при $p \leq 0,05$ для шкалы «Цель в жизни» и $U=101,000$ при $p \leq 0,01$ для шкалы «Осмысленность». Эти компоненты психологического благополучия в большей степени выражены у тех, кто состоит в официальном браке. Для общего уровня психологического благополучия $U=101$ при $p \leq 0,01$. Объяснение таких результатов может быть сходным с тем, что было описано выше для пары «находящиеся в браке и находящиеся в отношениях».

- Для шкалы «Личностный рост» $U=128,000$ при $p \leq 0,05$, показатели у женатых. Вполне логично предположить, что семья дает мужчине чувство реализации своего потенциала, а свободные личности больше испытывают ощущение неспособности усваивать новые навыки, к которым можно отнести аспекты продуктивного межличностного общения.

- Для шкалы «Самопринятие» $U=102,000$ при $p \leq 0,01$, компонент психологического благополучия в большей степени выражен у тех, кто состоит в официальном браке. Достаточно трудно построить нормальные отношения с другим человеком тому, кто не может принять отдельные аспекты своей личности.

- Для шкалы «Баланс аффекта» $U=128,500$ при $p \leq 0,05$, показатели выше у женатых мужчин. Нужно отметить, что у мужчин во всех группах средний показатель по этой шкале выше нормы (127,15; 120 и 116,65). Возможно, такой результат говорит о том, что у мужчин, находящихся в официальном браке, выше уровень недовольства собой и своими действиями из-за высокой ответственности за семью, которую они ощущают. Также дополнительным фактором недовольства жизнью может являться сожаление об упущенных возможностях из-за официального закрепления отношений.

- Для шкалы «Человек как открытая система» $U=102,500$ при $p \leq 0,01$, у группы «в браке» показатель выше. Можно предположить, что именно эта особенность личности не позволяет глубоко интегрировать опыт отношений с женщиной в свою жизнь.

- Для шкалы «Эмоционально-ориентированный копинг» $U=106,000$ при $p \leq 0,05$ где большие значения характерны для свободных мужчин. Возможно, погружение в свои эмоции является и препятствием для построения отношений, и следствием отсутствия человека, который постоянно находился бы рядом и мог оказать поддержку.

- Между испытуемыми, состоящими в отношениях, и теми, кто не имеет пары, значимые различия наблюдаются только по шкале «Человек как открытая система» как составляющая жизнестойкости, где $U=113,500$ при $p \leq 0,05$. Вполне возможно, что человеку может мешать найти партнера именно неспособность адекватно воспринять отдельные аспекты существования и интегрировать опыт отношений в свою жизнь.

При анализе результатов теста жизнестойкости С. Мадди между тремя группами опрошенных значимых различий выявить не удалось.

Выводы: результаты исследования показали, что мужчины, находящиеся в брачно-семейных отношениях разных форм, характеризуются разным уровнем психологического благополучия личности, копинг-поведением.

У мужчин, находящихся в браке, по сравнению с испытуемыми из двух других групп выше показатели по целому ряду компонентов психологического благополучия, как и по всему психическому явлению в целом. Можно предположить, что именно жизнь в официально зарегистрированных отношениях позволила достигнуть им более высокого уровня психологического благополучия по сравнению с мужчинами из других групп. Также у женатых мужчин оказалась менее выраженной такая стратегия совладания со стрессом, как эмоционально-ориентированный копинг, которая считается неконструктивной.

При этом различия в уровне развития изучаемых явлений между лицами мужского пола, находящихся в отношениях, и мужчинами, не имеющими пары, оказались минимальны. Что позволяет нам сделать вывод о большой значимости именно официальной регистрации брака для развития благоприятных психологических характеристик у мужчин.

Анализ результатов диагностики показателей жизнестойкости выявил, что уровень развития отдельных ее компонентов, как и показателя в целом, у мужчин всех трех групп примерно одинаков. Это позволяет нам сделать вывод, что жизнестойкость может являться

более устойчивой характеристикой, чем копинг-поведение и психологическое благополучие, и не подвержена значительным изменениям под влиянием изменения формы брачно-семейных отношений личности.

Библиографический список:

1. Гурко Т.А. Благополучие мужчин и женщин различного брачного статуса: Россия в международном контексте/Т.А. Гурко // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 1. С. 73–94.

2. Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: Авантитул, 2007. 60 с.

3. Леонтьев Д.А. Тест жизнестойкости/ Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказов. – Москва: Смысл, 2006. 63 с.

4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. Москва: Смысл, 2006. 493 с.

5. Тихомандрицкая О.А. Представления о карьере и психологическое благополучие у замужних и незамужних женщин. Психологические проблемы современной семьи/ О.А. Тихомандрицкая // Сборник материалов VIII международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. С. 301-305.

6. Чеботарева Е.Ю., Королева Е.В. Психологическое благополучие женщин среднего возраста с разным брачным статусом. Роль сепарации от родительской семьи // Психология и психотерапия семьи. 2019. №3. С. 19-43

7. Шевеленкова Т.Д., Фесенко Т.П. Психологическое благополучие личности. Психологическая диагностика; 2005. №3. С. 95-130.

8. Щербатых Ю. В. Психология стресса и методы коррекции. Москва : Питер, 2008. 255 с.

9. Maddi S., Hightower M. Hardiness and Optimism as Expressed in Coping Patterns/ S.Maddi, M. Hightower // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. 1999. Vol. 51, № 2. Pp. 95-105.

10. Cohen S. Stress, social support, and buffering hypothesis/ S.Cohen, T.A.Wills // Psychol. Bull. 1985. №98 (2). Pp. 310-357.

УДК 159.9

Леонова Т.И.

ЦЕННОСТЬ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДИЗИРУЮЩЕЙ ТРАВМОЙ

Аннотация. В данной статье приведены результаты эмпирического исследования особенностей ценности семейной жизни у людей с инвалидизирующей травмой спинного мозга. Описаны различия данной ценности людей с подобной травмой и людей, не имеющих хронических инвалидизирующих заболеваний и травм. Отмечается, что люди с травмой в большей степени ориентированы на построение искренних отношений, основанных на уважении и заботе, но в то же время воспринимают ее как способ облегчения повседневной жизни и внешний показатель собственной состоятельности, а условно здоровые люди – на получение от семьи положительных эмоций и комфорта. Описан адаптационный потенциал ценности семейной жизни людей, находящихся в условиях тяжелой травмы.

Ключевые слова: семейная жизнь, ценности, адаптационный потенциал, инвалидизирующая травма, травма спинного мозга.

Leonova T.I.

VALUE OF FAMILY LIFE OF PEOPLE WITH DISABLED INJURY

Annotation. This article describes the results of an empirical study of the value of family life in people with disabling spinal cord injury. The attitude to family relationships in people with this type of injury and people without chronic disabling diseases and injuries was compared. The adaptive potential of the value of family life of people in conditions of severe trauma is described.

Keywords: family life, values, adaptive potential, disabling injury, spinal cord injury.

Важнейшей задачей психологической науки традиционно является исследование личности. Направленность, как центральный системообразующий компонент личности, включает в себя убеждения человека, его интересы, мотивы и цели, склонности и способности, мировоззрение, ценности и т.д. Интерес исследователей к изучению ценностей во многом обусловлен их неодинаковым смысловым и мотивационным содержанием для разных людей [Лесин, 2020, с. 445-455].

Известно, что ценности могут иметь не только направляющую функцию, но и обладать определенными адаптационным потенциалом и ресурсностью и вследствие этого играть важную роль в случае хронических и инвалидизирующих заболеваний [Леонова, 2020, с. 668-670].

Ценность семейной жизни нередко становится предметом психологических исследований, в которых отмечается ее высокая значимость для формирования и функционирования личности. Именно семья в первую очередь транслирует свои ценности, установки, модели поведения новому поколению [Лесин, 2021, с. 148-152]. Семья может становиться и значительным фактором социализации и адаптации, в том числе в ситуации тяжелых заболеваний и травм, оказываясь дополнительным источником психологической поддержки [Воеводина, 2018, с. 81-86]. Поддержка со стороны семьи приобретает особое значение для людей с травмой спинного мозга, поскольку данный вид травмы может быть связан со значительной трансформацией привычного образа жизни, социального и профессионального статусов, взаимоотношений с окружающими людьми и требует от человека адаптации к жизни

в изменившихся условиях. Подобная поддержка способствует повышению психологического благополучия и субъективного качества жизни людей с инвалидизирующей травмой [Морозова, Суроегина, 2012, с. 21-25], что обуславливает необходимость более детального исследования ее значимости и адаптационного потенциала.

С целью изучения особенностей ценности семейной жизни и ее адаптационного потенциала людей, находящихся в ситуации инвалидизирующей травмы, нами было проведено эмпирическое исследование, в котором приняло участие 62 человека с травмой спинного мозга и 31 человек, не имеющие хронических инвалидизирующих заболеваний и травм. В ходе работы были использованы следующие методики: «Морфологический тест жизненных ценностей» Сопова В.Ф. и Карпушиной Л.В., «Ценностные ориентации» Моткова О.И. и Огневой Т.А. (вариант 2), «Методика диагностики социально-психологической адаптации» Роджерса К. и Даймонд Р. (адаптация Осницкого А.К.), опросник качества жизни Всемирной организации здравоохранения (ядерный модуль).

Было обнаружено, что для людей с инвалидизирующей травмой большую значимость, чем для условно здоровых, имеет ценность сохранения собственной индивидуальности в сфере семейной жизни. Видимо, они склонны стремиться сохранять некоторую независимость даже от членов собственной семьи и строить жизнь с опорой в основном на собственные убеждения. Можно предположить, что в ситуации, когда во многих повседневных процедурах требуется помощь других людей, у них появляется необходимость утверждать собственную самостоятельность и состоятельность. Кроме того, это может быть связано с их неверием в возможность построения полноценных семейных взаимоотношений, которые могут затруднять имеющиеся физические ограничения.

Для людей с инвалидизирующей травмой спинного мозга сфера семейной жизни оказалась связана как с внутренними, так и с внешними ценностями. Положительные корреляции ценности

семейной жизни были обнаружены с декларируемой значимостью ценностей теплых, заботливых отношений с людьми, любви к природе, высокого социального положения и роскошной жизни и осуществлением ценностей теплых, заботливых отношений с людьми, уважения и помощи людям, отзывчивости, любви к природе, а также известности и популярности. Видимо, они ориентированы в семейной жизни на построение искренних и теплых взаимоотношений, но в то же время наличие семьи во многом может становиться для них внешним показателем успешности и состоятельности, который можно продемонстрировать окружающим. При этом семейные отношения связаны для них не только с переживанием счастья и наслаждения от жизни, удовольствия, надежды, свободой от негативных чувств, важностью взаимоотношений с близкими людьми, их поддержкой, сексуальными отношениями, но и с обеспечением комфортной жизни с учетом имеющихся особенностей здоровья. Это подтверждают положительные связи ценности сферы семейной жизни с важностью хорошего сна, способности передвигаться и выполнять повседневные дела, устойчивости внимания, независимости от лекарств и лечения, финансовых условий, домашнего комфорта и здоровья. Так, наличие семьи может восприниматься ими как один из способов облегчения повседневной жизни при ограниченных возможностях здоровья.

Для людей без травмы семейная жизнь оказалась положительно связана с осуществлением внутренней ценности саморазвития личности, а также важностью переживания счастья и наслаждения от жизни, удовольствия, сексуальной жизни, а также домашних условий. Вероятно, семья для них во многом является средством получения желаемых эмоций и комфорта. Подобная позиция может свидетельствовать о значительной степени их эгоцентричности в сфере семейных взаимоотношений и даже о некотором пренебрежении такими важными семейными ценностями как забота о близком человеке, искренность и уважение.

Также нами были обнаружены положительные взаимосвязи этой жизненной сферы у людей с травмой с такими показателями социально-психологической адаптации как адаптивность,

принятие других людей и доминирование. Данные взаимосвязи могут говорить о том, что семья и ее значимость могут становиться одним из факторов адаптации в ситуации тяжелой травмы и способствовать ей. Чем более значимы для человека семейные взаимоотношения, тем выше его адаптивность, как свойство личности, склонность позитивно оценивать окружающих людей, стремиться к взаимодействию с ними и в некоторой степени доминировать, а также самостоятельно руководить в решении различных задач. Особое значение могут приобретать ценности духовного удовлетворения и креативности в сфере семейных взаимоотношений, которые оказались положительно связаны с принятием других людей. Ценность духовного удовлетворения, кроме того, положительно коррелировала и с общим уровнем адаптации. Стремление к взаимопониманию с членами семьи, построению супружеских отношений на основе любви и духовной близости, а также желание разнообразить семейную жизнь и сделать ее интересной, вероятно, оказывается важным для человека в процессе адаптации и позитивно влияет на нее.

С повышением значимости семьи возростали и показатели посттравматического роста личности, а также таких его компонентов как отношение к другим людям, духовные изменения, повышение ценности жизни. Видимо, для тех людей, которые придают большое значение семейным взаимоотношениям, ситуация инвалидизирующей травмы оказывается связана с укреплением этих отношений, большей близостью и ожиданием поддержки, осознанием переживаний и ценности собственной жизни

Интересно, что у условно здоровых людей не было обнаружено корреляций значимости ценности сферы семейной жизни и показателей социально-психологической адаптации, что позволяет говорить о ее специфичности как фактора адаптации людей с инвалидизирующей травмой.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что люди, имеющие инвалидизирующую травму спинного мозга, в большей степени, чем люди без травмы, имеют тенденцию сохранять межличностную дистанцию в семейных отношениях. Они

ориентированы на построение искренних и уважительных семейных взаимоотношений, но в то же время воспринимают семью как способ преодоления ежедневных трудностей и внешний показатель собственной состоятельности, который можно демонстрировать в обществе. Условно здоровые люди в основном демонстрируют эгоцентрическую позицию, стремясь получать от семьи приятные переживания и комфорт. При этом ценность семейной жизни может становиться также одним из факторов социально-психологической адаптации и посттравматического личностного роста в ситуации тяжелой травмы. Ее высокая значимость оказалась связана с более высоким уровнем адаптивности, принятия других людей, тенденцией к доминированию, а также повышением ценности собственной жизни и построением межличностных отношений на основе духовной близости.

Библиографический список:

1. Воеводина Е. В. Инвалидность, семья, гендер: социальные тенденции и противоречия // Семья как фактор социальной мобильности людей с инвалидностью : материалы межрегиональной научно-практической конференции. Владимир: Издательско-полиграфическая компания «Транзит-ИКС», 2018. С. 81-86.

2. Леонова Т. И. Ценностные ориентации пациентов с муковисцидозом // Неделя науки – 2020 : материалы Международного молодёжного форума. Ставрополь: Ставропольский государственный медицинский университет, 2020. С. 668-670.

3. Лесин А. М. Определение личностной значимости и содержания ценностей // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2020. Т. 8. № 4(31). С. 445-455. URL: <http://humjournal.rzgmu.ru/art&id=460> (дата обращения: 10.02.2022) DOI:10.23888/humJ20204445-455

4. Лесин А. М. Ценность счастливой семейной жизни молодых людей // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития : сборник материалов III Всероссийского симпозиума психологов с международным участием, посвященного 30-летию со дня образования психологического факультета Академии ФСИН России. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. С. 148-152.

5. Морозова Е. В., Суроегина А. Ю. Особенности нарушения социально-психологической адаптации у больных с выраженным ограничением передвижения вследствие травмы спинного мозга или ампутации нижних конечностей // Медико-социальные проблемы инвалидности. 2012. № 2. С. 21-25.

УДК 159.9

Лесин А.М.

ЦЕННОСТЬ ЛЮБВИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию взаимосвязей значимости ценности любви со значимостью и осуществлением других ценностей, а также переменными инициативности и направленности личности для определения ее мотивообразующего и смыслопорождающего потенциала. Было установлено, что ценность любви обладает малым мотивационным потенциалом, характеризуется пассивностью и определяется скорее ожиданием нежного отношения к себе, чем ее проявлением к другим людям. Были выявлены трудности с гармонизацией личностной и профессиональной сфер личности молодежи. Установлено, что значимость ценности любви снижается с возрастом, при этом положительно взаимосвязана с ценностями чуткости, честности, терпимости, жизнерадостности, а также с возможностью иметь дружеские отношения и крепкую счастливую семью.

Ключевые слова: молодые люди, личность, ценности, любовь, семья

Lesin A.M.

THE VALUE OF LOVE IN THE MINDS OF YOUNG PEOPLE

Annotation. This article is devoted to the study of the significance of the value of love of young people. It was found that the value of love has little motivational potential. Difficulties with the harmonization of the personal and professional spheres of the personality of young people were identified.

Keywords: young people, personality, values, love, family

Исследование личности молодых людей является важной постоянной задачей психологической науки, поскольку именно они в скором будущем будут определять поступательное социальное развитие общества в целом. При этом одной из ключевых характеристик и показателей такого развития, источником и залогом благополучия социума являются общественные и личные ценности. Личные ценности являются важными единицами направленности личности, выполняют мотивообразующие и смыслопорождающие функции, выступают в качестве определенной сжатой программы развёртывания всей личности [Лесин, 2018, с. 672-682], представляют собой важные цели жизни (терминальные ценности) и морально разрешенные способы их достижения (инструментальные ценности) [Леонтьев, 1994, с. 4]. Кроме того, можно выделить внутренние ценности, которые характеризуются ценностями личностного роста, и внешние – необходимые для демонстрации своих успехов другим людям [Руан, Деси, 2017, р. 7]; ценностные представления, обладающие низким мотивационным потенциалом, и собственно личностные ценности, существенно определяющие и направляющие жизнедеятельность человека [Лесин, 2020, с. 445-455].

Традиционно ценности семьи, любви и теплых отношений друг с другом занимают высокое положение в иерархии ценностей-целей молодых людей [Гераськина, Лесин, 2015, с. 70-75], однако при этом их смысловое наполнение может значительно трансформироваться. На наш взгляд, является важным изучение смыслового содержания и мотивационного потенциала важнейшей ценности любви молодых людей, которая определяет множество нравственных характеристик, с помощью выявления значи-

мых взаимосвязей с другими ценностями, психологическими характеристиками инициативности и конфликтом между значимостью и осуществлением других ценностей [Лесин, 2020, с. 445-455].

Для решения поставленной задачи нами было проведено исследование взаимосвязей уровня значимости ценности любви с уровнями значимости и осуществления других ценностей, выраженностью психологических переменных инициативности и направленности личности 194 молодых людей обоих полов в возрасте от 17 до 23 лет, с помощью методик: Бланковый тест «Инициативность» А.И. Крупнова; «Ценностные ориентации» М. Рокича, О.И. Моткова и Т.А. Огневой (вариант 2), Ориентационная анкета Б. Басса.

Надо отметить прежде всего, что ценность любви заняла высокое 3 место в иерархии значимости терминальных ценностей молодых людей из 18 возможных, уступая ценностям счастливой семейной жизни и здоровья. Это говорит о том, что традиционно молодые люди высоко оценивают и декларируют значимость этих важных ценностных приоритетов. Участниками исследования являлись молодые люди, которые совсем недавно обрели некоторую самостоятельность и планируют в ближайшее время построить взаимоотношения с целью создания собственной семьи на основе любви, что для них является важным на данный момент, как и здоровье, особенно в современных условиях неопределенности и социальных изменений, связанных с ней.

Интересно, что значимость ценности любви снижалась с увеличением возраста молодых людей в отличие от ценности счастливой семьи, значимость которой не менялась с возрастом, что вероятно может говорить о том, что молодые люди, понимая важность создания семьи, в процессе жизни переосмысливают основания ее построения. Значимость ценности дружбы, как и ценности любви, снижается у молодых людей, в то время как ценность здоровья и продуктивной жизни, наоборот, возрастает. Очевидно, что данные факты обуславливают необходимость более пристального изучения ценности любви с точки зрения определения ее мотивационного потенциала и смыслового наполнения.

Нами была обнаружена единственная отрицательная взаимосвязь значимости исследуемой ценности с переменными инициативности, а именно с выраженностью ее социоцентрической мотивации. Это может говорить о том, что любовь для молодых является скорее способом получения нежных чувств, нежели чем активное деятельное проявление их по отношению к другим людям.

Также были обнаружены взаимосвязи значимости ценности любви с другими терминальными ценностями: положительные – со значимостью ценностей наличия хороших и верных друзей, счастливой семейной жизни; отрицательные – жизненной мудрости, красоты природы и искусства, познания и продуктивной жизни. Это может говорить о том, что чем больше молодые люди ориентированы на построение теплых и крепких отношений, тем более для них важна духовная и физическая близость с любимым человеком. Однако, чем более молодые люди ориентированы на личностное развитие, обретение личностной и духовной зрелости, наиболее полную реализацию своих возможностей, тем менее для них важна любовь как ценность. Также это характеризует то, что в сознании молодых людей построение близких отношений является неким антиподом деятельностной реализации и личностного развития.

Были выявлены взаимосвязи значимости ценности любви со значимостью инструментальных ценностей, что может характеризовать смысловое наполнение изучаемой ценности: положительные – с ценностями жизнерадостности, чуткости, терпимости и честности; отрицательные – высоких запросов, непримиримости к недостаткам в себе и других, эффективности в делах. Это еще раз указывает на то, что молодые люди ассоциируют отношения с любимым человеком с высшими ценностями и качествами и считают, что любовь надо выстраивать на основе искренности, заботливости, оптимизме, взаимопонимании. При этом противопоставляют этим чувствам высокие притязания, трудолюбие, продуктивность, твердость, что, возможно, демонстрирует трудности в выстраивании гармонии между стремлением к счастливой личной жизни и к личностному и карьерному росту.

Данный тезис также подтверждается положительной взаимосвязью значимости ценности любви с выраженностью направленности на общение и отрицательной – на дело. Чем более молодые люди считают для себя важным выстраивание теплых отношений с любимым человеком, тем более они ориентированы на значимость межличностного общения и тем менее они склонны к деятельному воплощению своей личности в карьере, в деловой сфере.

Была обнаружена положительная взаимосвязь между значимостями ценностей любви и физической привлекательности и ни одной взаимосвязи с уровнем конфликта между значимостью и осуществлением ценностей, которые могли бы указывать на высокий мотивационный потенциал исследуемой ценности. Это подтверждает наше предположение о том, что молодым людям свойственна некая пассивность и реактивность в отношениях с любимым человеком, любовь воспринимается в большей степени как возможность получать плоды духовной и физической близости, нежели отдавать – больше ожидать честности, понимания, доброжелательности, чем самим вести себя подобным образом.

Таким образом, в ходе исследования нами было установлено, что ценность любви для молодых людей является декларируемо важной, при этом значимость ее снижается с увеличением возраста молодых людей. Эта ценность не обладает существенным мотивационным потенциалом и связана в большей степени с ожиданием теплых отношений от любимых людей, чем активной самостоятельной их реализацией. Молодые люди испытывают трудности в выстраивании гармоничного баланса между направленностью на общение, построением теплых отношений и ориентацией на дело, воплощением собственного потенциала в карьере и высокими притязаниями, что в конечном счете оказываются для них противоположностями. Однако, молодые люди связывают важность ценности любви с такими общечеловеческими качествами как честность, чуткость, терпимость, жизнерадостность, а также с такими важными целями в жизни как нахождение надежных и верных друзей и построение счастливой семьи.

Библиографический список:

1. Гераськина М. Г., Лесин А. М. К вопросу о ценностной сфере студентов // Актуальные проблемы психологического знания. 2015. №1 (34). С. 70-75.

2. Леонтьев Д. А. Методика изучения ценностных ориентации. Москва : Смысл, 1992. 17 с.

3. Лесин А. М. Определение личностной значимости и содержания ценностей // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2020. Т.8. № 4 (31). С. 445-455. URL: <http://humjournal.rzgm.ru/art&id=460> (дата обращения 13.02.2022). DOI: 10.23888/humJ20204445-455

4. Лесин А. М. Особенности ценностных ориентаций студентов-первокурсников // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2018. Т.6. №4 (23). С. 672-682. URL: <http://humjournal.rzgm.ru/art&id=347> (дата обращения 13.02.2022). DOI: 10.23888/humJ20184672-682

5. Ryan R. M., Deci E. L. Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness. N.Y., London : The Guilford Press, 2017. 756 p.

УДК 159.9

Миронова Т.О., Коновалова А.М.

ВЫБОР СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ У СОВРЕМЕННЫХ ПОД- РОСТКОВ

Аннотация. Статья посвящена эмпирическому исследованию выбора стратегии поведения в конфликтной ситуации в связи с психологическими особенностями личностями в подростковом возрасте. В ней описано проведенное исследование, его процедура, выборка, методики, гипотезы, а также основные полученные результаты. Показаны предпочитаемые стратегии поведения в конфликтных ситуациях; психологические особенности

личности в подростковом возрасте; связь выбора стратегии поведения в конфликтной ситуации с психологическими особенностями личности в подростковом возрасте.

Ключевые слова: подростки, конфликтные ситуации, стратегии поведения, личностные особенности.

Mironova T.O., Konovalova A.M.

CHOOSING A STRATEGY OF BEHAVIOR IN CONFLICT SITUATIONS IN MODERN ADOLESCENTS

Annotation. The article is devoted to an empirical study of the choice of a strategy of behavior in a conflict situation in connection with the psychological characteristics of adolescents. The article describes the conducted research, its procedure, sampling, methods, hypotheses, as well as the main results. The preferred strategies of behavior in conflict situations are shown. The psychological features of the personality in adolescence are shown. The connection of the choice of a strategy of behavior in a conflict situation with the psychological characteristics of the personality in adolescence is shown.

Keywords: adolescents, conflict situations, behavior strategies, personality traits.

Психологическое изучение особенностей подросткового возраста относится к очень важным задачам возрастной и семейной психологии. Подростковый возраст традиционно считается переходным и сложным для семейной системы. Именно в подростковом возрасте бурными темпами идет развитие самосознания и личности подростка, в рамках которых подросток активно изучает границы своих возможностей, отстаивает свои права на проявления «взрослого поведения» и пр. Благодаря этим особенностям возраста подросток часто оказывается включенным в различные конфликтные ситуации, справиться с которыми он оказывается не всегда готовым. Поэтому для науки очень важно понимать особенности конфликтного поведения подростков и факторы, его определяющие.

До наступления подросткового возраста и получения заметной автономии в различных сферах жизнедеятельности дети практически не сталкиваются с серьезными конфликтами, поэтому у подростков отсутствует опыт как аргументированного отстаивания своей точки зрения, так и опыт совладания с конфликтными ситуациями.

Эмоциональная сфера подростков отличается высокой импульсивностью, переменчивостью и одновременно – высокой чувственностью, что также зачастую становится причинами конфликтов. И.В. Воспитанник объяснял конфликтное поведение подростков психологическими особенностями этого возраста: упрямством, раздражительностью, обидчивостью, нежеланием развиваться [Воспитанник, 2006]. А.Л. Цветкова, изучающая особенности поведения подростков, имеющих установки на конфликт, выявила, что основным фактором, способствующим возникновению разногласий между сверстниками, является агрессия [Цветкова, 2011].

Для понимания того, каким способом подросток может решать конфликты, необходимо знать, какие стратегии поведения для разрешения конфликтных ситуаций существуют.

К. Томас выделяет пять стратегий поведения в конфликтных ситуациях:

1. Избегание (уход). Характеризуется отказом от суждения, игнорированием или отрицанием конфликта;
2. Соперничество – стремление удовлетворить собственные интересы в ущерб другому человеку, осуществляется с позиции доминирования;
3. Приспособление. Характеризуется отказом от своих интересов ради другого человека;
4. Сотрудничество – стремление к решению, которое удовлетворит интересы обеих конфликтующих сторон;
5. Компромисс. Характеризуется взаимными уступками, стремлением к частичному удовлетворению как своих, так и чужих интересов [Хасан, 2006].

Целью проведенного нами исследования стало выявление предпочитаемых стратегий конфликтного поведения у подростков и выявление связи выбора стратегии поведения в конфликтной ситуации с психологическими особенностями личности подростков.

Было предложено несколько гипотез. Во-первых, что выбор стратегии поведения в конфликтной ситуации связан с психологическими особенностями личности подростков. Данная гипотеза была конкретизирована в частных эмпирических гипотезах:

1. Для подростков, склонных использовать стратегию поведения «Соперничество», более характерны личностные черты: доминантность и агрессивность.

2. Для подростков, склонных использовать стратегию поведения «Сотрудничество», более характерны личностные черты: реализм и предприимчивость и не характерна шизотимия.

3. Для подростков, склонных использовать стратегию поведения «Компромисс», более характерны личностные черты: реализм и сознательность.

4. Для подростков, склонных использовать стратегию поведения «Уступчивость», более характерны личностные черты: пассивность, сензитивность и зависимость.

5. Для подростков, склонных использовать стратегию поведения «Приспособление», более характерны личностные черты: подчиненность, пассивность и шизотимия.

В нашем исследовании принял участие 41 подросток в возрасте от 12 до 15 лет (17 мальчиков (41,5%) и 24 девочки (58,5%)), средний возраст – 13,76 лет.

В связи со сложной эпидемиологической ситуацией в 2020-2021 гг. сбор данных о психологических особенностях личности и предпочитаемых стратегиях конфликтного поведения в подростковом возрасте проводился с использованием Google-форм. Исследование проводилось анонимно, на добровольной основе.

Основным методом исследования выступил метод опроса, с помощью которого были собраны данные в соответствии с задачами исследования с применением следующих диагностических методик:

1. Методика многофакторного исследования личности Кэттелла (подростковый вариант);
2. Опросник уровня агрессивности Басса-Дарки;
3. Тест описания поведения Томаса (в адаптации Н.В. Гришиной).

Дополнительно были собраны социодемографические данные относительно пола, возраста, класса обучения, состава семьи, наличия сиблингов, изменения отношений с родственниками/близкими/друзьями за время пандемии.

В качестве технических средств для анализа данных использовались пакеты программ IBM SPSS Statistics 23, Microsoft Excel.

В результате обработки и анализа полученных результатов было получено:

- в целом, для подростков из обследованной выборки в большей степени характерны следующие личностные черты: доминирование, сознательность, сензитивность, независимость;
- подростки из обследованной выборки имеют повышенный уровень враждебности и нормальный уровень агрессивности;
- подростки из обследованной нами выборки более склонны к следующим способам поведения в конфликтных ситуациях: компромисс, уклонение и приспособление. Реже всего подростками выбираются стратегии поведения соперничество и сотрудничество.

Также на основе полученных результатов, нами были выделены группы подростков, склонных и не склонных к использованию той или иной стратегии поведения в конфликтной ситуации (см. таблицу).

Оценка различий в психологических особенностях подростков, предпочитающих и не предпочитающих ту или иную

стратегию поведения, проводилась с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни.

Таблица 1.

Распределение подростков по склонности к использованию различных стратегий поведения в конфликтных ситуациях

Стратегия поведения	группа	кол-во	%
Соперничество	Склонен использовать	5	12,2 %
	Не склонен использовать	36	87,8 %
Сотрудничество	Склонен использовать	5	12,2 %
	Не склонен использовать	36	87,8 %
Компромисс	Склонен использовать	15	36,6 %
	Не склонен использовать	26	63,4 %
Уклонение	Склонен использовать	10	24,4 %
	Не склонен использовать	31	75,6 %
Приспособление	Склонен использовать	15	36,6 %
	Не склонен использовать	26	63,4 %

При оценке значимости различий личностных особенностей в связи с использованием или не использованием стратегий поведения в конфликтной ситуации «Соперничество» и «Сотрудничество» не было получено статистически значимых результатов. Однако можно сказать, что на уровне тенденции ($U=44,5$; $p=0,063$) есть различия в степени выраженности фактора F (осторожность-легкомыслие) между подростками, использующими и не использующими сотрудничество. Подростки, склонные использовать стратегию поведения «Сотрудничество» в конфликтных ситуациях отличаются большей степенью легкомыслия, чем подростки, не склонные использовать эту стратегию.

Использование стратегии поведения сотрудничество предполагает, что люди рассматривают конфликт как проблему, которая решается общими силами. Характерным для данной стратегии поведения является опора на мнение других людей, открытость и ценность каждой мысли, отсутствие потребности защи-

щаться. Именно поэтому такая стратегия поведения в конфликтных ситуациях может сочетаться с личностной чертой «легкомыслие».

В связи с использованием или не использованием стратегии поведения «Компромисс» подростки отличаются друг от друга по выраженности фактора А (шизотимия-аффектотимия) ($U=115$; $p=0,027$), Q2 (степень групповой зависимости) ($U=102,5$; $p=0,011$) и на уровне тенденций по фактору Н (застенчивость-авантюризм) ($U=126$; $p=0,56$). Так, для подростков, склонных использовать данную стратегию поведения в конфликтной ситуации, в большей степени характерны личностные черты аффектотимия и зависимость, а также авантюризм, чем для тех подростков, которые не используют стратегию поведения компромисс.

Компромисс предполагает, что конфликтующие должны найти решение, которое будет удовлетворять обе стороны. Данная стратегия поведения может означать разделение разногласий, обмен уступками или поиск быстрой общей позиции, именно поэтому использование компромисса может быть связано с личностными характеристиками зависимость, аффектотимия и авантюризм.

В связи с использованием или не использованием стратегии поведения «Уклонение» подростки отличаются друг от друга по выраженности фактора I (реализм-сензитивность) ($U=86$; $p=0,034$) и агрессивности ($U=71$; $p=0,011$) и на уровне тенденций – по фактору Q2 (степень групповой зависимости) ($U=97$; $p=0,074$). Так, для подростков, которые используют эту стратегию поведения, в большей степени характерны сензитивность, зависимость и нормальный уровень агрессивности, чем для подростков, которые не используют данную стратегию поведения.

Уклонение – это нежелание сотрудничать, которое предполагает откладывание решения на некоторое время или выход из угрожающей ситуации. Эта стратегия поведения может использоваться, когда нет ресурса на решение конфликта, когда есть некоторое напряжение. Именно поэтому подростки, которые используют уклонение, обладают сензитивностью, зависимостью и нормальным уровнем агрессии.

В связи с использованием или не использованием стратегии поведения «Приспособление» подростки отличаются друг от друга по выраженности фактора Е (подчиненность-доминирование) ($U=115$; $p=0,026$). Для тех подростков, которые используют стратегию поведения «Приспособление», в большей степени свойственна личностная черта – подчиненность.

Стратегия поведения «Приспособление» предполагает, что необходимо удовлетворить потребности другого человека, самопожертвование и уступчивость. Именно поэтому подросткам, которые используют приспособление, свойственна личностная черта подчиненность.

Выводы

В целом, было получено, что выбор стратегии поведения в конфликтной ситуации связан с психологическими особенностями личности подростков. При этом лишь часть наших частных гипотез была подтверждена (гипотеза 4), а некоторые были подтверждены частично (гипотез 2, гипотеза 5).

– для подростков, склонных использовать стратегию поведения «Соперничество», не было выявлено статистически значимых результатов при оценке значимости личностных особенностей в связи с использованием или не использованием данной стратегии поведения;

– для подростков, склонных использовать стратегию поведения «Сотрудничество», не свойственна личностная черта шизотимия. Также было выявлено, что подростки, склонные использовать данную стратегию, отличаются личностной чертой легкомыслие, что требует дальнейшего изучения;

– для подростков, склонных использовать стратегию поведения «Компромисс», характерны личностные черты: аффектотимия, зависимость и авантюризм, что явилось для нас несколько неожиданным результатом, требующим дальнейшего изучения;

– для подростков, склонных использовать стратегию поведения «Уступчивость», характерны личностные: сензитивность, зависимость и нормальный уровень агрессивности;

– для подростков, склонных использовать стратегию поведения «Приспособление», свойственна личностная черта: подчиненность.

Библиографический список:

1. Воспитанник И. В. Психологические детерминанты межличностного конфликта у девочек-подростков : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Иркутск, 2006. 20 с.
2. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. Санкт-Петербург : Питер, 2014.
3. Хасан Б. И. Психология конфликта и переговоров / Б.И. Хасан, П.А. Сергоманов. Москва : Академия, 2006. 190 с.
4. Цветкова А. Л. Особенности поведения подростков, имеющих установки на конфликт : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2011. 27 с.

УДК 156

Мисиюк Ю.В., Одинцова О.Ю.

РОДИТЕЛЬСКИЙ СТРЕСС В КОНТЕКСТЕ ПОВСЕДНЕВНЫХ СТРЕССОРОВ*

**Исследование выполняется в рамках проекта РНФ № 22-28-00678 «Родительство как травма: концептуализация, феноменология, поиск генезиса»*

Аннотация. В настоящем исследовании изучается выраженность стресса, связанного с выполнением родительской роли в контексте повседневных стрессоров на выборке российских матерей (N=143) в возрасте от 20 до 53 лет, имеющих детей до 18 лет. Методы: опросник «Шкала родительского стресса» («Parental Stress Scale» Berry & Jones, 1995); Шкала воспринимаемого стресса-10 (Perceived Stress Scale-10, S. Cohen et al., 1983). Установлено, что стрессы, связанные с выполнением родительских функций, переживаются интенсивнее на фоне разнообразных повседневных стрессов. Родительский стресс довольно тесно

связан с воспринимаемым стрессом и его отдельными составляющими, но должен рассматриваться как относительно изолированный феномен, имеющий свои специфические характеристики и закономерности.

Ключевые слова: родительство, родительский стресс, повседневный стресс, материнство.

Misiyk Yu.V., Odintsova O.Yu.

PARENTAL STRESS IN CONTEXT DAILY STRESSORS

Annotation. This study examines the severity of stress associated with the performance of a parental role in the context of everyday stressors in a sample of Russian mothers (N=143) aged 20 to 53 years with children under 18 years of age. Methods: Berry & Jones, 1995 Parental Stress Scale questionnaire; Perceived Stress Scale-10 (S. Cohen et al., 1983). It has been established that the stresses associated with the performance of parental functions are experienced more intensely against the background of a variety of everyday stresses. Parental stress is quite closely related to perceived stress and its individual components, but should be considered as a relatively isolated phenomenon with its own specific characteristics and patterns.

Keywords: parenting, parental stress, everyday stress, motherhood.

Родительство — одно из самых значимых и приятных переживаний в жизни женщин и мужчин. Однако, родительский опыт зачастую сопряжен с существенной эмоциональной социальной и физической нагрузкой, и может стать потенциально стрессовой и непосильной задачей. Проблемное поле родительских стрессов активно развивается с 80-х годов прошлого столетия. Согласно Р. Абидину (1982), стресс, переживаемый человеком в его родительской роли, описываемый как «родительский стресс» определяется как негативная реакция в отношении себя

или ребенка, возникающая при оценке загруженности родительской ролью [Abidin, 1992, с. 409], при которой родители испытывают меньшую удовлетворенность жизнью, эмоциональный дистресс и сниженное настроение [Nithya et al., 2021, с. 613]. Как отмечает автор, многие родители сталкиваются с трудностями, связанными с выполнением своей родительской роли: стиль воспитания, уровень привязанности к ребенку, ограничения, связанные с родительство – «ощущение непринадлежности самому себе». К. Дитер-Деккард указывает, что «родительский стресс переживается в форме негативных чувств по отношению к себе и к ребенку или детям, и, по определению, эти негативные чувства напрямую связаны с требованиями родительства» [Николаева, Овчарова, 2018, с. 38]. Родительский стресс, по аналогии с определением понятия стресса, рассматривается Р. Абиديным как отсутствие баланса между восприятием требований родительства и восприятием существующих у взрослого ресурсов для решения задач родительства, а жизненные стрессы, тесно взаимодействуют с реализацией родительской роли. [Савенышева и др., 2019, с. 39].

Считается, что женщины, подвергаются большему риску родительского стресса, поскольку мать отвечает за маленьких детей, и обычно несёт основную ответственность по уходу. Более того, наличие в доме нескольких детей, монотонность ее бесконечных повседневных дел также увеличивает выраженность стресса у матерей. Эта огромная и постоянная ответственность может объяснить, почему женщины демонстрируют более слабое психическое здоровье по сравнению с мужчинами [Lebert-Charron et al., 2018, с. 885].

Современные тенденции родительства, такие как завышенные требования к материнству, идеализация и профессионализация родительства, стимуляция раннего развития ребенка требует витка новых исследований стресса нормативного родительства. Стресс, связанный с выполнением родительских обязанностей не существует обособленно: он является частью семейного стресса [Николаева, Овчарова, 2018, с. 39], и зависит от обстоятельств, повседневной жизни [Nithya et al., 2021, с. 615]. Наряду с

контекстуальными факторами родительского стресса отмечается значительное влияние повседневных стрессоров: к примеру, когда матери совмещают профессиональную работу и уход за детьми, они подвергаются повышенному риску не только высокого уровня стресса, но и тревоги или симптомов депрессии [Nærde A. et al., 2000, с. 191]. Однако, основной массив исследований данной тематики находится преимущественно в зарубежных исследованиях. В связи с чем, изучение взаимосвязи родительского и воспринимаемого стресса, влияния повседневных стрессоров является перспективной областью исследований отечественной психологии.

Материалы и методы исследования

Целью нашего исследования является изучение стресса, связанного с выполнением родительской роли в контексте повседневных стрессоров у российских женщин.

В исследовании приняли участие 143 русскоговорящие матери, в возрасте старше 18 лет, постоянно проживающие дома с ребенком. Исследование проводилось в соответствии с политикой конфиденциальности и с письменного согласия респондентов.

Для эмпирического исследования родительского стресса в структуре воспринимаемого стресса были использованы следующие *методики*:

1. Для диагностики выраженности стресса, связанного с выполнением родительской роли: опросник «Шкала родительского стресса» («Parental Stress Scale» Berry & Jones, 1995) [Berry, Jones., 1995, с. 470] - авторский перевод;

2. Для оценки уровня воспринимаемого стресса: шкала воспринимаемого стресса-10 (Perceived Stress Scale-10), S. Cohen et al., 1983; адаптация В.А. Абабкова, К. Барышниковой, О.В. Воронцовой-Венгер и др., (2016). Шкала включает в себя две субшкалы, и одна из которых измеряет субъективно воспринимаемый уровень напряженности ситуации, а вторая — уровень усилий, прилагаемых для преодоления этой ситуации. Общей шкала воспринимаемого стресса говорит о выраженности субъективного восприятия уровня напряженности;

3. Социально-демографическая анкета.

Для статистической обработки применены описательная статистика, корреляционный анализ (r Спирмен).

Выборку эмпирического исследования составили 143 женщины в возрасте от 20 до 53 лет ($MX = 36,62$, $SD = 6,03$), имеющие 1-4 детей ($MX = 1,86$, $SD = 0,74$). Возраст младшего ребенка – от 0 до 17 лет ($MX = 6,15$, $SD = 4,19$), возраст старшего ребенка – от 8 до 27 лет ($MX = 13,89$, $SD = 5,68$).

Распределение респондентов по социально-демографическим характеристикам: семейное положение: замужем/проживают с партнером в незарегистрированных отношениях–86,13%, не замужем/в разводе–13,87%; средний ежемесячный доход семьи: до 50 000 рублей–34,29%, 50 000-100 000 рублей–40,71%, свыше 100 000 рублей–25%; трудоустройство: работают–77%, в декрете–16%, домохозяйки–4%, временно не работают–3%.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты исследования стресса, связанного с выполнением родительской роли говорят о среднем уровне выраженности (41% от максимальной возможной). При этом, уровень воспринимаемого стресса несколько выше, однако тоже говорит об умеренной выраженности (50,56% от максимального). Описательная статистика для методик родительского стресса и воспринимаемого стресса представлена в таблице 1.

Таблица 1

**Описательная статистика для методик
«Шкала родительского стресса» и «Шкала воспринимаемого стресса» (N=143)**

Шкалы	Среднее значение	Стандартное отклонение
Родительский стресс	37,06	9,38
Перенапряжение	16,50	4,78
Противодействие стрессу	8,96	2,38
Воспринимаемый стресс	25,28	6,60

В целом, психоэмоциональное состояние опрошенных матерей может быть описано как довольно стабильное. Жизненные

стрессоры, в том числе связанные с родительством, вызывают умеренное беспокойство, тревогу, подавленность, раздражительность и иные негативно окрашенные переживания. Вместе с тем, отмечается эффективное противостояние возникающими трудностями и стрессорам родительства.

Корреляционный анализ показывает, что родительский стресс довольно тесно связан с воспринимаемым стрессом и его отдельными составляющими. Выявлены очень тесные положительные взаимосвязи родительского стресса с воспринимаемым стрессом ($r=0,39$; $p < 0,001$) а также с перенапряжением ($r=0,41$; $p < 0,001$). Связь родительского стресса и противодействием стрессу более слабая ($r=0,21$; $p < 0,05$). При этом отметим, что между собой показатели воспринимаемого стресса связаны тесными положительными корреляциями (рис. 1).

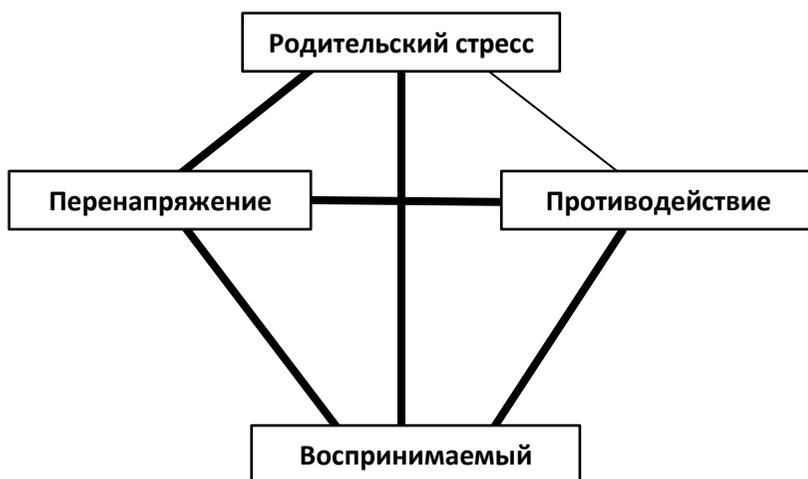

Рис. 1 Корреляционные связи показателей родительского стресса и воспринимаемого стресса

Примечания.

————— положительные корреляции на уровне значимости $p < 0,001$;

————— положительные корреляции на уровне значимости $p < 0,05$.

Полученные данные говорят о том, что стрессы, связанные с выполнением родительских функций (воспитание, уход, контроль и т.п.) переживаются интенсивнее на фоне разнообразных повседневных стрессов. И наоборот, высокий уровень родительского стресса сопряжен с более острыми и негативными реакциями на повседневные стрессоры. Это представляется вполне естественным, так как ни одна мать не выполняет свои родительские функции в полном отрыве от других ролей. Поэтому, нарастание стрессовых состояний в одной сфере жизни сопровождается повышенной реактивностью и в других.

Тем не менее, относительно слабая связь между родительским стрессом и противодействием стрессу позволяет предположить, что родительский стресс должен рассматриваться как относительно изолированный феномен, имеющий свои специфические характеристики и закономерности. Усиление негативных переживаний относительно качества выполнения своих родительских функций, не воспринимается как ситуация подконтрольности происходящих событий.

Выводы: родительский стресс у матерей имеет среднюю степень выраженности и тесно связан с уровнем повседневного стресса, однако родительский стресс должен рассматриваться как относительно изолированный феномен, имеющий свои специфические характеристики и закономерности.

Библиографический список:

1. Николаева И. А., Овчарова Р. В. Основные направления исследований родительской толерантности // Вестник Курганского государственного университета. 2018. №1 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-issledovaniy-roditelskoy-tolerantnosti> (дата обращения: 12.02.2022).

2. Савеньшева С.С., Аникина В.О., Мельдо Э.В. Факторы родительского стресса матерей детей раннего и до-

школьного возраста: анализ зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 38—48. doi: 10.17759/jmfp.2019080404

3. Abidin R. The Determinants of Parenting Behavior // Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology. 1992. Vol. 21. № 4. P. 407-412. doi: 10.1207/ s15374424jccp2104_12. 3

4. Berry, J.O., Jones. W.H. The Parental Stress Scale: Initial Psychometric Evidence // Journal of Social and Personal Relationships. 1995. Vol. 12 (3). P. 463-472. doi:10.1177/0265407595123009

5. Lebert-Charron A. et al. Maternal burnout syndrome: Contextual and psychological associated factors //Frontiers in psychology. 2018. Vol. 9. P. 885. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00885

6. Nærde A. et al. Symptoms of anxiety and depression among mothers of pre-school children: effect of chronic strain related to children and child care-taking //Journal of affective disorders. 2000. Vol. 58. №. 3. P. 181-199. doi: 10.1016/S0165-0327(99)00119-6

7. Nithya S., Farseena K.P., Thomas S. Parental Stress among Parents across their Parenting Role // The International Journal of Indian Psychology. 2021. Vol. 9. № 1. P. 611-615. doi: 10.25215/0901.061

УДК 159.9

Морозова З. А., Крюкова Т. Л.

**АБОРТ У МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН : ЗА И ПРОТИВ
(ДИСКУССИЯ О ПОСЛЕДСТВИЯХ)***

**Исследование поддержано Министерством высшего образования и науки РФ FZEW-2020-0005*

Аннотация. Рассматривается проблема аборта и его значения для женщины, сделавшей его по разным причинам в молодом возрасте. Приводятся дискуссионные и противоположные точки зрения исследователей данного феномена, обсуждаются

возможные психологические последствия, возникающие у женщин, имеющих опыт искусственного прерывания беременности. Отмечается крайняя сложность изучения переживаний, связанных с абортами, при их чрезвычайной нужности для развития данной сферы психологии, психотерапии и медицины. Актуализируется проблема негативных переживаний и совладания с ними у молодых женщин, которые столкнулись с данными процедурами впервые.

Ключевые слова: аборт, постабортный синдром, переживания, психологические последствия, совладающее поведение

Morozova Z. A., Kryukova T.L.

ABORTION IN YOUNG WOMEN: PROS AND CONTRAS (DISCUSSION ABOUT THE OUTCOMES)

Annotation. The problem of abortion and its significance for a woman who has it for various reasons at a young age is considered. The researchers' controversial and opposite points of view are given, the possible psychological consequences that occur in women who have experience of artificial pregnancy termination are discussed. It is noted that to study the experiences associated with abortion is extremely difficult, but urgently needed for the development of this area of psychology, psychotherapy and medicine. The problem of young women's negative experiences and coping with them in those who are faced with these procedures for the first time is actualized.

Keywords: abortion, post-abortion syndrome, experiences, psychological outcomes, coping

Проблема аборт в современном обществе - одна из важных и остро стоящих, решением которой занимаются как специалисты, так и политики. Данная проблематика приводит к различным последствиям, в том числе, нежелательным, но неоднозначным и широко дискутируемым. Общество и государственные меры направлены в основном на профилактику аборт. Женщины, которые сталкиваются с данной проблемой и опытом

аборта, испытывают на себе его последствия, и как правило, остаются без психологической помощи, вынуждены бороться с возникающими трудностями самостоятельно.

Существует несколько точек зрения на данную проблему. Согласно первой, искусственное прерывание беременности наносит вред не только репродуктивной системе женщины, но и оказывает негативное воздействие на психоэмоциональное состояние, подрывает психическое здоровье. Женщины, сделавшие аборт, как правило, сталкиваются с «постабортным синдромом», который нередко считается разновидностью посттравматического стрессового расстройства, вследствие полученной физической и психологической травмы [Артёмов, 2016; Reardon, 2018; Spekhard, 1992] и др.

Психические нарушения проявляются и развиваются после аборта несмотря на то, осознаёт женщина или нет, что прерывает жизнь своего нерождённого ребёнка. Проявления постабортного синдрома начинаются сразу же после перенесенного аборта, и этому служат проявление таких симптомов как чувство пустоты и утраты, чувство вины, скорбь, депрессия, саморазрушающее поведение, эмоциональная отгороженность, нарушение межличностных взаимоотношений с близкими и окружающими людьми [Смирнова, Фокин, 2015; Артёмов, 2016; Spekhard, Rue, 1992] и др.

Однако другая точка зрения, опирающаяся на крупные исследования (25-летний лонгитюд в Новой Зеландии), показывает иное. Молодые женщины часто ссылаются на опасения по поводу влияния незапланированной беременности на последствия для будущей жизни, включая образование, занятость и близкие отношения, в качестве причины для аборта. Однако существует относительно мало данных о том, приводит ли аборт к ухудшению последующей жизни молодых женщин, выбравших этот вариант. Данные 492 женщин, участвовавших в 25-летнем лонгитюдном исследовании новозеландской когорты (21-25 лет), использовались в регрессионных моделях, в которых изучалась связь между историей беременности и аборт до 21 года и отдельными социальными и экономическими показателями в возрасте 21–25 лет.

Оказалось, что по сравнению с молодыми женщинами, которые забеременели до 21 года, но не прибегали к аборту, у молодых женщин, сделавших аборт, были значительно лучшие результаты по шести из 10 показателей, охватывающих образование, доход, зависимость от социального обеспечения и насилие в семье в дальнейшем. Авторы отмечают, что большинство этих различий объяснялось семейными, социальными и образовательными характеристиками, имевшимися до беременности. Тем не менее, несмотря на это, молодые женщины, сделавшие аборт, были более успешны в обучении, чем те, кто забеременел, но не сделал аборта. Таким образом, аборт может смягчить некоторые последствия ранней незапланированной беременности [Fergusson, Boden, Horwood, 2007].

Другие авторы американского лонгитюдного исследования Schmiege S. и Russo N.F. утверждают, что доказательства того, что выбор прерывания, а не вынашивания нежелательной первой беременности, повышает риск депрессии у женщин, неубедительны [Schmiege, Russo, 2005]. В основном они ссылаются на слишком разные и несопоставимые результаты, получаемые авторами.

Видимо, в подобных исследованиях сильны социокультурные и в частности, кросс-культурные различия. Так в иранском исследовании психологических последствий аборта 278 женщин, или треть опрошенных, испытывали психологические побочные эффекты. Депрессия, беспокойство по поводу невозможности снова забеременеть и расстройства пищевого поведения были отмечены как основные психологические последствия аборта. Кроме этого к более отдаленным последствиям отнести заниженную самооценку, ночные кошмары, вину и сожаление (показатели распространенности 43,7%, 39,5%, 37,5% и 33,3%) [Pourezza и Vatebi, 2011].

И все-таки психологические последствия аборта в значительной степени игнорируются, а связи между абортом и травматическими реакциями, выявленные в исследованиях, нередко замалчиваются [Reardon, 2018]. Аргументацией служит то, что все

последствия беременности связаны с определенным риском посттравматического стрессового расстройства: трудные вагинальные роды и кесарево сечение могут восприниматься как травматические с соответствующим риском посттравматического стрессового расстройства. Недавние публикации показывают, что связь с появлением симптомов посттравматического стрессового расстройства не всегда бывает немедленной, но может вызываться последующими родами или естественными потерями или даже последующими событиями, не связанными с беременностью. Эти результаты согласуются с пониманием того, что множественные травмы и связанный с ними жизненный опыт могут способствовать возникновению симптомов посттравматического стрессового расстройства. Очевидно, что некоторые женщины переживают аборт как травму. Показатели распространенности и ранее существовавшие факторы риска могут продолжать оспариваться, но тот факт, что аборт способствует возникновению симптомов посттравматического стрессового расстройства, по крайней мере, у небольшого числа женщин, является решенным вопросом [Reardon, 2018].

Современные отечественные исследования переживаний женщинами аборта немногочисленны в отечественной психологической науке. Так, например, выделены следующие наиболее характерные негативные последствия искусственного прерывания беременности. Отметим, что далеко не все они получены путем убедительных исследований, нередко голословны: - Остановка в развитии материнской сферы, проявляется в слабости материнских чувств и может выражаться в том, что мать по отношению к рождённым детям может испытывать раздражение, агрессию или демонстрировать воспитание ребёнка по типу «безнадзорности». Такое поведение матери может приводить к нарушениям в психике ребёнка и к общему психологическому неблагополучию. - Перенос агрессии с нерожденного на рожденных детей. После abortивных процедур у женщины может измениться отношение к имеющимся детям в семье. Женщина продолжает о них заботиться, но проявляет по отношению к ним раздражительность,

агрессивность, холодность. Агрессия, которую женщина проявила к внутриутробному ребёнку, может бессознательно ей переноситься на рождённых детей.

- Чувство вины, деформированное в повышенную тревогу за ребёнка. Чувство вины из-за прерванной беременности может трансформироваться: одна из возможных трансформаций – восприятие женщиной рожденного ребёнка как болезненного, хрупкого и т.д. Мать начинает испытывать повышенную тревогу за него, гиперопекать, контролировать. Всё это приводит к тому, что мать препятствует развитию в ребёнке самостоятельности, самоконтроля и т.п. - Нарушение отношений с мужем (другими родственниками). Переживание утраты нерождённого ребёнка может выражаться в гневе на тех, кто не остановил, не отговорил от аборта, не оказал достаточного уровня поддержки или наоборот заставил сделать этот шаг, т.е. на отца ребёнка или других родственников. - Влияние аборта, сделанного матерью, на развитие материнской сферы её дочери. Девушка знающая, что мать имела в прошлом абортный опыт, может испытывать защитно-легкомысленное отношение к абортным процедурам и беременности [Смирнова, 2013]. Указывают также на значимое ухудшение отношений в семье, так как ситуация психотравмы, связанная с ситуацией аборта, достаточно сильно нарушает доверие женщины к мужчине [Смирнова, Фокина, 2009].

Итак, можно заключить, что аборт может приводить к разнообразным немедленным и отдалённым последствиям, которые сказываются не только на женщине, прервавшей свою беременность, но также касаются ее близких и семейных отношений, могут создавать неблагоприятную почву для возникновения негативных социальных явлений.

Главными трудностями при исследовании постабортного синдрома является вполне объяснимое нежелание женщин раскрывать переживания, с которыми они вынуждены столкнуться [Смирнова, Фокина, 2009; Wallin Lundell, 2013].

Именно изучая переживания женщины, впервые сделавшей аборт, мы намерены восполнить дефицит исследования проблемы сегодня. Известно, что если потребность в выражении

своих переживаний, горя во-вне не будет удовлетворена, то переживающая личность вынуждена вытеснять их, и они могут выражаться в виде симптомов психопатологии или соматизации [Решетников, 2019]. Переживание личности выполняет важнейшую функцию – аффективную мобилизацию ресурсов человека в критической, стрессовой ситуации с целью выживания и обогащения личного опыта индивида, чтобы в последующем повысить уровень сопротивляемости при наступлении подобных ситуаций [Кочарян, 2011].

Особый интерес в рассмотрении понятия «переживания», на наш взгляд, представляют идеи Л. Р. Фахрутдиновой, которая рассматривает переживания как основную часть сознания, которая обладает рефлексией. Именно благодаря рефлексивности субъект переживания способен погрузиться в свой внутренний мир и переоценить пережитое [Фахрутдинова, 2012]. Благодаря рефлексии в процессе переживания травматичной, критической ситуации, субъект данного переживания способен изменить отношение к ней, обрести новые смыслы и значения, инсайты и т.п.

Процесс совладания с травматическими переживаниями женщины из-за ситуации аборта, является интимным и личным переживанием, с которым достаточно затруднительно поделиться даже с близкими людьми. Также восприятие данных процедур как аморального поступка, иногда накладывает запрет на обсуждение женщиной своих переживаний, поэтому она вынуждена справляться с ними сама. Женщины, имеющие психотравматический опыт искусственного прерывания беременности, при совладании с данной ситуацией направлены в большей степени на эмоции и чувства [Крюкова, 2010; Микова, 2010].

После аборта у многих женщин на фоне сильного переживания чувства вины проявляется психологическая защита в виде высокого уровня самоагрессии и осознания, принятия ответственности за свой ранее сделанный выбор в пользу аборта [Руднева, Картавенко, 2014].

При критической или травматической ситуации у личности происходит потеря внутренних и внешних ресурсов, что в свою очередь приводит к утрате субъективного благополучия, из-

за негативных переживаний возникает состояние психологического стресса и в конечном итоге всё это отрицательно отражается на состоянии здоровья человека [ред. Никифоров, 2013].

Вышесказанное показывает, что в результате аборта женщина сталкивается с множеством негативных психологических последствий, наступающих сразу после аборта, а также имеющие отдаленные последствия.

В исследовании аборта и совладания с его последствиями мы считаем необходимым сделать акцент в первую очередь на молодых женщинах, которые в имеют первый опыт аборта, так как, не имея опыта в подобных ситуациях, молодая женщина часто бывает не готова к тем негативным психологическим последствиям, с которыми может столкнуться.

Среди наших предположений, ждущих проверки, гипотезы о том, что преобладает при решении сделать аборт - личный выбор или психологическое давление семьи, ближайшего окружения; различная степень получения социальной поддержки от других людей вплоть до ее полного отсутствия и др.

В целом мы приходим к выводу, что проблема оказания адресной психологической помощи не только женщинам, которые еще не совершили свой репродуктивный выбор, но также тем, кто его сделал, избрав аборт, не решена в обществе.

Библиографический список:

1. Артемов А. Н. Постабортный синдром и техники доабортного психологического консультирования: Международный научный журнал «Молодой ученый» №9 (113), Казань: 2016. С. 371-374.

2. Григорьева М. В. Диахронический подход к исследованию процессов социально-психологической адаптации личности // Известия Саратовского университета №1, Саратов: СНИГУ им. Н. Г. Чернышевского, 2013. С. 54-58.

3. Голубева Н. М. Рефлексия как адаптивный ресурс личности // Теория и практика общественного развития №14. Москва: Институт социологии РАН, 2015. 152 с. С. 145-147.

4. Здоровье личности / под ред. Г.С. Никифорова. Санкт-Петербург : Речь, 2013. 400 с.

5. Кочарян А. С. Лисеная А. М. Психология переживания. Харьков : ХНУ им. В. Н. Карамзина, 2011. 224 с.

6. Микова Т.С. Особенности психической регуляции поведения женщин с травматичным опытом искусственного прерывания беременности [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 6(14). URL: <http://psystudy.ru>

7. Руднева М. В., Картавенко Е. В. Исследование особенностей переживания вины, у женщин сознательно прервавших беременность : сборник статей по материалам ХLI международной научно-практической конференции, июнь 2014. Новосибирск : СибАК, 2014. С. 140-145.

8. Решетников М. М. Психическая травма: учебное пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры. Москва : Юрайт, 2019. 69 с.

9. Смирнова Ю. С., Фокин А. А. Запрещенные слезы или постабортный синдром // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения №1, Санкт-Петербург : СПбПУ Петра Великого, 2009. С. 91-92.

10. Смирнова Е.А. Что нужно знать женщине, которая уже всё решила: консультирование в ситуации кризисной беременности. Москва: Академия, 2013. 128 с.

11. Фахрутдинова Л. Р. Структурно-динамическая организация переживания субъекта: автореферат дис... доктора психологических наук. Казань, 2012. с. 14.

12. Fergusson DM, Boden JM, Horwood LJ. (2007). Abortion among young women and subsequent life outcomes. *Perspect Sex Reprod Health*. 2007 Mar; 39(1):6-12. doi: 10.1363/3900607. PMID: 17355376.

13. Pourreza, A., & Batebi, A. (2011). Psychological Consequences of Abortion among the Post Abortion Care Seeking Women in Tehran. *Iranian journal of psychiatry*, 6(1), 31–36.

14. Reardon D. C. (2018). The abortion and mental health controversy: A comprehensive literature review of common ground agree-

ments, disagreements, actionable recommendations, and research opportunities. *SAGE open medicine*, 6, 2050312118807624. <https://doi.org/10.1177/2050312118807624>

15. Schmiede S, Russo NF. (2005). Depression and unwanted first pregnancy: longitudinal cohort study. *BMJ*. Dec 3; 331(7528):1303. doi: 10.1136/bmj.38623.532384.55. 2005 Oct 28.

16. Spekhard A., Rue V. (1992). Post Abortion Syndrome. *J. of Soc. Issues* Vol. 48, no. 3, 1992, p. 95-119

17. Wallin Lundell, I., Georgsson Öhman, S., Frans, Ö. et al. et al. (2013). Posttraumatic stress among women after induced abortion: a Swedish multi-centre cohort study. *BMC Women's Health* 13, 52 <https://doi.org/10.1186/1472-6874-13-52>

УДК 159.9

Нестерова А.О., Нижегородцева Н.В.

РОЛЬ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПОДРОСТКОВ

Аннотация: Статья посвящена изучению роли детско-родительских отношений в формировании социальной компетентности подростков. Исследование проводилось на основе изучения отечественного и зарубежного опыта по специфике детско-родительских взаимоотношении с целью выявления особенностей влияния семьи на формирование социальной компетентности подростков. В данной статье рассматривается специфика и характер детско-родительских взаимоотношений и влияние стиля воспитания в семье на формирование личности подростка.

Ключевые слова: семья, подростковый возраст, социальная компетентность, стиль воспитания.

Nesterova A.O., Nizhegorodtseva N.V.

THE ROLE OF CHILD-PARENT RELATIONSHIPS IN SHAPING ADOLESCENT SOCIAL COMPETENCE

Abstract: The article is devoted to the study of the role of child-parent relations in the formation of social competence of adolescents. The study was conducted on the basis of the study of domestic and foreign experience on the specifics of child-parent relationships in order to identify the features of the influence of the family on the formation of social competence of adolescents. This article examines the specifics and nature of child-parent relationships and the influence of parenting style in the family on the formation of the personality of a teenager.

Keywords: family, adolescence, social competence, parenting style.

Социализация – это сложный процесс, происходящий на протяжении всей жизни человека. Социализация рассматривается как двусторонний процесс непрерывной передачи обществом и постижения индивидом на протяжении всей жизни социальных норм, морально-нравственных ценностей и образцов поведения, которые способствуют успешному функционированию индивида в данном обществе [Абрамова, 1999, с. 231].

В подростковом возрасте чаще всего социализация бывает затруднена ввиду физической и психической перестройки организма. Глядя на подростка, можно заметить изменения во внешности: нескладность, непропорциональность частей тела, угловатость движений. Также стоит отметить, подросток сталкивается с большим количеством психологических проблем, связанных с выстраиванием взаимоотношений со сверстниками, усваиванием комплекса морально-нравственных принципов, приобретением чувства социальной ответственности.

В этот период формируются постоянные модели поведения и черты характера, которые определяют будущую жизнь индивида, его физическое и психическое состояние. На этом этапе развития индивида важнейшую роль в процессе социализации иг-

рает семья. Семья – это мощнейший механизм становления личности подростка, накопления им социального опыта [Савина, 2003, с. 147].

Резюмируя все вышесказанное, в нашем исследовании была поднята следующая проблема: какую роль играют детско-родительские отношения в формировании социальной компетентности подростков?

Для диагностики детско-родительских отношений использовались такие методики, как «Кинетический Рисунок семьи» Р. Бернс, С. Кауфман, «Опросник для изучения взаимодействия родителей с детьми» И. Марковской (ВРР), «Социальная компетентность» (А.М. Прихожан).

Общий объем выборки составил 120 человек (60 подростков – средний возраст 14 лет и 60 родителей).

Для оценки достоверности различий социальной компетентности подростков с разным типом детско-родительских отношений был применен непараметрический U-критерий Манна-Уитни. Этот критерий выбран, потому что он применяется для оценки различий по уровню выраженности каких-либо признаков в двух несвязных выборках.

Корреляционный анализ Спирмена позволяет определить тесноту и направление корреляционной связи между двумя признаками. Для рассмотрения взаимосвязи детско-родительских отношений и социальной компетентности подростков были проанализированы полученные данные по шкалам опросника «Социальная компетентность» и «Кинетический рисунок семьи»: «Благоприятная семейная ситуация - Развитие общения», «Конфликтность в семье - Интерес к жизни», «Чувство неполноценности в семье - Уверенность в себе». Анализируя полученные данные, можно увидеть, что показатели «Благоприятная семейная ситуация» и «Развитие общения»: $R_s = -0.331$, критические значения для $N = 60$. Данный анализ показывает, что H_0 отвергается. Корреляция между «Благоприятная семейная ситуация» (А) и «Развитие общения» (В) статистически значима.

Анализируя полученные данные, можно увидеть, что результат показателей «Конфликтность в семье» и «Интерес к

жизни»: $R_s = -0.113$, Критические значения для $N = 60$. Данный анализ показывает, что H_0 принимается. Корреляция между показателями «Конфликтность в семье» и «Интерес к жизни» не достигает уровня статистической значимости.

Таблица 1
Взаимосвязь детско-родительских отношений и социальной компетентности подростков

N		Значения A	Ранг A	Значения B	Ранг B	d (ранг A - ранг B)	d ²
1	Благоприятная семейная ситуация (A) Развитие общения (B)	0,8	1830	-0,02	1830	0	47915
2	Конфликтность в семье (A)- Интерес к жизни (B)	1,6	1830	-0,1	1830	0	40073.5
3	Чувство неполноценности в семье (A) Уверенность в себе (B)	0,6	1830	-0,1	1830	0	24926

Таблица 2
Взаимосвязь детско-родительских отношений и социальной компетентности подростков

N		p	
		0.05	0.01
1	60	0.25	0.33
2	60	0.25	0.33
3	60	0.25	0.33

Результат показателей «Чувство неполноценности в семье» и «Уверенность в себе»: $R_s = 0.307$, Критические значения для $N = 60$. Данный анализ показывает, что H_0 отвергается. Корреляция между «Чувство неполноценности в семье» и «Уверенность в себе» статистически значима.

Анализ результатов опроса по опроснику Марковской И. М. по расчету U-критерия Манна-Уитни.

Таблица 3

Взаимосвязь полученных данных по опроснику И.М. Марковской

Шкалы	Выборка 1 (Под- ростки)	Ранг 1	Выборка 2 (Роди- тели)	Ранг 2
1.Нетребовательность- требовательность	61.7	10.5	63.5	13
2.Мягкость-строгость	50.5	3	53.2	5
3.Автономность-кон- троль	65	15	60	7
4.Эмоциональная ди- станция-близость	59.7	6	62	12
5.Отвержение -приня- тие	52.7	4	61.5	9
6.Отсутствие сотру- дничества-сотрудниче- ство	60.2	8	65.5	16
7.Тревожность за ре- бенка	70.2	18	75.5	19
8.Непоследователь- ность-последователь- ность	61.7	10.5	64	14
9.Воспитательная кон- фронтация в семье	38.1	2	29.1	1
10.Удовлетворение от- ношениями с ребенком	69.2	17	78.2	20
Суммы:		94		116

U-критерий Манна-Уитни равен 39. Критическое значение U-критерия Манна-Уитни при заданной численности сравниваемых групп составляет $39 > 23$, следовательно различия уровня признака в сравниваемых группах статистически не значимы ($p > 0,05$). Так как $U_{кр} < U_{эмп}$ — принимаем нулевую гипотезу с вероятностью 95%; различия в уровнях выборок можно считать не существенными.

Таким образом, полученное эмпирическое значение $U_{эмп}$ (39) находится в зоне незначимости, что говорит о не значительных расхождениях в результатах ответов подростками и родителями.

При обработке результатов для выявления взаимосвязи детско-родительских отношений и социальной компетенции подростков мы использовали ранговый коэффициент корреляции Спирмена.

Статистически значимая корреляция ($p < 0,95$) между показателем социальной компетентности, таким как самостоятельность, и показателем «Автономность-контроль» показал результат: $r_s = 0.034$, где H_0 принимается. Корреляция между А и В не достигает уровня статистической значимости. Это можно объяснить наличием минимальных социальных норм ребенка, проявляющимся в поведении и межличностных отношениях, способностью самостоятельно выполнять задания, но боязнью нести ответственность за собственные действия и т. д.

Показана статистически значимая отрицательная корреляция между индикатором «Развитие общения» и «Удовлетворение отношениями с ребенком» ($p < 0,95$). Результат: $r_s = 0.364$, где H_0 отвергается. Корреляция между А и В статистически значима. Трудности в общении у подростков может привести к таким опасениям, как неудовлетворение отношениями с ребенком.

Обнаружена статистически значимая корреляция между показателем социальных компетенций, таких как Интерес к жизни, и показателем Воспитательная конфронтация в семье ($p < 0,95$). Результат: $r_s = 0.042$, где H_0 принимается. Корреляция между А и В не достигает уровня статистической значимости. Показатели «Самостоятельность» и «Воспитательная конфронтация

в семье» показали результат: $r_s = 0.31$, где H_0 отвергается и корреляция между А и В статистически значима.

Показатель социальных компетенций, таких как Организованность и показатель Требовательность, была определена ($p < 0,95$). Результат: $r_s = 0.128$, где H_0 принимается. Для подростка в такой ситуации важен размах личных отношений, организованность проявляется в том, что подросток отказывается выполнять любую работу, которую ему дают взрослые, однако организованность подростка не достигает уровня статистической значимости требовательности в семье родителями.

Между показателем Уверенность в себе и показателем - Строгость обнаружена статистически значимая корреляция ($r_s = 0.223$) не достигает уровня статистической значимости. В то же время показатели «Эмоциональная дистанция–близость» и «Уверенность в себе показали результат: $r_s = 0.306$, где H_0 отвергается и корреляция между А и В статистически значима.

Выявлена статистически значимая корреляция между показателем социальных компетенций и шкалами опросника И.М. Марковской. Полученные результаты показывают, что существует специфика во взаимосвязях показателей, характеризующих взаимоотношения родителей и подростка от степени их удовлетворенности взаимоотношениями. Фундамент личности подростка закладывается в семье, которая является основой воспитания его нравственных чувств, навыков социального поведения, сказывается на развитии личности подростка (самооценку, мотивацию, тревожность). На нравственный облик подростка влияет вся жизнь семьи с ее повседневными заботами, бытом, семейными устоями [Божович, 1969, с. 466].

Библиографический список:

1. Абрамова Г.С. Возрастная психология. Москва: Академия, 1999. 672 с.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. Москва: Просвещение, 1968. 398 с.
3. Савина Е.А., Родители и дети. Психология взаимоотношений. Москва: Академия, 2003. 401 с.

Одинцова О.Ю., Мисиюк Ю.В.

**ОТЦОВСКАЯ ВОВЛЕЧЕННОСТЬ НА ЭТАПЕ
ПЕРЕХОДА К РОДИТЕЛЬСТВУ: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА,
ДИНАМИКА***

*Исследование финансируется Министерством высшего
образования и науки FZEW-2020-0005*

Аннотация: Позиция вовлеченного в беременность мужчины предполагает наличие у субъекта определенных когнитивных установок – ценности супружеских отношений, партнёра, будущего ребенка; поведенческих установок – инициации физической, материально-бытовой помощи; и эмоциональных – соучастие, сочувствие, отклик. Включенность в ожидание ребенка социально выражается в равном с женщиной «вкладе» в беременность – несении ответственности за состояние плода и ее протекание, равнозначной подготовки к родам и предстоящему родительству, а постнатально – делении обязанностей по уходу за ребенком, его развитием и воспитанием. Целью настоящей работы является выявление отдельных сторон вовлеченности в беременность в выборке российских мужчин.

Ключевые слова: мужчина, женщина, беременность, вовлеченность, переход к родительству.

Odintsova O.Yu., Misiyuk Yu.V.

**FATHER'S INVOLVEMENT AT THE STAGE OF
TRANSITION TO PARENTHOOD: CONCEPT, STRUCTURE,
DYNAMICS**

Abstract: The position of a man involved in pregnancy implies that the subject has certain cognitive attitudes - the value of mar-

ital relations, a partner, an unborn child; behavioral attitudes - the initiation of physical, material and household assistance; and emotional - complicity, sympathy, response. Inclusion in the expectation of a child is socially expressed in an equal “contribution” to pregnancy with a woman - bearing responsibility for the condition of the fetus and its course, equivalent preparation for childbirth and upcoming parenthood, and postnatally - sharing responsibilities for caring for the child, its development and upbringing. The purpose of this work is to identify individual aspects of involvement in pregnancy in a sample of Russian men.

Key words: man, woman, pregnancy, involvement, transition to parenthood.

В России, как и во всем мире, отмечается возрастание участия партнёров-мужчин в беременности и родах женщины. Вероятно, эта тенденция будет усиливаться по ряду причин. Во-первых, увеличивается возраст мужчин в сторону 35 – 40 лет, впервые ставших отцами за последние десятилетия. Соответственно, можно предположить увеличение ответственности, осознанности, сопричастности к периоду ожидания ребенка. Во-вторых, появление современных перинатальных центров, рассчитанных на совместное пребывание супругов, делают партнёрские роды возможными, а маркизация некоторых аспектов родовспоможения и персонализация услуг – доступными для мужчин. В-третьих, пронаталистская ориентация государственной политики, совершенствование комплекса экономических, административных, пропагандистских и просветительских мероприятий, содействуют формированию установок вовлеченности у мужчин.

Обращение к изучению проблематики вовлеченности субъекта в беременность неоднократно осуществлялось в русле пренатальной психологии. Однако подобные исследования сосредоточены преимущественно на различных аспектах формирования привязанности в диаде «мать-ребенок» и редко затрагивают другого непосредственного участника деторождения – будущего отца.

В имеющихся работах пренатальная вовлеченность мужчин обсуждается с двух позиций: а) как проявление одной из сторон привязанности; б) в качестве самостоятельного поведенческого явления со стороны будущего отца. Так, в контексте привязанности вовлеченность имеет трехкомпонентную структуру, включающую когнитивную, эмоциональную и поведенческую составляющие. Когнитивный компонент содержит репрезентации плода; эмоциональный компонент проявляется в позитивных чувствах по отношению к ребёнку; поведенческий компонент включает желание взаимодействия с ребенком (реализуемое через беременную женщину) [Приводится по: Савёнышева, 2017, С. 243-248]. С другой стороны, вовлеченность в беременность обсуждается как динамичное пролонгированное явление, в котором можно выделить наличие «пиков» и «спадов». *Фазы (стадии) вовлеченности мужчины в беременность партнерши включают:*

- «Фаза объявления» (до 4 месяца гестации) – возникает с момента оповещения мужчины о предстоящем отцовстве. «Фаза объявления» запускает активное формирование новообразований будущего отца (определяемых в отечественной науке весьма разнообразно – «матрица отцовства», «родительство отца», «интегральная индивидуальность отцовства» и т. д.) и отражает осознание мужчиной реальности перспектив родительства в обозримом будущем.

- «Фаза моратория» (с 4 по 6-7 месяц беременности) – формируется с этапа «материализации» положения женщины, когда беременность становится очевидна. Мужчина осознает потерю внимания к себе со стороны партнёрши, сталкивается с ограничением своих потребностей и желаний, перестройкой планов, погружается в бытовые хлопоты, связанные с будущим ребенком. Родительство осознается не только как радость, но и бремя, сопряжённое с возможными проблемами и трудностями. На этой стадии соучастие мужчины ослабевает, а его эмоциональный фон неустойчив;

- «Фаза фокусировки» (с 7 по 9 месяц гестации) – определяется с момента восприятия отцовства как неминуемой и безвозвратной перспективы. Степень вовлеченности возрастает,

мужчина активизируется в оказании многосторонней помощи женщине. Предстоящие роды содействуют поведению, направленному на поиск информации об уходе и развитии ребенка. Одновременно отмечается возрастание тревожно-фобических настроений.

- Отдельной представляется «фаза подготовки к родам» (9 месяц), в случае если супруги готовятся к совместным (партнёрским) родам, осмысляемым как этап максимальной вовлеченности со стороны мужчины. После рождения ребенка формируется постнатальная вовлеченность, зеркально отражающая пренатальную [Maу, 1982, P.115-127].

К слову, существует еще одна позиция в отношении динамики вовлеченности, которая состоит в том, что она развивается линейным образом, возрастая у обоих партнёров в зависимости от срока беременности: чем больше срок, тем сильнее вовлеченность. Существенное влияние оказывает начало шевеления плода, после которого динамика вовлеченности интенсифицируется [Zimmerman, 2003, P. 109].

Несмотря на различия в подходах к пониманию феномена вовлеченности в беременность со стороны мужчины, они не описывают ее конкретные маркеры, характерные черты. Вероятно, использование одного подхода в качестве отражения структуры вовлеченности, а другого – в контексте динамики дополняют и обогащают знания о данном явлении. Вопрос о критериях вовлеченности в беременность английские коллеги предлагают решить с помощью «балла отцовской вовлеченности» – конкретных поведенческих действий со стороны мужчины по отношению к своему будущему ребенку. В качестве основы выделяются два фактора – присутствие / отсутствие мужчины и его эмоциональная сопричастность в значимых аспектах беременности [Redshaw, Henderson, 2013, P. 1-15]. Вместе с тем, возникает определенный круг вопросов: каковы когнитивные представления о беременности у современных российских мужчин на этапе перехода к родительству? фиксируются ли признаки вовлеченности в беременность со стороны партнеров?

Целью исследования является изучение проявлений вовлеченности в беременность со стороны мужчин на этапе перехода партнеров к родительству. *Гипотеза:* у российских мужчин присутствуют вовлеченное в беременность поведение в ситуации ожидания ребенка.

Материалы и методы исследования. *Выборка:* исследование содержит пилотаж с участием мужчин ($n = 69$) от 18 до 45 лет с различным опытом родительства, в том числе его отсутствием) и основную часть: 102 пары, ожидающие ребенка ($n = 206$). Из них: женщин – 104 человека (2 бланка заполнены без партнера) от 21 до 40 лет ($m=30,96$ лет, $SD=4,79$); мужчины – 102 респондента от 19 до 52 лет ($m=33,06$ лет, $SD=5,74$). 75% партнеров состоят в браке, 24% – в незарегистрированных стабильных отношениях. Срок гестации женщины – преимущественно III-й триместр ($m=31,28$ недель). Об осложнениях беременности, не угрожающих ребенку или женщине, сообщили 25% респондентов. Партнеры чаще ожидали второго ребенка ($m=2,52$).

Метод. 1. Полуструктурированные неоконченные предложения (авторская форма). Процедура проведения методики регламентирована инструкцией с просьбой завершить 21 неоконченное предложение. Использована на этапе пилотажа;

2. Шкала оценки стрессовой ситуации (по типу семантического дифференциала Ч. Осгуда) в модификации А.Ю. Малёновой [Малёнова, 2012];

3. Анкета для изучения отцовской вовлеченности (по типу Redshaw, Henderson, 2013) (авторская форма). Инструментарий предполагает дихотомический ответ (да / нет) на 11 вопросов относительно различных проявлений вовлеченности мужчины в ситуацию беременности, а также ее параллельное заполнение со стороны женщины-партнерши. Психометрический анализ методики с помощью коэффициента α -Кронбаха демонстрирует ее надежность ($\alpha=0,8$);

4. Анкета для сбора социально-демографической информации;

5. Пакет статистических программ для качественной и количественной обработки данных.

Результаты исследования и их обсуждение. Феноменология и модальность переживаний мужчин, связанных с различными аспектами перехода к родительству, проанализирована с помощью полуструктурированных неоконченных предложений на этапе пилотажа. Согласно полученным данным, 49 % мужчин волнуются о здоровье будущего ребенка. Данные переживания сводятся к высказываниям: *«боюсь, что ребенок родится с патологией / будет не здоров», «боюсь наследственных заболеваний»*. Стоит отметить, 51 % мужчин анализируют беременность в контексте ухудшения здоровья партнерши, причем 45 % респондентов воспринимают ее как тяжелое испытание. Оценка родов менее однозначна: 53 % мужчины сходятся во мнении, что роды *«болезненный процесс», «испытание для женщины», «дело серьезное и опасное», «самое страшное»*, но одновременно 30% мужчин отличаются жизнеутверждающими взглядами: *«роды – это смысл жизни», «один из самых важных периодов в жизни каждой пары», «это здорово»*. Непосредственно момент родоразрешения 48 % мужчин осмысливает как волнительный. Любопытно, что 30% мужчин считают, что на этом этапе женщине нужна поддержка, и они готовы ее предоставить. Впрочем, 16% мужчин не приемлют подобной перспективы: *«не вижу смысла в присутствии», «не готов присутствовать», «мне это не надо», «даже думать не хочу об этом»*. Первый год после рождения ребенка большая часть респондентов определяет как *«тяжелый»* (67 %). Уход за новорожденным 23 % мужчин воспринимают через призму сложности и ответственности (33 %).

Анализ полученных ответов свидетельствует о наличии у мужчин сложных переживаний, связанных с беременностью, родами и родительством. Эти переживания одновременно имеют как положительную, так и отрицательную модальность и отражают эмоциональный компонент включенности партнеров.

Основная часть исследования сосредоточена на респондентах, ожидающих в текущий момент времени пополнение в семье. Наиболее ярким признаком ожидания ребенка является ее высокая субъективная значимость (согласно ме-

тодике семантического дифференциала). Беременность интерпретируется мужчинами как понятная, определенная, типичная и известная ситуация, что очевидно: большинство женщин в исследовании беременны во второй или третий раз. Возможность ее контроля и прогнозируемость является средней. Мужчины ориентированы на равные позиции с партнершей в разделении трудностей, связанных с беременностью. При этом супруги умеренно оценивают опасность беременности (угрозу, наличие в ней рисков) и ее стрессогенность (Рис. 1).

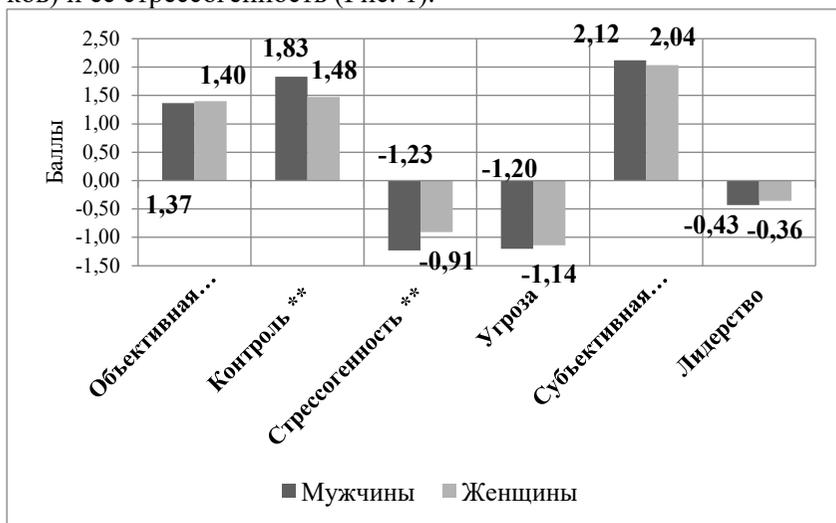

Рис. 1. Различия в когнитивном восприятии беременности (по СД)

Примечание. Значимость различий между мужчинами и женщинами рассчитана с использованием Т-критерия Вилкоксона. ** - различия на уровне значимости $p < 0,01$

Отметим, что из 6 шкал модифицированного семантического дифференциала гендерные различия выявлены только в двух: мужчины характеризуются более высокими оценками контролируемости беременности ($T = 606,50$; $p < 0,01$) и ее стрессогенности ($T = 900$; $p < 0,01$). Соответственно, беременность для них является прогнозируемой и ожидаемой, но переживается как

более сложная, трудная и неприятная по сравнению с женщинами. Получение результаты выявляют когнитивные аспекты вовлеченности в беременность.

Поведенческий компонент вовлеченности оценивался с помощью анкеты для изучения отцовской включенности в период ожидания ребенка. Мужчины оценивают ее как выраженную (на 55 % от максимально возможного балла). Примечательно, что женщины идентично высказываются о вовлеченности мужчин-партнеров. Чаще всего мужчины совместно с партнершей покупают товары для новорожденного (91 %), посещают одно / несколько ультразвуковых исследований (85 %), периодически сопровождают женщину на плановое посещение женской консультации (78 %), присутствуют при подтверждении беременности (с помощью теста, врача или результатов анализа) (74 %), оказывают эмоциональную поддержку в течение беременности (71 %), ищут информацию о ней (или отдельных сторонах ее проявления) (42 %), принимают положительное решение о присутствии на родах (11 %), совместно посещают школу будущих родителей (3 %) (Данные отражены со стороны респондентов-мужчин).

Выводы: 1. Вовлеченность мужчины в беременность характеризуется наличием эмоциональной близости к будущему ребенку, определенных поведенческих аспектов, направленных на поддержание благополучие плода и беременной женщины, когнитивной репрезентацией гестации, родоразрешения, ребенка и аффективной сопричастности к ним. Вовлеченность в беременность со стороны мужчины характеризуется определенной динамикой в зависимости от срока гестации женщины.

2. В выборке российских мужчин присутствуют проявления включенности в период ожидания ребенка. При этом когнитивная репрезентация беременности определяется через призму ее **высокой субъективной значимости**. Поведенческий компонент вовлеченности зачастую отражен сопровождением женщины в соответствующие медицинские учреждения и совместными покупками ребенку, а аффективные переживания характеризуются как положительной, так и отрицательной модальностью.

Библиографический список:

1. Малёнова А.Ю. Оценка нормативных учебных стрессоров субъектами психологического образования разного возраста // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. №2. С. 138-143.
2. Савёнышева С.С. Пренатальная привязанность: понятие, структуры, детерминанты // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 1. С. 243-248.
3. May K.A. Three phases of father involvement in pregnancy // Coping with life crises. Springer. Boston. MA. 1981. P. 115-127. https://doi.org/10.1007/978-1-4684-7021-5_8.
4. Redshaw M., Henderson J. Fathers' engagement in pregnancy and childbirth: evidence from a national survey // BMC pregnancy and childbirth. 2013. Т. 13. №. 1. С. 1-15. <https://doi.org/10.1186/1471-2393-13-70>.
5. Zimerman A. Conceptualizing prenatal attachment: Toward a multidimensional view // Journal of prenatal and perinatal psychology and health. Vol. 18. P. 109 – 129.

УДК 159.09

Опекина Т.П., Силина Е.А.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ НАСИЛИЕМ И ГЕНДЕРНЫМИ УСТАНОВКАМИ ПАРТНЕРОВ В БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЯХ*

**Исследование выполнено при финансовой поддержке
Министерства науки и высшего образования FZEW-2020-0005*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования взаимосвязи физического и психологического насилия в близких отношениях между взрослыми мужчинами и женщинами и гендерных установок партнеров. Выявлено, что гендерные установки женщин не связаны с их физическим и психологическим насилием в адрес партнеров-мужчин. У мужчин обнаружена

связь физического насилия в адрес партнерш с такой установкой как враждебный патернализм. Описаны связи враждебного сексизма у мужчин и признаков дисфункциональности близких отношений.

Ключевые слова: близкие отношения, гендерные установки, враждебный и доброжелательный сексизм, физическое и психологическое насилие.

Опекина Т.П., Силина Е.А.

RELATIONSHIPS BETWEEN VIOLENCE AND GENDER ATTRACTIONS OF PARTNERS IN CLOSE RELATIONSHIPS

Annotation. The article presents the results of a study of the relationship between physical and psychological violence in close relationships between adult men and women and the gender attitudes of partners. It was revealed that the gender attitudes of women are not related to their physical and psychological violence against male partners. In men, a connection was found between physical violence against partners with such an attitude as hostile paternalism. The connections of hostile sexism in men and signs of dysfunctionality of close relationships are described.

Keywords: close relationships, gender attitudes, hostile and benevolent sexism, physical and psychological violence.

Под близкими отношениями понимается вид межличностных отношений, значимых, избирательных взаимосвязей людей, направленных на удовлетворение их потребности в любви и принадлежности; основанных на аффилиативных чувствах и привязанности [Крюкова, Екимчик, Опекина, 2019, с. 15]. В тоже время, отношения в диаде нередко являются источником психологического неблагополучия и даже травматизации человека. Как отмечают исследователи в области гендерной психологии, отношения между мужчиной и женщиной «пропитаны» гендерными аттитюдами и стереотипами, сексистскими предубеждениями (S.

Bem, P. Glick, J. Fischer, J. B. Parks и др.), связанными с проявлением в обществе большей толерантности к насилию, в том числе, семейному насилию над женщинами [Russell, Trigg, 2004, p. 566].

Проблема насилия в близких отношениях проявляется не только в наиболее трагических случаях, но и повседневном насилии, с которым партнеры могут сталкиваться с разной периодичностью на протяжении длительного периода времени. Особо стоит выделить психологическое насилие как отдельный его вид, связанный с грубостью, оскорблениями, унижительными формами общения, запугиванием и контролем, который может оставаться скрытым от общества или представляться допустимым, естественным [Фурманов, 2005, с. 36; Hoffman, 1984, p. 38].

Анализ работ, посвященных гендерной проблематике предикторов возникновения насилия в диадах, позволяет выделить такие важные аспекты как особенности ценностей и мировоззрения авторов насилия [Силина, Крюкова, 2021, с.23]: взаимосвязь характера насилия и гендерных особенностей мужчин и женщин [Борисова, Бирякина, 2016, с.196]; опыт жестокого отношения отца по отношению к матери в родительской семье [Трофимова, 2002, с.156] и др.

Наше внимание направлено на изучение гендерных установок партнеров в близких отношениях как одного из возможных предикторов насилия между партнерами. Одной из форм установок по отношению к своему и другому полу является сексизм, проявляющийся в системе гендерных стереотипов, устойчивого предвзятого отношения, дискриминации личности по признаку ее половой принадлежности [Силина, Крюкова, 2021, с.18; Агадулина, 2018, с.447]. Сексистские установки могут быть как враждебные, так и доброжелательные. Враждебный сексизм проявляется в негативной оценке женщин, нарушающих традиционные гендерные роли и ожидания. Доброжелательный сексизм, напротив, связан с позитивной оценкой партнера, чье поведение соответствует гендерным стереотипам [Glick, Fiske, 1996, p. 496].

Сексистские установки как в отношении женщины, так и мужчины могут приводить к появлению и накоплению недоволь-

ства, раздражения в адрес партнера, не соответствующего «правильной» гендерной роли, способствовать росту напряжения в диаде, провоцировать конфликты и агрессию.

Преыдущее исследование [Крюкова, Силина, Опекина, 2020, с.127] показало, что люди, обладающие выраженными сексистскими установками, более склонны к проявлению агрессии; а субъектам с высокими показателями агрессии (как мужчинам, так и женщинам) свойственны более высокие показатели враждебного и доброжелательного сексизма по отношению к женщинам. Мы решили проверить, какова взаимосвязь между показателями сексизма и проявлениями реального насилия в отношениях с партнером?

Гипотеза: сексистские установки в близких отношениях по-разному взаимосвязаны с насилием в близких отношениях партнеров: враждебный сексизм более связан с физическим насилием по отношению к другому партнеру, доброжелательный сексизм – с психологическим насилием.

Методы. Шкала амбивалентного сексизма по отношению к женщинам (Ambivalent Sexism Scale) П. Глика и С. Фиск; адаптация Е. Р. Агадуллиной, 2018; опросник «Враждебные и доброжелательные аттитюды к мужчинам» (Ambivalence towards Men Inventory) П. Глика и С. Фиск; адаптация В.С. Кривощекова, О.А. Гулевич, А.С. Любкиной, 2018; интервью, направленное на выявление признаков дисфункциональности близких отношений, в том числе насилия (проводилось отдельно для каждого партнера). Для статистической обработки данных применена дескриптивная статистика, сравнительный анализ (U-критерий Манна-Уитни), корреляционный анализ.

Выборка. В исследовании приняли добровольное участие 84 респондента или 42 пары (42 мужчины в возрасте от 18 до 38 лет ($M=24$ года; $SD=4,94$) и 42 женщины в возрасте от 18 до 38 лет ($M=22$ года; $SD=5,16$), состоящие в близких отношениях от 1 года до 15 лет; средняя длительность отношений – 4 года.

Результаты. Анализируя ответы респондентов о том, как часто им приходится сталкиваться с физическим и психоло-

гическим насилием в отношениях, нами не было выявлено значимых различий в данных показателях у мужчин и женщин. Мы связываем это с тем, что в нашем исследовании не приняли участие пары, насилие в которых имеют прямую связь с гендером. Напротив, данные интервью показали, что в парах, в которых присутствует насилие, оно является «взаимным». Физическое насилие выражается в драках, толчках, пинках и др. обоим партнерам; психологическое – в словесных оскорблениях, унижающих репликах, угрозах, критике, высмеивании в адрес друг друга; и чаще всего проявляется в конфликтных и стрессовых ситуациях. Этот результат подтверждается и статистически: имеется прямая связь между частотой переживания физического ($R=0,343$, $p\leq 0,027$) и психологического насилия ($R=0,422$, $p\leq 0,005$) у мужчин и женщин в диаде.

В целом же, анализируя частоту психологического насилия в нашей выборке, было выявлено, что в 1,6% диад оно происходит ежедневно, 4,8% - часто, 12% - периодически, 17,6% - редко и только у 64% пар. Физическое насилие в нашей выборке отмечаются у меньшего количества пар: 88,5 % партнеров не сталкивается с ним никогда; 7,2% - редко; 2,4%, - периодически и 1,6% - часто. К сожалению, полученные результаты сложно сравнивать подобными данными, поскольку зачастую в официальную статистику домашнего насилия попадают случаи, зафиксированные как преступления.

Далее мы проанализировали показатели гендерных установок, свойственных мужчинам и женщинам в близких отношениях в нашей выборке. Можно отметить, что наши респонденты имеют менее выраженные гендерные установки по отношению к женщинам по сравнению с нормами методики (для враждебного сексизма: $M=1,21$ и $M=2,29$ соответственно; для доброжелательного: $M=1,36$ и $M=2,07$); а также выраженное несколько выше доброжелательное отношение к мужчинам ($M=2,99$ и $M=2,35$). Сравнительный анализ гендерных установок у мужчин и женщин в диадах показал, что мужчины имеют более высокие показатели враждебного сексизма по отношению к женщинам, чем сами женщины ($U=554$, $p\leq 0,005$).

У женщин гендерные установки оказались не связаны ни с одним видом насилия в адрес партнера. У мужчин применение физического насилия оказалось прямо связано с такой установкой, как *враждебный патернализм* ($R=-0,312$, $p\leq 0,047$). То есть чем больше мужчинам свойственно убеждение о стремлении мужчин получать власть любой ценой и доминировать над женщинами, тем больше они склонны к применению физического насилия в адрес своей партнерши. Связей с другими враждебными гендерными установками у мужчин и применением ими психологического и физического насилия по отношению к своим партнершам обнаружено не было. Вероятно, это связано с тем, что насилие в близких отношениях обусловлено в первую очередь иными факторами, связанными как с индивидуальными особенностями партнеров, так и качественными характеристиками самих отношений, которые будут изучены нами далее. Данное предположение, несомненно, требует проверки при расширении выборки.

Однако, мы получили данные о том, что враждебный сексизм партнеров-мужчин отрицательно влияет на такие качественные характеристики отношений, как: их отзывчивость и эмпатию в адрес партнерши ($R=-0,325$, $p\leq 0,037$); возможности партнерши для роста и развития в данных отношениях ($R=-0,446$, $p\leq 0,003$); согласие партнеров в мнении по ключевым вопросам, касающимся брака, детей, финансов и т.д. ($R=-0,513$, $p\leq 0$); переживание обоими партнерами одиночества в отношениях ($R=-0,357$, $p\leq 0,021$).

Таким образом, заявленная нами гипотеза подтвердилась лишь частично. Враждебный сексизм у мужчин имеет больше связей с признаками снижения функциональности близких отношений, нежели с насилием.

Библиографический список:

1) Агадуллина Е. Р. Сексизм по отношению к женщинам: адаптация шкалы амбивалентного сексизма (П. Глика и С. Фиск) на русский язык // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 3. С. 447–463.

- 2) Борисова И.В., Бирякина В.И. Гендерные особенности агрессивности юношей и девушек // КПЖ. 2016. №1 (114). С.192-198.
- 3) Кривошеков В. С., Гулевич О. А., Любкина А. С. Враждебные и доброжелательные аттитюды к мужчинам: адаптация шкалы амбивалентности к мужчинам на русский язык // Психология. Журнал Высшей школы экономики». 2018. Т. 15, № 3. С. 427-446.
- 4) Крюкова Т.Л., Екимчик О.А., Опекина Т.П. Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2019. 340 с.
- 5) Крюкова Т.Л., Опекина Т.П., Силина Е.А. Гендерное неравенство: как связан сексизм с агрессией у молодых мужчин и / Психосоциальная адаптация в трансформирующемся обществе: субъектсубъектная коммуникация как фактор социализации индивида [Электронный ресурс] : материалы V Междунар. науч. конф., Минск, 23–24 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т. – Минск : БГУ, 2020. С.123-128
- 6) Силина Е.А., Крюкова Т.Л. Семья в ситуации стресса самоизоляции: взаимосвязь гендерных установок и копинг-стратегий // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2021. №1. С. 18-24
- 7) Трофимова И.М. Социально-психологические факторы жестокого обращения с женщинами в семье: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. Санкт-Петербург, 2002. 188 с.
- 8) Фурманов И.А. Взаимосвязь психологического насилия и эмоционального состояния супругов в семье «Белорусский психологический журнал». 2005. № 1(5). С. 33–40.
- 9) Hoffman P. Psychological abuse of women by spouses and live-in lovers // Women and Therapy. 1984. № 3. P. 37–49.
- 10) Glick P., Fiske S. T. The Ambivalent Sexism Inventory: Differentiating hostile and benevolent sexism // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 70, no. 3. P. 491– 512.
- 11) Russell B. L., Trigg K. Y. Tolerance of sexual harassment: An examination of gender differences, ambivalent sexism, social dominance, and gender roles. Sex Roles. 2004. 50(7-8), 565-573.

Пакина А.Н.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ У СУПРУГОВ В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕ

Аннотация. Статья посвящена описанию синдрома эмоционального выгорания и обоснованию необходимости его изучения. Автором предоставлены результаты исследования по теме с опорой на адаптированную методику В.В. Бойко «Диагностика уровня эмоционального выгорания». Полученные данные проанализированы и интерпритированы с учетом различий в показателях эмоционального выгорания у мужчин и женщин.

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания, истощение, психофизическое расстройство, супружество, семья.

Pakina A.N.

EMOTIONAL BURNOUT AND FEATURES OF ITS MANIFESTATION IN SPOUSES IN A MODERN FAMILY

Annotation. The article is devoted to the description of the burnout syndrome and the justification of the need to study it. The author provides the results of a study on the topic based on the adapted methodology of V.V. Boyko "Diagnostics of the level of emotional burnout". The data obtained were analyzed and interpreted taking into account the differences in the indicators of emotional burnout in men and women.

Keywords: burnout syndrome, exhaustion, psychophysical disorder, marriage, family.

В мае 2019 года в Международную классификацию болезней (МКБ-11) был включен синдром эмоционального выгорания

как «немедицинское состояние» и отнесен к классу «факторов, влияющих на состояние здоровья населения и обращения в учреждения здравоохранения» Казалось бы, «немедицинское состояние» едва ли может рассматриваться всерьез, когда речь идет о жизни и здоровье. Традиционно было принято считать, что это состояние характерно для профессионалов, чья деятельность является настолько эмоционально насыщенной, что со временем они оказываются абсолютно истощенными в отношении своей работы. Однако современные исследования показывают, что синдром эмоционального выгорания – явление гораздо более серьезное, чем кажется на первый взгляд: его последствия выходят далеко за пределы профессиональной сферы и находят свое отражение в физических проявлениях, напрямую связанных с состоянием здоровья.

Группа ученых из Каролинского университета (Швеция) во главе с А. Голкар провели исследование, в ходе которого было обнаружено, что в сравнении с контрольной группой у испытуемых наблюдаются видимые изменения в работе мозга, а именно – были обнаружены нарушения связей между миндалевидной железой и участками мозга, связанными с эмоциональным расстройством. И. Савик выяснила, что различия в работе мозга между испытуемыми с эмоциональным выгоранием и контрольной – «здоровой» - группой касаются не только функциональных особенностей, но и структурных изменений. Так, хронический стресс находит свое отражение сразу в нескольких отделах головного мозга, что видно на МРТ – в миндалевидной железе, передней поясной коре, медиальной префронтальной коре. Эти изменения в итоге проявляются в снижении когнитивных способностей, ухудшении памяти, снижении концентрации внимания.

Не только когнитивная сфера оказывается под угрозой при формировании синдрома эмоционального выгорания. Б. Устерхольт обнаружил взаимосвязь между эмоциональным выгоранием и механизмом выработки «гормона стресса» - кортизола. В период стресса организм вырабатывает повышенное количество кортизола. Такая концентрация гормона в течение длительного времени заставляет организм сократить его выработку, что в

итоге приводит к гипокортицизму – состоянию, влекущему за собой множество проблем со здоровьем, в том числе – накоплению бляшек в коронарных артериях. Исследование Ш. Токер показывает, что выгорание влечет за собой риск развития ишемической болезни сердца.

Традиционно, говоря об эмоциональном выгорании, имеется в виду состояние, характерное для профессиональной сферы. Так, один из принятых терминов для этого синдрома – профессиональное выгорание, является широко употребляемым в отечественной литературе. Однако термин «эмоциональное выгорание» может рассматриваться в контексте семейной жизни, так как современная модель семьи претерпела значительные изменения за последние годы, и темп этих изменений только растет.

Несмотря на обширные исследования феномена эмоционального выгорания отечественными и зарубежными учеными, вопрос о синдроме эмоционального выгорания в семье остается до конца не изученным. Для того, чтобы разработать рекомендации по предотвращению возникновения синдрома эмоционального выгорания, необходимо изучить это явление более углубленно. Именно поэтому первым этапом исследования проблемы стало выявление уровня эмоционального выгорания в семье. С этой целью был использован опросник эмоционального выгорания В.В. Бойко. Так как методика В.В.Бойко позволяет выявить уровень эмоционального выгорания только относительно трудовой деятельности, была использована модификация данного опросника, обработка результатов которого позволяет сделать вывод именно об эмоциональном выгорании в контексте семейной жизни.

Обратимся к характеристике выборки исследования. В исследовании приняло участие представители пятидесяти семей, 100 участников из которых 50 – мужчины, 50 – женщины. В исследовании приняли участие лица в возрасте от 25 до 40 лет со стажем брака от 3 до 15 лет.

Выполним описание результатов исследования особенностей эмоционального выгорания у участников исследования. Результаты диагностики с применением методики В.В. Бойко представлены в таблице 1.

Таблица 1.
Результаты диагностики эмоционального выгорания

	Мужчины		Женщины	
	М	SD	М	SD
Переживание психотравмирующих обстоятельств	9,36	2,67	11,28	3,26
Неудовлетворенность собой	10,56	2,05	10,04	2,30
«Загнанность в клетку»	10,88	2,89	12,82	2,63
Тревога и депрессия	9,30	3,14	10,40	3,55
Неадекватность избирательного эмоционального реагирования	9,44	2,68	7,80	2,64
Эмоционально-нравственная дезориентация	10,36	2,18	10,12	2,26
Расширение сферы экономики эмоций	10,98	2,89	10,58	3,22
Редукция профессиональных обязанностей	9,66	2,56	10,80	2,33
Эмоциональный дефицит	10,08	1,45	10,02	1,48
Эмоциональная отстраненность	12,10	2,38	10,76	3,00
Личностная отстраненность	11,52	2,87	11,48	2,92
Психосоматические и психовегетативные нарушения	7,72	3,09	9,66	1,80
Напряжение	40,10	5,49	44,54	6,78
Резистенция	40,44	4,97	39,30	5,26
Истощение	41,42	5,60	41,92	5,28

Результаты исследования позволяют говорить о наличии достаточно выраженных различий в показателях эмоционального выгорания у мужчин и женщин, которые принимали участие в исследовании. Было установлено, что для участников женского пола характерным является более высокий уровень переживания психотравмирующих обстоятельств (11,28) по сравнению с участниками мужского пола (9,36). Также можно говорить о том, что женщины испытывают чувство «Загнанности в клетку» в большей степени (12,82), чем мужчины (10,88). Показатели неудовлетворённости собой, тревоги и депрессии в целом соотносимы с показателями умеренного уровня.

Профиль средних значений симптомов эмоционального выгорания, относящихся к фазе «Напряжение» представлен на рисунке 1.

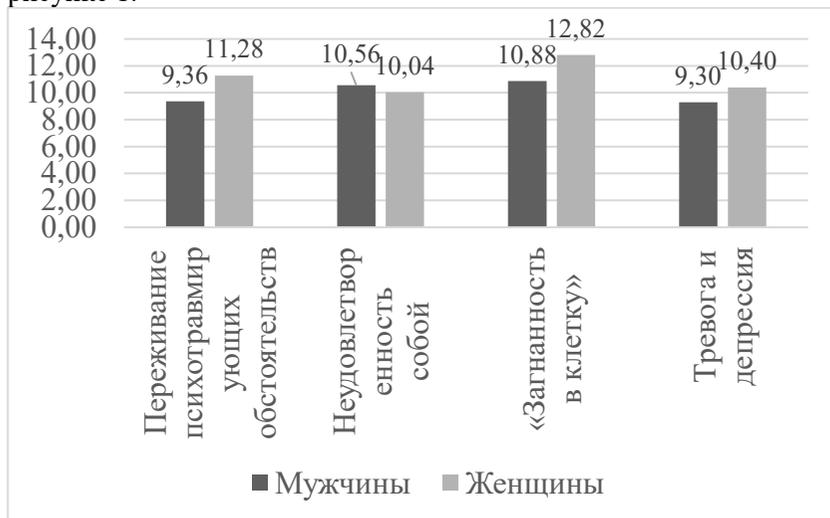

Рис.1. Профиль средних значений показателей сформированности симптомов эмоционального выгорания, относящихся к фазе «Напряжение»

Можно констатировать также преимущественно средний уровень симптомов выгорания, составляющих фазу «Резистенция». Можно отметить то обстоятельство, что мужчины характе-

ризуются несколько более высоким уровнем неадекватности избирательного эмоционального реагирования (9,44) по сравнению с женщинами (7,80). В свою очередь, для женщин характерным является несколько более высокий уровень редукции профессиональных обязанностей (10,80) по сравнению с участниками мужского пола (9,66).

Профиль средних значения представлен на рисунке 2.

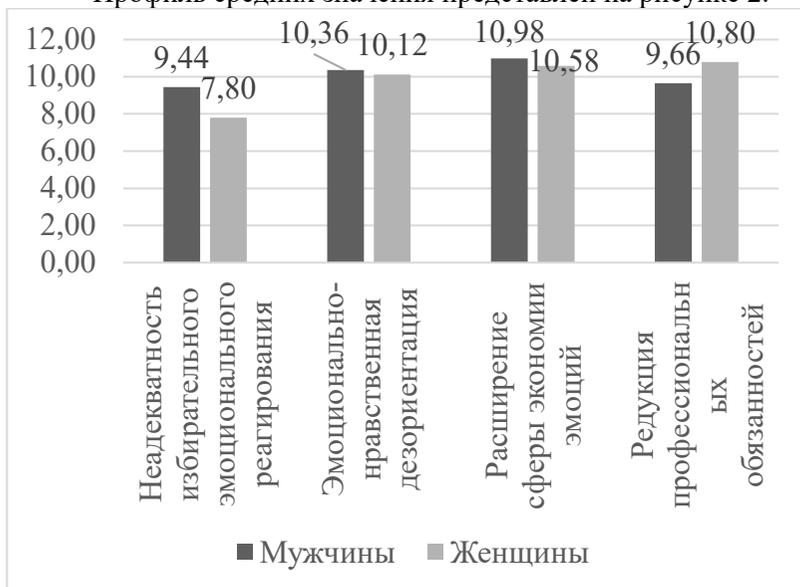

Рис. 2. Профиль средних значений показателей сформированности симптомов эмоционального выгорания, относящихся к фазе «Резистенция»

Установлено, что для участников мужского пола характерным является более высокий уровень эмоциональной отстраненности (12,10) по сравнению с женщинами (10,76). Также можно говорить о том, что женщины характеризуются в целом более высоким уровнем проявления психосоматических и психовегетативных нарушений (9,66) по сравнению с участниками мужского пола (7,72). Также можно говорить о сходных значе-

ниях эмоциональной отстраненности и личностной отстраненности в двух группах, соотносимых с показателями, относящимися к умеренному уровню.

На рисунке 3 представлен профиль средних значений показателей сформированности симптомов выгорания, которые относятся к фазе выгорания «Истощение».

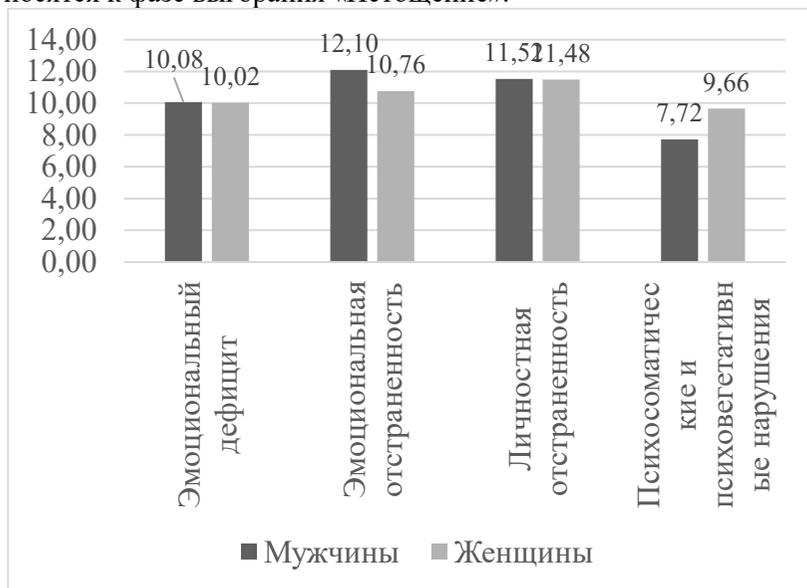

Рис. 3. Профиль средних значений показателей сформированности симптомов эмоционального выгорания, относящихся к фазе «Истощение»

Также была выполнена оценка интегральных показателей сформированности отдельных фаз выгорания у участников мужского и женского пола. Определено, что фаза «напряжение» может считаться находящейся в формировании у 72% участников мужского пола, а также у 86% участников женского пола. Низкий уровень выраженности данной тенденции диагностируется у 28% участников мужского пола, а также у 14% участников исследования женского пола.

В целом, проведенное исследование позволяет говорить о том, что для большинства участников исследования характерным является умеренный уровень проявления напряжения, что позволяет говорить о том, что данная фаза находится в процессе формирования, но еще не оказывает существенного влияния на жизнедеятельность человека и его продуктивность в целом.

Рис. 4. Распределение числа участников исследования с различными уровнями сформированности фазы выгорания «Напряжение»

Показатели по шкале «Резистенция» на низком уровне диагностируются у 18% мужчин, а также у 22% женщин, принимавших участие в исследовании. Можно говорить о том, что эти участники не имеют проявления симптомов выгорания, относящихся к фазе «Резистенция», тогда как данная фаза не имеет явной выраженности.

Наличие тенденций к проявлению напряжения диагностируется у 82% мужчин и у 78% женщин, которые принимали участие в исследовании. Симптомы выгорания достаточно явно проявляются у участников, при этом нося ситуативный характер и проявляясь в ситуациях повышенного стресса или напряжения.

Распределение числа участников исследования представлено на рисунке 5.

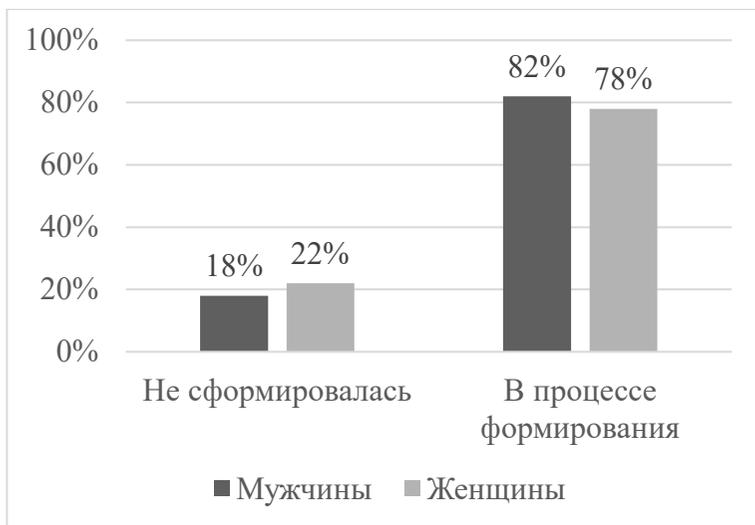

Рис. 5. Распределение числа участников исследования с различными уровнями сформированности фазы выгорания «Резистенция»

Фаза «истощение» не сформирована у 14% мужчин и у 10% женщин. Наличествует тенденция к формированию данной фазы выгорания у 86% участников мужского пола, а также у 90% участников женского пола. Можно говорить о том, что участники исследования с наличием тенденции к формированию истощения склонны к проявлению в отдельных ситуациях эмоционального дефицита, эмоциональной отстраненности, личностной отстраненности и проявления психосоматических и психовегетативных нарушений.

На рисунке 6 отражено распределение числа участников исследования мужского и женского пола (в % к общему количеству участников), имеющих различные уровни сформированности фазы «Истощение».

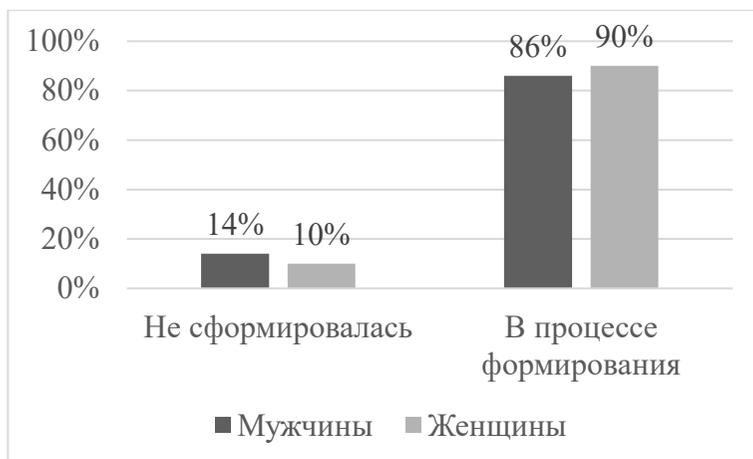

Рис. 6. Распределение числа участников исследования с различными уровнями сформированности фазы выгорания «Истощение»

Таким образом, можно говорить о наличии определенного рода различий в проявлении отдельных симптомов эмоционального выгорания, а также сформированности фаз выгорания в двух группах.

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что эмоциональное выгорание в семье или тенденция к его возникновению действительно наблюдается у множества супружеских пар. Наличие симптомов эмоционального выгорания, а также описание особенностей проявления этого синдрома у мужчин и женщин требует внимания со стороны психологов. Данные, полученные в ходе исследования очень ценны, так как подтверждают необходимость изучения темы и разработки рекомендаций по предотвращению возникновения данного синдрома. Институт семьи играет важнейшую роль в жизни индивида и общества в целом. Именно поэтому угроза нормального функционирования этой системы является обосновано серьезной.

Библиографический список:

1. Бойко В.В. Синдром "эмоционального выгорания" в профессиональном общении: монография. Санкт-Петербург : Питер, 1999. 105 с.
2. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. Санкт-Петербург : Питер. 2009. 223 с.
3. Ефимова И. Л. Возможности исследования родительского «выгорания» // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». 2013. № 4. 31–40 с.
4. Куренкова Ю. В., Ледовская Т. В. Особенности психологического благополучия у мужчин, находящихся в брачно-семейных отношениях разных форм // Социальное и профессиональное становление личности в эпоху больших вызовов: Междисциплинарный дискурс : сборник статей всероссийской конференции с международным участием, Ярославль, 03–04 декабря 2020 года. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2021. С. 168-172.
5. Куренкова Ю. В., Ледовская Т. В. Особенности психологического благополучия у женщин, находящихся в брачно-семейных отношениях разных форм // Педагогика и психология современного образования: теория и практика : Материалы научно-практической конференции, Ярославль, 03–04 марта 2021 года / Под научной редакцией И.Ю. Тархановой. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2021. С. 196-199.
6. Международная классификация болезней: «профессиональный синдром» эмоционального выгорания/ Глобальный веб-сайт «Всемирная организации здравоохранения. URL: https://www.who.int/mental_health/evidence/burn-out/ru/ (дата обращения 23.01.2022)
7. Орел В.Е. Синдром выгорания в современной психологии: состояние, проблемы, перспективы // Современные проблемы исследования синдрома выгорания у специалистов коммуникативных профессий / под ред. В.В. Лукьянова, Н.Е. Водопьяновой, В.Е. Орла, С.А. Подсадного, Л.Н. Юрьевой, С.А. Игунова. Курск, 2008. 55–81с.

Панова О.Б.

ОСОБЕННОСТИ АКСИОСФЕРЫ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. В статье обосновывается важность обращения к семейным ценностям в ходе ресоциализации несовершеннолетних осужденных. Констатируется, что социализирующее влияние семьи на ребенка определяется особенностями уклада семьи и ценностной системой ребенка. Дается характеристика понятия «аксиосфера семейных ценностей». Раскрываются особенности семей, в которых воспитанники проживали до осуждения. Подчеркивается преобладание неблагополучных семей. Описывается опрос, позволивший выявить и сравнить семейные ценности несовершеннолетних осужденных и их несудимых сверстников. Анализируются причины преобладания в аксиосфере осужденных материальных значений. Формулируется вывод, указывающий на возможность принятия несовершеннолетними семьи в качестве ценности даже при отсутствии у них соответствующего позитивного семейного опыта. Акцентируется важность обогащения аксиосферы несовершеннолетних семейными ценностями.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные, личность, семейные ценности, аксиосфера.

Panova O.B.

FEATURES OF THE AXIOSPHERE OF FAMILY VALUES OF JUVENILE CONVICTS

Annotation. The article substantiates the importance of addressing family values during the re-socialization of juvenile convicts.

It is stated that the influence of the family is determined by the peculiarities of the family and the value system of the child. The survey is described, which made it possible to determine the family values of convicts. The conclusion is formulated indicating the possibility of minors accepting the family as a value.

Keywords: juvenile convicts, personality, family values, axiosphere.

Преступность несовершеннолетних остается значимой психолого-педагогической проблемой, несмотря на сокращение ее показателей в последние годы. Происходит существенное снижение численности несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях (далее – ВК). Подавляющее большинство воспитанников исправительных учреждений отбывают наказание, связанное с лишением свободы, впервые, не имеют глубокой криминальной зараженности, и это дает возможность выдвигать оптимистические прогнозы относительно их позитивной переориентации при создании необходимых условий для ресоциализации в ВК.

Следует отметить, что эффективность ресоциализации несовершеннолетних осужденных в ВК во многом обусловлена тем, в какой мере сотрудники пенитенциарного учреждения опираются на потенциал семьи и семейных ценностей. Семья традиционно рассматривается как основной институт социализации, поскольку именно в ней начинается процесс формирования личности человека с самого начала его жизненного пути. Семья – это особого вида социальная общность, которой отводится ключевая роль в воспитании подрастающего поколения. Для ребенка семья является ориентиром, определяющим успешность его вхождения в социальную среду и функционирования в ней. В каждом конкретном случае интенсивность и направленность социализирующего влияния семьи имеет свою специфику и определяется, с одной стороны – особенностями семьи и ее уклада, с другой – семейной аксиосферой самого ребенка.

Традиционный семейный уклад включает в себя следующие компоненты: обычаи (установившиеся, привычные формы

поведения), традиции (переходящий из поколения в поколение способ передачи ценностно значимого содержания культуры, жизни семьи), отношения (сердечные чувствования и настроения), правила (образ мыслей, нормы поведения, обыкновения, привычки) жизни, распорядок (установленный порядок в течение дел) дня, недели, года [Акутина, 2009, с. 51-52].

Для того, чтобы семейный уклад реально влиял на ребенка, необходимо, как минимум, чтобы ребенок в той или иной мере идентифицировал себя со своей семьей. Что касается исследуемых нами 120 несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в трех ВК (Брянской ВК, Колпинской ВК, Архангельской ВК), в полной семье к моменту лишения свободы проживали 31,9% из общего числа воспитанников, в неполной – 48,9%. Доля лиц, лишенных родительского попечения, составляла 19,2%. В ситуациях поиска путей выживания, как отмечают сами осужденные, тяжелое материальное положение нередко толкало многих из них на противоправные действия. Нами было установлено, что на иждивении родителей и государства до осуждения находились не более 53% из общего числа исследуемых воспитанников; обеспечивали себя самостоятельно – 47%, жили на средства, добытые криминальным способом – 28% несовершеннолетних. У половины воспитанников исправительных учреждений один или несколько близких родственников отбывали наказание, связанное с лишением свободы на момент исследования или ранее. Все это указывает на то, что для многих несовершеннолетних осужденных роль семьи не ощущалась, и у них не было сформировано адекватное представление о семейном укладе как таковом, а в ряде случаев специфический семейный уклад провоцировал их на совершение противоправных деяний.

Под семейной аксиосферой понимается принятие индивидом семейных ценностей, необходимых для самоутверждения личности, формирующей смысловой фундамент коммуникативного поведения. Семейные ценности – это культивируемая в обществе совокупность представлений о семье, влияющая на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и вза-

имодействия. В результате усвоения индивидом семейных ценностей конкретной культуры формируются его ценностные ориентации [Орлова, 2019 с. 147].

Существуют разные классификации семейных ценностей. Назовем те из них, которые представляют особую значимость для настоящего исследования. С точки зрения А.Г. Харчева, в перечень ценностей семьи входят категории «честь и достоинство личности, несовместимые с наглостью, пошлостью, цинизмом, стяжательством, эгоизмом; дом как символ семейной близости; воспитание детей» [Харчев, 1979, с. 82]. В.М. Розин относит к ценностям семьи любовь, уважение к личности, поиск компромисса [Розин, 1990, с.28] И.В. Карпенкова к семейным ценностям относит любовь как форму реализации своих духовных потребностей; заботу о близких; возможность быть объектом заботы, поддержки; заботу о детях; продолжение рода; здоровье; интересное совместное времяпрепровождение; сексуальную удовлетворенность; совместное ведение хозяйства как вариант комфорта, обустройство жилища; отдых физический, психологический; финансовую поддержку [Карпенкова, 2009, с. 46].

Можно констатировать, что не всегда между двумя явлениями – укладом семьи, в которой воспитывается ребенок, и его семейной аксиосферой существует линейная зависимость. Известны случаи, когда ребенок, проживающий в благополучной семье, не признает семейные ценности, пренебрегает интересами родителей, не проявляет уважение к ним, совершает безнравственные поступки и даже преступления. Наблюдается и обратное – из детей преступников вырастают порядочные люди, которые во взрослом возрасте создают полноценные семьи. Независимо от того, в какой семье воспитывается ребенок, общество заинтересовано в том, чтобы он формировался в русле принятия традиционных семейных ценностей и был ориентирован на создание в перспективе своей собственной полноценной семьи.

Проводя специальное исследование, направленное на изучение семейной аксиосферы несовершеннолетних осужденных в ВК, мы установили особенность, указывающую на то, что дети, выходцы из неблагополучных семей, нередко проявляют полное

безразличие к семье, в которой они росли, не считаются с ней, но в то же время, описывают модель воображаемой семьи, видя в ней некое идеальное образование, членом которого им хотелось бы быть. Так, в ходе анкетирования, в котором участвовали 120 воспитанников исправительных учреждений, на вопрос: «Какие последствия от совершенного преступления Вы считаете наиболее вредоносными?», – лишь 14 человек (11,6%) связали неблагоприятные последствия со страданиями членов своей семьи. В ответах таких респондентов назывались следующие неблагоприятные обстоятельства: «переживания моих родителей», «слезы мамы», «инфаркт у бабушки» и т.п. Подавляющее большинство испытуемых – 106 человек (88,4%) – негативные последствия от совершенных преступлений не соотнесли с возникшими по их причине семейными проблемами. В их ответах преобладали эгоцентричные суждения, например, «Меня посадили, и здесь меня все жутко достает», «В ВК тоска и еще раз тоска», «Нет возможности общаться с друзьями», «Девушка меня бросила» и т.п.

На уточняющий вопрос «Считаете ли Вы свою семью пострадавшей от совершенного Вами преступления? Объясните свое мнение», – ответ «нет» дали 75 человек (62,5%). Аргументами при этом были утверждения: «Я родился в тюрьме. У нас все в семье сидели, кроме младшего брата», «Из наших знакомых половина в тюрьме сидит», «Моя мать даже рада, что меня посадили», «Моим родственникам все равно, где я» и т.п. Ответ «Не знаю» дали 20 воспитанников, что составило 16,6%; приведем примеры соответствующих такому ответу типичных рассуждений «Не думал об этом», «Отец говорит, что все будет хорошо», «Не знаю и знать не хочу» и т.п.

В суждениях респондентов, считающих, что от совершенных ими преступлений пострадали их родственники (25 воспитанников или 20,9%) содержались разъяснения: «С моей сестрой перестала общаться ее подруга, наверное, ей родители запретили», «Матери стыдно смотреть людям в глаза, ей кажется, что все считают ее тоже преступницей», «Отцу пришлось менять работу». Подобные суждения отражают понимание участниками опроса того, что являются причиной реальных проблем для своих

семей: их родители, братья, сестры и другие родственники, испытывают проблемы со здоровьем, душевные страдания, ощущают на себе неприязнь со стороны общества, поскольку в глазах окружающих нередко отождествляются с преступным сообществом.

В ходе исследования выяснялось, воспринимаются ли воспитанниками ВК базовые семейные ценности и какие именно. Ответы несовершеннолетних осужденных сравнивались с ответами их несудимых сверстников – обучающихся лица. За ориентиры были взяты семейные ценности, определенные в качестве ключевых в представлениях молодежи, а именно: жизнь в семье, доброта, взаимопомощь, забота, понимание, доверие, материальное благополучие [Рожкова, 2019, с. 164-168]. Мы исходили из того, что воспитанники могут выбрать те или иные ценности из предложенного перечня не только потому, что имеют соответствующий позитивный опыт, а в связи с тем, что хотели бы следовать им в своей семье. Иными словами, выбранные воспитанниками ключевые семейные ценности мы рассматривали как отражение их устремленности к той семье, в которой им хотелось бы жить. Результаты опроса приведены в таблице 1 «Семейные ценности воспитанников ВК».

Из таблицы видно, что ценность семьи как фактора полноценного развития человека принимается большинством респондентов, как среди осужденных, так и студентов лица. Очевидно и то, что для несудимых молодых людей в большей мере, чем для осужденных, имеют значение духовные ценности – добрые отношения, взаимопомощь, взаимная забота, понимание, доверие, совместный отдых и празднование семейных праздников. Для осужденных чаще значимыми ценностями выступают материальный достаток и материальная поддержка. Если среди несудимых респондентов лишь 3,3% затруднились в предпочтениях семейных ценностей, то среди осужденных удельный вес таких лиц был существенно выше. На основании данного исследования можно сформулировать следующие выводы.

Таблица 1.

Семейные ценности воспитанников ВК (в %)

Какие семейные ценности Вы хотели бы утвердить в своей семье? Можете выбрать несколько вариантов ценностей.	Несовершеннолетние осужденные (N=120)	Несудимые сверстники – обучающиеся лица (N=120)
Нужна ли семья для полноценного развития человека?	75%	86,6%
Материальный достаток и материальная поддержка	41,6%	22,5%
Добрые отношения	40%	83,3%
Взаимопомощь, взаимная забота	21,6%	34,1%
Понимание, доверие	37,5%	65%
Совместный отдых, семейные праздники	10 %	21,6 %
Затрудняюсь ответить	15%	3,3%
Другое	0	5 %

Несмотря на отсутствие достаточного позитивного опыта проживания в благополучных семьях, несовершеннолетние осужденные могут рассматривать семью в качестве жизненной ценности. Несовершеннолетние осужденные в меньшей степени по сравнению с несудимыми сверстниками заинтересованы в реализации духовных семейных ценностей. Материальные ценности занимают главенствующее положение в общей иерархии их семейных ценностей, что не типично для их несудимых сверстников.

Недостаточный социализирующий потенциал неблагополучных семей указывает на важность психолого-педагогической помощи членам семей осужденных со стороны государства и общества. Усилия государства и общества должны быть направлены на обогащении их семейной аксиосферы.

Библиографический список:

1. Акутина С. П. Семейный уклад в воспитании духовно-нравственных ценностей школьников // Ярославский педагогический вестник. № 2-2009 (59). С. 51-54.
2. Карпенкова И.В. Особенности ценностных ориентаций семьи с ребенком -инвалидом: социологический анализ: дис. ... канд. социол. Наук / Карпенкова Инна Вячеславовна. Москва, 2009. 188 с.
3. Орлова Е.М. Семейные ценности и ценности семьи: соотношение понятий //Современная семья: изменяющиеся смыслы и практики: сборник научных трудов. Курск: Курск. гос. ун-т, 2019. 257 с.
4. Рожкова Л.В. Семья и семейные ценности во взглядах российской молодежи //Современная семья: изменяющиеся смыслы и практики: сборник научных трудов. Курск: Курск. гос. ун-т. 2019. 257 с.
5. Розин В.М. Судьба молодой семьи: психологические размышления о современной любви и семье: ожидания и разочарования, идеалы и реальность. Москва: Московский рабочий, 1990. 109 с.
6. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. Москва: Мысль, 1979. 365 с.

УДК 159.9

Покровская С.Е., Коваль Ю.И.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ О СОВРЕМЕННОМ РОДИТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. В статье анализируются современные подходы к изучению феномена родительства в отечественной литературе. Представлены результаты авторского онлайн-опроса (10 вопросов), проведенного на студентах-психологах с целью изуче-

ния представлений о современном родительстве. В ходе исследования у опрошенных были выявлены: психологические характеристики с положительными тенденциями осознанного родительства и отношения к появлению детей.

Ключевые слова: студенческая молодежь, осознанное родительство, отношения к появлению детей.

Pokrovskaya S.E., Koval Yu.I.

REPRESENTATIONS OF STUDENT YOUTH ABOUT MODERN PARENTING

Annotation. The article analyzes modern approaches to the study of the phenomenon of parenthood in Russian literature. The results of the author's online survey (10 questions) conducted on psychology students in order to study ideas about modern parenthood are presented. In the course of the study, the respondents revealed: psychological characteristics with positive tendencies of conscious parenthood and attitudes towards the appearance of children.

Key words: student youth, conscious parenthood, attitudes towards having children.

В современном мире наблюдается тенденция к изменению модели родительства [Евдокимова, 2015]. Родительство – это исторически и социально важный комплекс установок и практик, связанных с планированием семьи, отношением к детям, самоотношением взрослых к себе, как к родителям. В связи с изменением и дополнением в Конституции Республики Беларусь особое внимание уделяется «партнерству государства и семьи в интересах будущих поколений». Это направление исследований в настоящее время активно разрабатывается в целом ряде отраслей гуманитарного и психологического знания. Понятие «родительство» объединяет вокруг себя исследователей разных научных областей: **философия** исследует ценность детей и семьи для общества; **социология** определяет родительство, как социологиче-

скую категорию, представляющую собой устойчивое эмоционально насыщенное взаимодействие реальных или потенциальных родителей, связанное с рождением и воспитанием детей и характеризующееся соответствующим поведением мужчины и женщины; **педагогика** основное внимание уделяет проблеме воспитания детей в семье; **психология** рассматривает родительство, как сложный социально-психологический феномен и т.д.

В психологии сложилось понимание феномена родительства, как динамического образования личности, проходящего долгий путь становления в рамках ведущей деятельности в каждом возрастном периоде [Евдокимова, 2015; Ланцбург, 2015]. Р. В. Овчарова акцентирует внимание на индивидуально-психологических (особенностях личности, ценностях, взглядах) и социальных (социокультурное развитие современного общества, социальный и жизненный опыт личности родителя, опыт родительской любви, приобретаемый человеком в процессе взаимодействия с собственными родителями) аспектах отцовства и материнства [Овчарова, 2006]. Ключевой категорией в исследовании феномена «родительство» с позиций психологической науки является «осознанное родительство» (Р.В. Овчарова, М.О. Ермихина, Е.Г. Смирнова). В качестве основных характеристик авторы выделяют: высокую степень осознания отцом и матерью семейных ценностей, установок, ожиданий, позиций, чувств, родительского отношения и ответственности; понимания себя, своих реакций, мотивов родительского поведения, ценностей; понимание своего супруга, его реакций и мотивов семейного поведения; осознание своего родительского единства.

Создание полноценных условий для развития ребенка выступает ведущей целью осознанного родительства. Однако функция родителя сопряжена и с необходимостью постоянного саморазвития, формирования новых способов деятельности, обновления своих представлений о ребенке (его возможных актуальных интересах, переживаниях и т. д.) по мере его роста.

Проблема современного родительства интересует студенческую молодежь. Мы считаем, что юношеский возраст является сензитивным периодом для подготовки к родительству, так как

происходит процесс становления самосознания, развития ценностных ориентаций,

Для изучения состояния представлений студенческой молодежи о современном родителстве был разработан онлайн-опрос (10 вопросов).

В онлайн-опросе принимали участие 54 студента Института психологии Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка в возрасте от 17 до 28 лет.

В первом вопросе изучался оптимальный возраст рождения ребенка.

Из результатов видно, что 55% опрошенных молодых людей, оптимальным возрастом для рождения ребенка является период от 26 до 30 лет. 28% студенческой молодежи считают оптимальным возраст от 20 до 25 лет. Для 17% будущих психологов оптимальным возрастом для рождения ребенка является от 31 до 35 лет.

Половина опрошенных считает, что оптимальным возрастом для рождения ребенка является период до 30 лет, однако не отмечено раннее родительство.

Второй вопрос был посвящен проблеме планируемого количества детей. Было предложено 4 варианта ответа: планируется один ребенок, планируется два ребенка, планируется 3 ребенка, планируется больше трех детей. Результаты представлены на рисунке 2.

На основе статистических данных большинство семей в Республике Беларусь имеют одного ребенка. Хотя политика государства направлена на социальную поддержку многодетных семей и поднятие демографического уровня в стране.

70% респондентов планируют родить и воспитать двоих детей; 19% опрошенных хотят 1 ребенка; 10% студентов планируют стать многодетными родителями; 1% планирует больше трех детей.

Можно отметить выявленную тенденцию у опрошенных студентов реализовать в будущем свое родительство в семье с двумя детьми.

В онлайн-опросе с 3 по 10 вопросы были смешанного типа и составлены таким образом, что можно было выбрать несколько вариантов ответа или дописать свой. На основе анализа ответов респондентов, можно выделить следующие качественные характеристики современного родительства:

3. Родители – это:

- Люди, которые дарят жизнь, заботятся на протяжении всей жизни о своих детях.
- Люди, способные брать на себя любую ответственность
- Люди, способные безусловно любить, поддерживать, понимать и направлять.

4. Современный родитель – это:

- Родитель принимающий ребёнка таким, какой есть, не следующий стереотипам общества.
- Родитель понимающий своего ребенка
- Зрелая, сформированная, сознательная личность
- Эрудированный, мобильный, активный, ответственный человек
- Друг и наставник для своего ребенка
- Родитель на «одной волне» со своим ребенком
- Активно участвующий в жизни своего ребенка
- Родитель, которому присущи все три роли: «контролирующий родитель», «заботливый родитель», «взрослый родитель».

5. Для компетенций родителя важно:

- Базовое знание детской и подростковой психологии
- Проработать свои травмы с психотерапевтом
- Правильное воспитание, правильные манеры и равнодушие к окружающему миру
- Собственное понимание и осознание ценностей жизни
- Принятие ответственности не только за себя, но и за другого человека

- Принятие и понимание ребенка

6. Я как родитель:

- Могу предложить своему ребёнку правильный путь развития его как личности.

- Изначально должна подготовиться к этому ответственному шагу.

- Обязана проработать свои проблемы с психотерапевтом.

- Должна помочь ребенку стать самостоятельным и счастливым.

- Должна быть готова нести ответственность за воспитание и физическое и ментальное здоровье ребенка.

- Обязан предоставить как финансовую, так и моральную помощь для развития ребенка в будущем.

- Буду много времени проводить с ребенком, не буду применять физическое насилие, уважать его мнение, показывать границы ребенка.

- Буду поддерживать все начинания своего ребенка.

7. Как родитель я не имею право:

- На унижения, деструктивную критику и оскорбления в адрес своего ребёнка.

- Применять физическое насилие по отношению к своему ребенку.

- Переносить ответственность за воспитание своего ребенка на других людей.

- Не реагировать на проблемы ребенка и обесценивать их.

- Решать, каким будет жизненный путь ребёнка.

- Попрекать ребенка его рождением.

8. Ребенок требует ...

- Безусловной любви и безграничного внимания

- Заботы, поддержки, безопасности.

- Времени и ресурсов.

- Денежных затрат.

9. Своего будущего ребенка я...

- Буду любить и уважать
- Поддерживать и понимать
- Воспитывать должным образом
- Не буду ограничивать в выборе
- Буду защищать от воздействия пагубных привычек

- Буду воспитывать толерантным
- Буду учить отстаивать свои права
- Воспитаю психически здоровым

10. Факт рождения ребенка ...

- Ответственность
- Счастье
- Необходимо проговаривать в паре
- Серьезный шаг в жизни каждого человека
- Новая жизнь
- Стресс

Таким образом, можно составить психологический портрет современного родителя в представлениях студенческой молодежи. Можно отметить достаточное количество положительных характеристик, которые позволяют сделать вывод, что студенты-психологи готовятся к осознанному родительству, иначе чем современные юноши и девушки. Возможно, накладывает отпечаток специальные знания в области психологии семьи и детско-родительских отношений.

Несколько десятилетий назад для успешного родительства было достаточно фрагментарных педагогических знаний. Современным родителям требуется качественная рефлексия своей воспитательной практики, что связано с воздействием большого числа неблагоприятных экономических, социальных, экологических, политических и других факторов, затрудняющих эффективное функционирование семьи.

Современное поколение родителей нуждается в углублении понимания личной воспитательной роли и смыслов осознанного родительства, поскольку в современной жизни они соприка-

саются с ранее не встречавшимися, неблагоприятными факторами экономического, социального, экологического и иного характера, преодоление которых требует усиления родительской грамотности.

Результаты проведенного исследования показывают, что у студенческой молодежи представления о современном родителстве отличаются от исследований, которые проводились по данной проблематике ранее.

Библиографический список:

1. Евдокимова Е. В. Формирование ценностного отношения к родителству у студентов ВУЗа. Пятигорск, 2015. 211с.
2. Ланцбург М. Е. Родителство в современном мире – новые тренды // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 5. № 2. С.62–66.
3. Овчарова Р. В. Родителство как психологический феномен. Москва, 2006. 496 с.

УДК 159.9

Прудникова А.В.

РОЛЬ СЕМЬИ В ФОРМИРОВАНИИ КОНФЛИКТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Аннотация. В статье представлен анализ значения семьи как фактора формирования конфликтной компетентности подростков. Сложный период подросткового возраста сопровождается многочисленными конфликтами как внутриличностными, так и межличностными. Семья как важный социальный институт может способствовать нивелированию негативных проявлений кризиса подросткового возраста, а также способствовать созданию условий для формирования конфликтной компетентности.

Ключевые слова. Кризис подросткового возраста, конфликтная компетентность, семья.

Prudnikova A.V.

THE ROLE OF THE FAMILY IN THE FORMATION OF CONFLICT COMPETENCE

Annotation. The article presents an analysis of the importance of the family as a factor in the formation of conflict competence in adolescents. The difficult period of adolescence is accompanied by numerous conflicts, both intrapersonal and interpersonal. The family as an important social institution can contribute to leveling the negative manifestations of the crisis of adolescence, as well as help create conditions for the formation of conflict competence.

Keywords. Adolescence crisis, conflict competence, family.

На современном этапе развития общества подчеркивается важность и необходимость исследования семейных проблем, поскольку семья признается как один из важнейших социальных институтов. Кроме того, семья оказывает огромное влияние на развитие личности детей, в связи с этим, особое внимание в исследовании семьи уделяется детско-родительским взаимоотношениям. В настоящее время публикуется множество работ по анализу и профилактике семейных конфликтов, вместе с тем, проблема формирования конфликтной компетентности в условиях семьи изучена в меньшей степени.

«Современная образовательная система характеризуется постоянно происходящими изменениями» [Ледовская, Солынин, 2019, С. 50]. В связи с этим, понятие компетентность активно внедрилось в образовательный процесс и на данный момент рассматриваются и изучаются способы формирования компетентности учащихся. Более того, компетентность стали рассматривать не только как образовательный результат, но и как определенное качество, необходимое в той или иной сфере, например, педагогическая компетентность, коммуникативная компетентность, профессиональная компетентность и т.д.

На наш взгляд, особую актуальность приобретает исследование конфликтной компетентности. Ранее мы писали, что

«конфликтная компетентность представляет собой интегральное личностное образование, главным образом определяющее готовность к эффективной деятельности, эффективному взаимодействию в ситуациях конфликта, направленную на поиск оптимальных способов решения возникающих противоречий» [Социальное и профессиональное становление личности..., 2021, С. 200]. Конфликты являются частью нашей жизни, эффективная коммуникация в конфликте возможна благодаря конфликтной компетентности участников конфликтного взаимодействия.

В подростковом возрасте вопрос формирования конфликтной компетентности стоит особенно остро, поскольку, как показывают многочисленные исследования, подростковый возраст считается одним из самых конфликтных возрастных периодов. Важным аспектом подросткового возраста является общение, это обусловлено, прежде всего, ведущим видом деятельности подросткового возраста – интимно-личностным общением. Необходимо отметить, что подростки выбирают следующие типы межличностных взаимоотношений: дружелюбный тип отношений и альтруистический тип отношений [Солынин, Шейнова, 2015]. Это говорит о том, что в большей степени, подростки ориентированы на сохранение благоприятных взаимоотношений в коллективе, стремятся к социальному одобрению, хотят быть принятыми, как хорошие. Несмотря на благоприятные стремления подростков, в силу отсутствия социального опыта, навыков грамотного и конструктивного взаимодействия, в силу физиологических изменений организма подростки все-таки в конфликте выбирают деструктивные способы поведения.

В трудных, конфликтных жизненных ситуациях подростки могут использовать такие деструктивные копинг-стратегии, как ««конфронтация», «дистанцирование», «бегство – избегание»» [Нижегородцева, Тарасова, 2017, С. 213]. Это объясняется тем, что выбор копинг-стратегий в сложных ситуациях зависит от уровня осознанной саморегуляции, способности в ситуации стресса мобилизоваться и регулировать свое поведение. Необходимость формирования уровня конфликтной компетент-

ности актуализируется, поскольку именно в конфликте необходимо не только умение регулировать свое поведение, но и важно умение быть эффективным в ситуации конфликта.

На наш взгляд, роль семьи в период подросткового возраста достаточно велика. Вхождение ребенка в период подросткового возраста совпадает с четвертым нормативным семейным кризисом - «кризисом ответственности» [Горбуля, 2020, С. 142]. Этот кризис тесно связан с независимостью подростка, отношением к этой независимости родителей. Перестройка типа родительского контроля, поведения, признание факта сепарации занимает достаточно длительный отрезок времени, что сказывается на качестве взаимоотношений между подростком и родителями. Рост конфликтов семье связан также с внутриличностным конфликтом самого подростка, стремлением оспаривать устоявшиеся семейные правила, ориентирование в большей степени на взаимодействие со сверстниками, стремлением к самостоятельности, отсутствием взаимопонимания и т.д. [Горбуля, 2020].

Для стабилизации конфликтных взаимоотношений и стремления избежать эскалации конфликта с одной стороны «родители должны учитывать сложность этого возраста для самого подростка, гормональную перестройку его организма, неустойчивость настроения, физического состояния и самочувствия, ранимость, неадекватность реакций» [Прохорова, 2020, С. 158], с другой стороны демонстрировать своим поведением возможные варианты использования конструктивных стратегий и форм поведения в сложных, конфликтных ситуациях. Несмотря на то, что в этот период в семье должен запустить процесс отделения подростка от семьи, а также стремлением подростка к протесту и перевороту устоявшихся семейных укладов, он все также испытывает необходимость в получении поддержки и понимания, получении социального опыта, в том числе, в разрешении конфликтов.

Кризис подросткового возраста имеет затяжной характер и в своем развитии проходит три стадии: негативная, кульминационная и посткритическая [Нижегородцева, 2010]. Исследования психологической структуры конфликтной компетентности

учащихся подросткового возраста показал, что структура конфликтной компетентности тесно связана со вступлением подростка в ту или иную стадию.

Кульминационная стадия подросткового возраста связана с максимальным проявлением всех отрицательных симптомокомплексов, как следствие подростки не сдержаны, грубы, агрессивны, выбирают деструктивные формы и стратегии поведения, используют деструктивные копинг-стратегии. В этой стадии структура конфликтной компетентности не организована, в большей степени отсутствуют взаимосвязи. Кульминационная стадия кризиса проявляется у учащихся 8-го класса. Психологическая структура конфликтной компетентности подростков, находящихся в кульминационной стадии кризиса, учащихся 8 класса представлена на рис. 1.

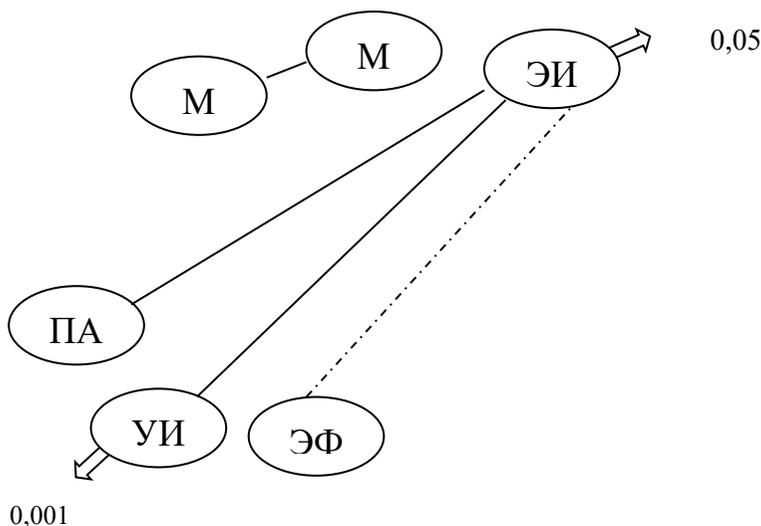

Рис. 1. Структурограмма психологической структуры конфликтной компетентности учащихся 8 класса

В этот период подростки наиболее конфликты, находясь в поиске новых способов взаимодействия, перестройки форм и стратегий поведения.

Посткритическая стадия характеризуется подготовкой к выходу из периода подросткового возраста, качественным развитием, получением новообразования, приобретением новых форм и способов взаимодействия, в том числе, в конфликте. Посткритическая стадия кризиса проявляется у учащихся 10-го класса. Психологическая структура конфликтной компетентности подростков, находящихся в посткритической стадии кризиса, учащихся 10 класса представлена на рис. 2.

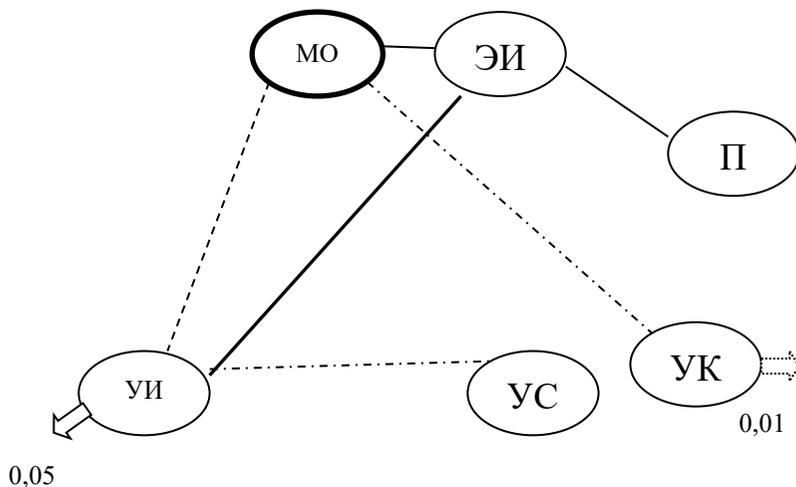

Рис. 2. Структурограмма психологической структуры конфликтной компетентности учащихся 10 класса

Как мы видим на рис.2 психологическая структура конфликтной компетентности учащихся подросткового возраста в кульминационной стадии разительно отличается от психологической структуры конфликтной компетентности подростков, находящихся в посткритической стадии. У подростков, которые уже находятся на заключительной стадии сложного периода больше

взаимосвязей в психологической структуре конфликтной компетентности, структура более организована. Подростки в этот период менее конфликты, уже более опытни и в связи с этим больше стремятся использовать конструктивные формы, способы и копинг-стратегии, в том числе, в конфликтном взаимодействии.

Таким образом, период подросткового возраста является тяжелым и трудным как для самого подростка, так и для его семьи. Родители также находятся в процессе перестройки устоявшимся нормам и правилам, отношением к подростку, взаимоотношений с подростком. Тем не менее, именно семья может играть ключевую роль в формировании конфликтной компетентности и нивелировать негативные последствия кульминационной стадии подросткового возраста, своим примером показывать конструктивные способы и формы поведения в сложных, конфликтных ситуациях.

Библиографический список:

1. Горбуля Е. В. Семейные кризисы : практическое пособие. Москва : Издательство Юрайт, 2020. 280 с.
2. Ледовская Т.В., Солянин Н.Э. Основные подходы к оценке результатов освоения студентами основных образовательных программ // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 1 (106). С. 49-55.
3. Нижегородцева Н.В. Актуальные проблемы конфликтологии образования // Конфликтология. 2010. № 3. С. 200-213.
4. Нижегородцева Н.В., Тарасова С.С. Совладающее поведение подростков с разным уровнем осознанной саморегуляции // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2. С. 211-215.
5. Прохорова О. Г. Основы психологии семьи и семейного консультирования : учебное пособие для вузов / О. Г. Прохорова. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 234 с.
6. Прудникова А.В. Динамика психологической структуры конфликтной компетентности подростков разных возрастных групп // Социальное и профессиональное становление

личности в эпоху больших вызовов: Междисциплинарный дискурс : сборник статей всероссийской конференции с международным участием / под науч. ред. И.Ю. Тархановой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. С. 198-203.

7. Солынин Н.Э., Шейнова Е.А. Взаимосвязь личностных особенностей подростков с типом межличностных отношений в группе // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Материалы VII Международной научно-практической конференции. 2015. С. 230-232.

УДК 159

Рыжкова Н.Р., Ледовская Т.В.

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗА ОТЦА НА ОБРАЗ БУДУЩЕГО СУПРУГА У ДЕВУШЕК ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

Аннотация: Статья посвящена проблеме выбора будущего супруга. Цель исследования - выявить влияние агрессивности образа отца на образ будущего супруга у девушек юношеского возраста. Был проведен теоретический анализ. Было предложено обобщенное определение термина «образ». По результатам исследования был сделан вывод, что агрессивность в образе отца влияет на авторитарность, эгоистичность, агрессивность, подчиняемость, дружелюбность, альтруистичность в образе будущего супруга и увеличивает ожидания проявлений родительских обязанностей.

Ключевые слова: отношения, семья, отец, юношеский возраст.

Ryzhkova N.R., Ledovskaya T.V.

THE INFLUENCE OF THE FATHER'S IMAGE ON THE IMAGE OF THE FUTURE SPOUSE IN ADOLESCENT GIRLS

Annotation. The article is devoted to the problem of choosing a future spouse. The purpose of the study is to identify the influence of the aggressiveness of the father's image on the image of the future spouse in adolescent girls. A theoretical analysis was carried out. A generalized definition of the term "image" was proposed. It was concluded that the aggressiveness of the image of the father affects the authoritarianism, selfishness, aggressiveness, subordination, friendliness, altruism of the image of the future spouse and increases the expectations of manifestations of parental responsibilities.

Keywords: relationships, family, father, adolescence.

Долгое время считалось, что именно мать оказывает ключевое влияние на взросление и становление личности девушки. Если обращаться к истории, то мы можем увидеть минимальное участие отца в воспитании дочек. До сих пор в обществе сохраняется эта тенденция.

Известно, что становление личности особенно интенсивно происходит в юношеском возрасте, который является важнейшим периодом для подготовки к семейной жизни и выбора супруга. Становление зрелых межличностных выборов в юности определяет характер будущих взаимодействий и является показателем успешности, социальной адаптированности личности. Из исследований А. Адлера, Э. Берна, И.В. Дубровиной, И.С. Кона, Р.В. Овчаровой, Н. Пезешкиана, З. Фрейда можно сделать выводы, что субъективные образы родителей оказывают наибольшее влияние на вступление в брак, распределение семейных обязанностей, восприятие себя и других, на формирование тех или иных черт личности и ее смысловых ориентиров.

Личный опыт взаимоотношений, полученный в родительской семье, оказывает влияние на проявление чувств по отношению к другим людям, представление о будущем спутнике жизни и о модели будущей семьи.

В современных исследованиях наблюдается стремление выявить особенности представлений о семье и эталоне будущего супруга в различные возрастные периоды (Захарова М.В., Каган

В.Е., Ляхович Н.В., Станиславская И.Г., Федотова Н.Ф., Шишкина О.В.). Выявлено, что в создании представлений об идеальном супруге роль принадлежит матери и отцу (Коростылева Л.А., Митина О.В., Петренко В.Ф.).

Проблема оценки образа будущего супруга у девушек оказалась наименее изученной в связи с отсутствием специальных исследований, касающихся феномена «отцовства». Исследование данной темы даст понимание основных механизмов выбора мужчин у девушек, непосредственно связанных с образом отца.

Существует много определений для понятия «образ», в данной работе под образом понимается форма отражения объекта, явления в сознании, формирующийся в процессе предметно-практической, чувственной, мыслительной активности и представляющий собой результат целостного, интегрального отражения окружающей действительности.

Формирования образа – это сложный разветвляющийся во времени процесс, который зависит от потребностей, мотивов, целей, установок, эмоций и опирается на личный опыт человека.

Как отмечают отечественные и зарубежные исследователи (Г.Г. Филиппова, Т. Белева, Е. Кричевская, И. Рыбалко, С. Матейчик и др.), взаимоотношения дочери с отцом в детские годы оказывают впоследствии влияние на развитие ее личности и специфику взаимоотношений с супругом.

Проблема: оказывает ли влияние агрессивность в образе отца на образ будущего супруга?

Цель исследования: определить влияние агрессивности в образе отца на образ будущего супруга. **Гипотеза:** на формирование образа будущего супруга оказывает влияние агрессивность образа отца

Для решения поставленных задач проверки гипотезы были использованы следующие **методы исследования:** *эмпирический метод* – психодиагностический: «Диагностика межличностных отношений» (Т. Лири), Опросник "Ролевые ожидания и притязания в браке" (РОП), Методика Р.Г. Овчаровой «Представ-

ления об идеальном родителе». *Методы обработки данных* – качественный и количественный анализ (критерий Колмогорова-Смирнова, F-критерий Фишера - Стьюдента).

Выборка составила 60 человек (девушки юношеского возраста от 16 до 25 лет) из которых 50 студентов ЯГПУ им. К. Д. Ушинского и 10 обучающихся школы №68 г. Ярославля.

Таблица 1

Влияние агрессивности образа отца на образ супруга

	F	Знач.
Авторитарность образа супруга	3,146	0,004**
Эгоистичность образа супруга	4,819	0,000***
Агрессивность образа супруга	2,470	0,018*
Подчиняемость образа супруга	3,999	0,000***
Дружелюбность образа супруга	6,588	0,000***
Альтруистичность образа супруга	3,773	0,001**
Ожидание проявления родительских обязанностей	2,171	0,036*

Таким образом «агрессивность в образе отца» влияет на образ будущего супруга по следующим показателям (таб.1):

«Авторитарность образа супруга» $F=3,146$ при $p \leq 0,01$, то есть, чем выше агрессивность образа отца, тем выше авторитарность образа супруга. Данное влияние можно объяснить частым проявлением авторитарности у агрессивных людей, в них есть склонность к доминированию и желанию добиваться своих целей агрессией. Скорее всего, у части девушек эти два качества сочетаются в отце, поэтому агрессивность отца влияет и на авторитарность будущего супруга.

«Эгоистичность образа супруга» $F= 4,819$ при $p \leq 0,001$ то есть, чем выше агрессивность образа отца, тем выше эгоистичность образа супруга. Агрессивный человек часто эгоистичен, ведь проявление агрессии – это чаще всего способ коммуникации с людьми, чтобы получить желаемое. Агрессивный отец, вряд ли задумывается о чувствах и состоянии членов семьи, реализовывая подобное поведение, иначе он бы этого не делал или пытался

найти другие способы. Мы можем сделать вывод, что эгоистичность так или иначе свойственна агрессивным людям, а значит, это качество могло сочетаться в отцах, отсюда мы видим влияние агрессивности образа отца на эгоистичность образа супруга.

«Агрессивность образа супруга» $F=2,470$ при $p \leq 0,05$, то есть, чем выше агрессивность образа отца, тем выше агрессивность образа супруга. Влияние агрессивности отца на агрессивность будущего супруга можно объяснить желанием девушки найти похожего мужчину на своего отца. Вполне возможно, что девушка уже привыкла к данной черте у папы и умеет с ней привычно взаимодействовать. Так же агрессивность может ассоциироваться с ролью защитника, который способен заступиться за спутницу и отстоять свою позицию. В глазах девушек это может быть очень привлекательная черта, которая опирается на пример отца.

«Подчиняемость образа супруга» $F= 3,999$ при $p \leq 0,001$ то есть, чем выше агрессивность образа отца, тем выше подчиняемость образа супруга. Подчиняемый человек характеризуется пассивностью, кроткостью, уступчивостью, что не скажешь про агрессивную личность. Агрессивный отец часто порождает страх девушки перед проявлением силы со стороны мужчин, поэтому она может искать для себя «безопасных» партнёров – подчиняемых, которые не смогут направить агрессию в её сторону.

«Дружелюбность образа супруга» $F= 6,588$ при $p \leq 0,001$ то есть, чем выше агрессивность образа отца, тем выше дружелюбность образа супруга.

«Альтруистичность образа супруга» $F= 3,773$ при $p \leq 0,001$ то есть, чем выше агрессивность образа отца, тем выше альтруистичность образа супруга. В случае с влиянием агрессивности образа отца на дружелюбность и альтруистичность, мы видим ту же самую причину, что и с влиянием на подчиняемость. Чем партнер дружелюбнее и эмпатичнее, тем меньше процент проявления агрессии в сторону других людей, словно девушка хочет видеть рядом человека эмоционально стабильного и «безопасного» для неё.

«Ожидание родительских обязанностей» $F= 2,171$ при $p \leq 0,05$ то есть, чем выше агрессивность образа отца, тем выше ожидания проявлений родительских обязанностей от супруга. Данную связь можно объяснить нехваткой данных проявлений у отца. Агрессивный отец, как правило, обладает раздражительностью, закрытостью, вспыльчивостью. Девочке могло не хватать эмоционального участия отца в её жизни, взрослении, интересах. Как правило, таких отцов дети боятся, так как никогда не понятно, что сейчас его выведет из себя или как он отреагирует на то или иное действие. В отношениях с агрессивным отцом у детей обычно большая эмоциональная дистанция. Чувствуя эту нехватку в отношениях со своим отцом, девушка хочет видеть рядом мужчину, который сможет выстраивать иные отношения с детьми, проявлять себя как заботливый отец и брать на себя обязанности по воспитанию.

Таким образом, наша гипотеза подтвердилась: агрессивность образа отца оказывает влияние на авторитарность, эгоистичность, агрессивность, подчиняемость, дружелюбность, альтруистичность образа будущего супруга и увеличивает ожидания проявлений родительских обязанностей.

Библиографический список

1. Карабанова О.А., Трофимова О.В. Роль родительской семьи в формировании образа будущей семьи // Современная российская семья: психологические проблемы и пути их решения: моногр. Астрахань, 2013. 110 с.
2. Бурлакова Н.С. Идентификация с отцовской фигурой как механизм развития самоидентичности ребенка // Семейная психология и семейная терапия. 2004. № 1. С. 54-76.
3. Березина Т. Н. Психические образы в структуре образной формы // Психология и психотехника. 2012. № 1. С. 13-25.
4. Андреева Т. В. Семейная психология: Учебное пособие. Санкт-Петербург : Речь, 2004. 244 с.
5. Айгумова З. И. Мотивация выбора супруга / З. И. Айгумова, В. Р. Айгунов. Москва: «Прометей» МПГУ, 2010. 216 с.

6. Гримсолтанова Р. Э. Методология восприятия вторичного образа // Северо-Кавказский психологический вестник. 2012. № 10/2. С. 43-46.

УДК 159

Савицкая Н. И.

РАБОТА ПСИХОЛОГА С РОДИТЕЛЯМИ, ВОСПИТЫВАЮЩИМИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема раннего выявления и предупреждения нарушения онтогенетического развития у детей, обусловленного тяжелыми нарушениями речи (ТНР), которое проявляется в нарушениях речевой и эмоционально-волевой сфер, а также непонимания и неприятия родителями особенностей у своих детей. Поэтому необходимо организовать психолого-педагогическое сопровождение семей, имеющих детей с ТНР, медицинскими специалистами, педагогом-психологом и логопедом, которые обучат родителей различным формам взаимодействия и правильной помощи своим детям.

Ключевые слова: дошкольный возраст, ограниченные возможности здоровья, тяжелые нарушения речи, способы воспитания, удовлетворенность жизнью и браком, стратегии совладающего поведения.

Savitskaya N. I.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PARENTS CARRYING OUT CHILDREN WITH DISABLED HEALTH

Annotation. The article deals with the problem of early detection and prevention of disorders of ontogenetic development in children caused by severe speech disorders (SDI), which manifests itself in disorders of speech and emotional-volitional spheres, as well as misunderstanding and rejection by parents of the characteristics of their children. Therefore, it is necessary to organize psychological and pedagogical support for families with children with SPD, medical specialists, a teacher-psychologist and a speech therapist who will teach parents various forms of interaction and proper assistance to their children.

Keywords: preschool age, disabilities, ways of education, life and marriage satisfaction, coping strategies.

Несмотря на стремительное развитие медицины, многие специалисты (И.В. Карпенкова, Е.А. Попова, В.В. Ткачева, Е.В. Хорошева, Л.М. Шипицына и др.) отмечают увеличение числа детей, имеющих те или иные проблемы со здоровьем (физическим и психическим). Основное бремя заботы о ребенке с ОВЗ (ограниченными возможностями здоровья) закономерно ложится на родителей, которые отмечают отсутствие структурированной информации о дефекте ребенка и недостаточно развитую психологическую службу в медицинских учреждениях [Карпенкова, 2001; Ткачева, 2008; Хорошева, 2010].

Для гармоничного развития ребенка, в том числе, оптимальной коррекции ограничений здоровья, большое значение имеет психологический микроклимат в семье. Семья является для ребёнка «амортизатором» всех социальных отношений, в которые он вступает. В связи с этим, повышение психологических ресурсов родителей, воспитывающих ребенка дошкольного возраста с ОВЗ является значимым фактором, повышающим успешность социализации ребенка. Подробное изучение психологических особенностей родителей, воспитывающих ребенка с ОВЗ, позволяет точнее выявлять «проблемные зоны» и соответственно разрабатывать наиболее эффективные способы психологической помощи семье [Куфтяк, 2012; Сергиенко, 2019; Ткачева, 2008].

В период с 2019 по 2020 год на базе ГБУЗ ЯО «Областной перинатальный центр», МДОУ «Детский сад №68» г. Ярославля проводилось исследование психологических особенностей семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья. Выборка исследования представлена двумя группами. Первую группу составили родители детей от 3 до 7 лет с ограниченными возможностями здоровья (детский церебральный паралич и тяжелое недоразвитие речи) в количестве 38 человек, вторую группу - родители детей того же возраста без ОВЗ - всего 35 человек. Возрастной диапазон опрошенных родителей - от 23 до 44 лет.

Для исследования психологических особенностей родителей дошкольников, имеющих ограниченные возможности здоровья, использовались: опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис), «Опросник способов совладания» (Р. Лазарус и С. Фолькман, в адаптации Т.Л. Крюковой), Шкала «Удовлетворенность жизнью» (Э. Динер) и Опросник удовлетворенности браком (В.В. Столин, Т.Л. Романова и Г.П. Бутенко).

Полученные в результате исследования данные свидетельствуют о наличии у родителей детей с ОВЗ (ДЦП и ТНР) снижения удовлетворенностью жизнью и браком, недостаточно оптимальном совладающем поведении. Даная семейная ситуация уменьшает реабилитационный потенциал семьи для развития ребенка с ОВЗ. Это в свою очередь повышает значимость оказания именно психологической помощи семье с ребенком, имеющим ОВЗ. [Савицкая. 2021]

На основании полученных данных разработана психолого-педагогическая программа для родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, а также рекомендации для родителей по формированию благоприятной атмосферы в семье с ребенком дошкольного возраста, имеющим ОВЗ.

В рамках реализации программы, на базе МДОУ «Детский сад №68» создана служба ранней помощи, целью которой является оказание психолого-педагогической помощи детям на раннем этапе развития, оказание помощи их семьям, в первую

очередь посредством развитой консультативной деятельности, подбор адекватных способов взаимодействия с ребенком, его воспитания и обучения, коррекция отклонений в развитии. Службой ранней помощи могут воспользоваться родители, дети которых не посещают дошкольное учреждение.

Также, на базе МДОУ «Детский сад №68» работает психолого-педагогический консилиум. Выявление детей, нуждающихся в создании специальных образовательных условий (СОУ), в том числе оценка их резервных возможностей развития, и подготовка рекомендаций по направлению их на ПМПК для определения СОУ, формы получения образования, образовательной программы, которую ребенок может освоить, форм и методов психолого-педагогической помощи, в том числе коррекции нарушений развития и социальной адаптации на основе специальных педагогических подходов по созданию специальных условий для получения образования.

С 2019 по 2021 годы, в рамках реализации психолого-педагогической программы для родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, нами было проконсультировано 75 семей, имеющих детей с различными вариантами отклонений в развитии, в том числе с диагнозом «тяжелые нарушения речи».

Для ребёнка речь - это способ познания мира, знакомства с ним; для будущего взрослого - возможности.

Именно поэтому наша первостепенная задача - создать максимально благоприятные условия для речевого развития.

Современные дети уже с раннего возраста умеют взаимодействовать с гаджетами. Гаджеты стали неотъемлемой частью жизни родителей, в телефоне может быть сосредоточены как рабочие процессы, так и обычная рутина.

Есть и другая сторона: например, двухлетний ребёнок может найти нужный мультфильм в интернете, но при этом затрудняется собрать матрешку, пирамидку. Родители, занятые гаджетами, все меньше эмоционально взаимодействуют и разговаривают со своими детьми. Мышление становится клиповым. Растет

количество детей, речь которых формируется с опозданием. Часто родители не понимают, что раннее обращение к грамотным специалистам поможет избежать многих проблем в развитии ребенка. Ждут, что ребенок вот-вот заговорит. Когда у ребенка в три года не появляется речь, родитель задает вопрос: «Что делать дальше?» Семья обращается к различным специалистам. Иногда родители ведут себя неадекватно, у них формируется потребительское отношение к любой помощи, считая, что все им должны помогать по первому их требованию. Многие родители в дальнейшем сосредотачивают свое внимание только на особенностях развития ребенка, а не на самом ребенке и тем более уж не на взаимоотношениях в семье. Воспитание в семье ребенка с ТНР часто происходит под чрезмерной опекой его близких. Родители чрезмерно переживают и беспокоятся за своего ребенка. Они часто испытывают чувство вины, разочарование из-за того, что не в силах изменить ситуацию. Но такая опека только вредит ребенку и не дает ему почувствовать потребность в деятельности и общении с окружающими. Зачастую родители не принимают особенности своего ребенка.

В рамках реализации программы психолого-педагогической помощи семьям, воспитывающими детей с ТНР в период 2020-2021 годы проведена комплексная работа по выявлению детей «группы риска» в развитии отклонений среди детей ясельных групп. Первоочередная роль в организации данной работы отводится психологу. Психолог активно участвует в подготовке детей к детскому саду, совместно с воспитателями проводит мероприятия по адаптации вновь поступивших детей, активно взаимодействует с родителями. По результатам наблюдений, мониторинга выявляются дети, нуждающихся в создании специальных образовательных условий.

Работа психолога с семьями детей особыми образовательными потребностями заключается, в первую очередь, с создания безопасной принимающей среды. Психолог изучает историю развития ребенка, семьи и ее влияние на проблемы ребенка. Для родителей, испытывающих чувства вины, стыда и страха создаются

условия для их отработки и принятия своего ребенка. Прорабатываются чувства родительской беспомощности, страхи за будущее ребенка.

Для создания благоприятной развивающей семейной среды родители участвуют в совместных играх с ребенком, организованных под руководством психолога. Игра – наиболее благоприятная среда для развития и общения ребенка, закрепления чувства родительской компетентности у родителя. Родители, ранее испытывающие сложности в организации игр для ребенка, получают позитивный опыт.

Семьям, воспитывающим детей с ограниченными возможностями здоровья, в первую очередь нужна психологическая помощь на приятные ситуации и ребенка таким какой он есть. Родителей особенных детей надо обязательно обучать общению и взаимодействию со своими детьми, в том числе, и в игре.

Библиографический список:

1. Жукова Т. В., Савицкая Н.И. Психологические особенности родителей дошкольников, имеющих ограниченные возможности здоровья // материалы 75-й Международной научной конференции «Чтения Ушинского». Ярославль: РИО ЯГПУ, 2021, УДК 159.9.07.
2. Карпенкова И. В. Ребенок с нарушениями в развитии в семье и социуме: по разные ли мы стороны? // Социальный конфликт. 2001. № 1. С. 82-86.
3. Куфтяк Е. В. Семейное совладание: концептуальные положения исследования // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 2. С. 16-30.
4. Савицкая Н. И. Особенности совладающего поведения родителей детей с ограниченными возможностями здоровья // материалы 75-й Международной научной конференции «Чтения Ушинского». Ярославль: РИО ЯГПУ, 2021, УДК 159.9.07.
5. Савицкая Н. И., Ковальская О. С. Особенности воспитания и совладающего поведения родителей детей с ограниченными возможностями здоровья // материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием

«Семья особого Ребенка». М: ФГБНУ коррекционной педагогики Российской академии образования, 2021.

6. Сергиенко А. И. Посттравматический рост и копинг-стратегии родителей детей с ограниченными возможностями здоровья // Консультативная психология и психотерапия. 2019 Т. 27 № 2 С. 8-26.

7. Ткачева В. В. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии. Москва: Просвещение, 2008. 240 с.

8. Хорошева Е. В. Сравнительное исследование семей, имеющих ребенка с нормативным и нарушенным развитием // Психологическая наука и образование. 2010. № 5. С. 52 -59.

УДК 159.9

Тимофеева О.А.

ЦЕННОСТИ СЕМЬИ У СТУДЕНТОВ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

Аннотация. В статье рассматривается проблема изучения ценностных ориентаций в современных условиях, направлен акцент на изучение семейных ценностей у студентов и представителей социэкономических профессий. Обосновывается идея о том, что для студентов и представителей социэкономических профессий счастливая семья, как ценность не является ведущей.

Ключевые слова: ценности семьи, студенты, представители социэкономических профессий.

Тимофеева О.А.

FAMILY VALUES OF STUDENTS AND REPRESENTATIVES OF SOCIONOMIC PROFESSIONS

Annotation. The article deals with the problem of studying value orientations in modern conditions, focusing on the study of family values among students and representatives of socio-economic professions. The idea is substantiated that for students and representatives of socio-economic professions a happy family, as a value, is not the leading one.

Key words: family values, students, representatives of socio-economic professions.

Общеизвестно, что структура потребностей, мотивов и целей, идеалов и убеждений является психологическим каркасом ценностей личности. Личностными смыслами всегда наполнена осознаваемая, интернализированная часть системы ценностей.

Ценностно-смысловые ориентации личности – это центральная позиция личности, которая влияет на множество аспектов ее жизнедеятельности, на направленность и содержание социальной активности, на образ себя и окружающего мира.

Исследованию ценностей и ценностных ориентаций личности посвящено

множество психологических работ. Изучением данного вопроса занимались различные исследователи в области психологии, философии, социологии.

В отечественной и зарубежной психологии изучением ценностей и ценностных ориентаций, в разные годы, занимались такие ученые, как Б. С. Братусь, В. А. Василенко, О. Г. Дробницкий, О. К. Здравомыслов, Е. А. Климов, Б. Ф. Ломов, А. Г. Маслоу, В. А. Ядов, В. Франкл [Братусь, 1985, 64 с.].

В работах отечественных психологов А. Г. Здравомыслова, В. А. Ядова, А. Г. Узнадзе ценностные ориентации рассматриваются в связи с такими понятиями, как установка, отношения и отражение [Серый, 1999, с. 192].

По мнению А. Г. Здравомыслова ценностные ориентации личности обладают регулятивной функцией, которая охватывает все уровни системы побудителей человека к активности. Автор утверждал, что ценностные ориентации представляют собой спо-

собы рационализации поведения и действие ценностной структуры распространяется на сознательные и подсознательные структуры [Серый, 1999, с.192].

Являясь важной составляющей личности, ценностные ориентации располагаются внутри более широкого понятия направленности личности. По мнению Б. Г. Ананьева, направленность личности объединяет доминирующие ценностные установки и ориентиры, которые находят отражение в поведении и деятельности человека [Аверин, 1999, с.180].

Ш. А. Надирашвили рассматривал ценностные ориентации с позиции регуляции волевых процессов личности. Автор описывает три уровня регуляции психической активности субъекта, которые участвуют в объективации социальных требований, и собственного Я. По мнению автора объективация внутреннего состояния и внешнего объекта позволяет сформировать определенную задачу, которая образует волевой процесс. Таким образом, волевая активность личности регулируется ценностными ориентациями [Серый, 1999, с. 192].

Ценности, выступающие в структуре личности в качестве приоритетов, являются центральными целями, которые определяют всю деятельность и поведение человека [Франкл, 1990, с. 368].

Однако, на вопрос каким образом социальные ценности включаются в структуру личности конкретного человека, авторы отвечают по-разному. Авторы психоаналитической теории утверждают, что человек становится полноценной личностью за счет принадлежности культуре. Родители в данном случае выступают в качестве первых значимых людей, которые транслируют ребенку морально-этические нормы той культуры, в которой он был рожден. Являясь значимыми для родителей, ценности становятся важными и для ребенка, который отождествляет себя со своими родителями и стремится им подражать. Таким образом, ребенок интериоризируя ценности, делает их достоянием собственной личности [Винникот, 1998, с. 80].

По мнению М. С. Яницкого каждая ценность индивидуальна по своей природе, так как именно человек, в личности которого данная ценность занимает важное место, определяет степень важности данной ценности. Автор подчеркивает, что ценности и ценностные ориентации личности являются производными от потребностей и интересов данной личности. А также во многом определяются вкусами, уровнем знаний, интересами, привычками, а также прочими индивидуальными особенностями человека [Серый, 1999, с. 192].

Культура задает систему ценностных представлений, регулирующих индивидуальное и социальное поведение человека, служит базой для постановки и осуществления познавательных, практических и личностных задач. Усвоение общечеловеческих ценностей происходит опосредованно, через «образ Я» индивида. «Образ Я», как и ценности, оказывают сильное влияние на поведение человека, его мотивацию, конкретные поступки и жизненный путь в целом.

Именно в юношеском возрасте вырабатываются ценностные ориентации (научно-теоретические, философские, нравственные, эстетические), в которых выявляется сущность человека. Складывается мировоззрение, как система обобщенных представлений о мире в целом, об окружающей действительности и других людях и самом себе. Формируется осознанное отношение к жизни, которое позволяет выйти на проблему смысла человеческой жизни [Андреева, 2001, с. 269]

Человек стремится обрести смысл и ощущает бездумность и бездуховность своего существования, если он не реализован.

Интерес к ценностным ориентациям личности, так и всего общества в целом, всегда возрастал на грани эпох, в кризисные, переломные моменты истории человечества, необходимость осмысления которых закономерно требовала обращения к проблеме этических ценностей. И наши нынешние реалии, наше время – время выбора, время серьезных испытаний. Как никогда ранее человечество стоит на пороге новой, пугающей и столь не-

предсказуемой реальности: экономический и политический вакуум, угроза жизни и здоровью, политические игры и войны. Перемены, происходящие сейчас в обществе, обуславливают необходимость принятия каждым человеком ответственности за свою судьбу, приводят к постепенному утверждению в общественном сознании новой системы ценностных ориентаций. Я и мир вокруг меня. Меняется моя реальность, меняюсь я сам, мое отношение к действительности. И, как неотъемлемая часть меня, меняется база убеждений, на чем человек выстроил свой внутренний мир, свою систему ценностей. В эпоху коронавируса и политической дестабилизации нарушаются базовые ценности в безопасности, находятся под угрозой и ценности семьи. И мы, люди, для того, чтобы не только выжить, но и сохранить здоровую психическую реальность, способность видеть мир вокруг созидающим и безопасным, вынуждены пересмотреть свои жизненные ценности и определить приоритеты.

Когда мир нестабилен, и базовая ценность в безопасности находится под угрозой, какие же ценности способны стать опорой и поддержкой нашему обществу. На чем мы можем строить свою жизнь? Где найти тот островок мира и защищенности. Возможно, это именно семейные ценности, то, где нас всегда принимают, где нас любят безусловно. Ведь принципы семейной системы базируются на любви, поддержке, заботе и благодарности.

В своем исследовании мы решили изучить насколько ценность семьи в контексте нынешней действительности, является ведущей ценностью у студентов и представителей социологических профессий.

Актуальность изучения влияния кризисных событий на особенности ценностных ориентаций представителей социологических профессий обусловлена тем, что в настоящее время существует острая необходимость в психологической поддержке и формированию психологической устойчивости в столь неопределенных травмирующих условиях действительности. Кроме того, согласованность Я-концепции, системы ценностей, отсутствие

конфликтов между ними влияют на внутреннее благополучие, реализацию возможностей личностного развития, следовательно, и на психическое здоровье человека.

На протяжении всей истории человечества семья оставалась наиболее устойчивым социальным институтом общества и являлась основной жизненной ценностью. В современном обществе она также продолжает сохранять немаловажное значение, являясь объектом исследования множества наук. Правда, следует отметить, что ее природа несколько изменилась вследствие усиления многогранности социальных связей и отношений. Так, философия рассматривает семью как важнейшую общечеловеческую ценность, жизненную среду, в которой условия существования самого сообщества людей соотнобразуются с высокой социальной, природной и духовной целесообразностью; психология - как малую социальную группу, устойчивость которой зависит от взаимоотношений ее членов; педагогика - как основной институт воспитания детей и подростков.

Мы считаем, что семья является уникальной ценностью. Она отличается от других социальных субъектов своей неоспоримой ролью в формировании значимых ценностных ориентаций, в ней формируется культурный смысл базовых витальных человеческих ценностей.

Было проведено исследование для уточнения *гипотезы* о том, что представители помогающих специальностей в своей профессиональной деятельности удовлетворяют потребности в общении, в поддержке, взаимодействии, принятии и помощи вне семьи. В ходе исследования проведена методика «Ценностные ориентации» М. Рокича на выборке из 114 респондентов (возраст 18-49 лет), представителей социномических профессий (38 студентов медицинского колледжа, 38 медицинских работников и лаборантов поликлиники, 38 студентов заочного отделения Института психологии БПУ).

Профессии социномического типа традиционно относятся к профессиям понимающего, помогающего, альтруистичного типа, взаимодействующего на уровне «человек-человек». Вместе с тем, осуществление профессиональной деятельности в

данной сфере требует определенных ракурсов в ценностных ориентациях и в приоритетах жизненных позиций.

Проведя сравнительный анализ семейных ценностей в 3-х группах студентов и представителей социономических профессий, мы получили следующие данные:

Счастливую семью, как ценность на 1-е место разместили только 10,52% студентов медицинского колледжа, на 2-е место – 5,26%, на 3-е место – 10,52% на 17-е место - 10,52%. У 13,5% медработников и лаборантов поликлиники **счастливая семья, как ценность** занимает 1-е место, 21,05% – 2-е место, 7,89% – 3-е место, 18,42% – 14-е место. Студенты заочного отделения Института психологии БГПУ распределили **счастливую семью, как ценность** следующим образом: 1-е место – 18,44%, 2 место – 13,15%, 3 место – 7,89%, 18 место – 5,26%.

Согласно полученным данным, мы пришли к выводу, что семья не является ведущей ценностью у студентов и представителей социономических профессий, что подтверждает гипотезу исследования. Проблема в создании семьи в связи со спецификой профессиональной деятельности, не ощущается студентами и представителями социономических профессий так остро, как у представителей других профессий.

Библиографический список:

1. Аверин В.А. Психология личности: учебное пособие для вузов. Санкт-Петербург : Издательство Михайлова В.А., 1999. 180 с.
2. Андреева Г.В. Зарубежная социальная психология XX столетия. Теоретические подходы: учебное пособие для вузов. Москва: Аспект-пресс, 2001. 269 с.
3. Братусь Б.С. Нравственное сознание личности. Москва: Знание, 1985. 364 с.
4. Винникот Д.В. Маленькие дети и их матери. Москва: Класс, 1998. 80 с.
5. Серый А.В. Ценностно-смысловая сфера личности. Кемерово: КемГУ, 1999. 192 с.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла. Москва: Прогресс, 1990. 368 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азарных Татьяна Дмитриевна, Российская Федерация, Воронеж, Воронежский государственный университет инженерных технологий, кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры философии и истории.

Афанасьева Дарья Валерьевна, Российская Федерация, Мытищи, Московский государственный областной университет, магистрант 1 курса кафедры психологического консультирования.

Волнухина Надежда Александровна, Российская Федерация, Ярославль, Ярославский государственный университет им. К.Д. Ушинского, магистрант 2 курса, педагог-психолог МУ «Детский дом «Чайка»

Горюнова Юлия Викторовна, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургское государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы», магистр психологии, ассистент кафедры общей и консультативной психологии

Дворникова Елена Викторовна, Российская Федерация, Ярославль, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий

Екимчик Ольга Александровна, Российская Федерация, Кострома, Костромской государственный университет, кафедра общей и социальной психологии, кандидат психологических наук, доцент

Ерофеева Анна Германовна, Российская Федерация, Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, специалист по учебно-методической работе Института педагогики и психологии.

Жукова Татьяна Вячеславовна, Российская Федерация, Ярославль, Ярославский государственный университет им. К.Д.

Ушинского, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогической психологии

Зверева Инна Ивановна, Российская Федерация, Калуга, Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение №82 «Чиполлино» города Калуги, кандидат психологических наук, заведующий.

Камакина Ольга Юрьевна, Российская Федерация, Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии начального обучения

Коваленко Наталья Александровна, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, Психологическая служба Академии психологии и педагогики, психолог.

Коваль Юлия Игоревна, Республика Беларусь, Минск, ГУО «Средняя школа №153 г. Минска», педагог-психолог.

Коновалова Александра Михайловна, Российская Федерация, Москва, Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики и медицинской психологии.

Корнеева Елена Николаевна, Российская Федерация, Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии.

Крюкова Татьяна Леонидовна, Российская Федерация, Кострома, Костромской государственный университет, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии

Куфтяк Елена Владимировна, Российская Федерация, Москва, РАНХиГС, МИП, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии факультета психологии, заведующая кафедрой возрастной и семейной психологии.

Лебедева Ксения Сергеевна, Российская Федерация, Ярославль, Ярославский государственный университет им. К.Д. Ушинского, магистрант 2 курса.

Ледовская Татьяна Витальевна, Российская Федерация, Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии.

Леонова Татьяна Игоревна, Российская Федерация, Рязань, Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова, лаборант кафедры общей и специальной психологии с курсом педагогики.

Лесин Александр Михайлович, Российская Федерация, Рязань, Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и специальной психологии с курсом педагогики.

Миринова Татьяна Олеговна, Российская Федерация, Москва, Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет), студент 5 курса специальности «Клиническая психология».

Мисиюк Юлия Викторовна, Российская Федерация, Кострома, Костромской государственный университет (КГУ), младший научный сотрудник

Морозова Зоя Андреевна, Российская Федерация, Кострома, Костромской государственный университет, магистрант

Нестерова Анастасия Олеговна, Российская Федерация, Ярославль, ГАУ ЯО «Дворец молодежи», педагог-психолог, магистрант 2 курса.

Нижегородцева Надежда Викторовна, Российская Федерация, Ярославль, Ярославский государственный университет им. К.Д. Ушинского, профессор, доктор психологических наук, заведующая кафедрой педагогической психологии.

Одинцова Оксана Юрьевна, г. Ярославль, Ярославский государственный медицинский университет, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики

Опекина Татьяна Петровна, Российская Федерация, Кострома, Костромской государственный университет, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии

Пакина Арина Наримановна, Российская Федерация, Ярославль, Ярославский государственный университет им. К.Д. Ушинского, магистрант 2 курса.

Панова Оксана Брониславовна, Российская Федерация, Вологда, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и педагогики

Покровская Светлана Евгеньевна, Республика Беларусь, Минск, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии образования и развития личности.

Прудникова Александра Владимировна, Российская Федерация, Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, старший преподаватель кафедры педагогической психологии.

Рыжкова Наталия Романовна, Российская Федерация, Ярославль, Ярославский государственный университет им. К.Д. Ушинского, магистрант 2 курса.

Савицкая Нина Ивановна, Российская Федерация, город Ярославль, МДОУ «Детский сад №68» города Ярославля, магистр ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, педагог-психолог

Силина Екатерина Анатольевна, Российская Федерация, Кострома, Костромской государственной университет, магистрант 1 курса специальности «Психология»

Солынин Никита Эдуардович, Российская Федерация, Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии

Тимофеева Оксана Александровна, Республика Беларусь, Минск, Институт психологии Белорусского государственного педагогического университета им. М.Танка, магистрант 1 курса

Шипова Наталья Сергеевна, Российская Федерация, Кострома, Костромской государственной университет, кафедра специальной педагогики и психологии, кандидат психологических наук, доцент

ABOUT AUTHORS

Afanasyeva Daria Valerievna, Russian Federation, Mytishchi, Moscow State Regional University, 1st year master's student of the Department of Psychological Counseling.

Azarnykh Tatyana Dmitrievna, Russian Federation, Voronezh, Voronezh State University of Engineering Technologies, Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and History.

Dvornikova Elena Viktorovna, Russian Federation, Yaroslavl, P.G. Demidova Yaroslavl State University, Ph.D.

Ekimchik Olga Aleksandrovna, Russian Federation, Kostroma, Kostroma State University, Department of General and Social Psychology, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

Erofeeva Anna Germanovna, Russian Federation, Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, specialist in educational and methodological work of the Institute of Pedagogy and Psychology.

Goryunova Yulia Viktorovna, Russian Federation, St. Petersburg, St. Petersburg State Educational Institution of Higher Professional Education "St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work," Master of Psychology, Assistant of the Department of General and Advisory Psychology

Kamakina Olga Yurievna, Russian Federation, Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Primary Education

Konovalova Alexandra Mikhailovna, Russian Federation, Moscow, First Moscow State Medical University named after I.M. Sechenov Ministry of Health of Russia (Sechenov University), Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Department of Pedagogy and Medical Psychology.

Korneeva Elena Nikolaevna, Russian Federation, Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, candidate of psychological sciences, associate professor of the Department of General and Social Psychology.

Koval Julia Igorevna, Republic of Belarus, Minsk, State Educational Institution "Secondary School No. 153 of Minsk," teacher-psychologist.

Kovalenko Natalya Aleksandrovna, Russian Federation, Rostov-on-Don, Southern Federal University, Psychological Service of the Academy of Psychology and Pedagogy, psychologist.

Kryukova Tatyana Leonidovna, Russian Federation, Kostroma, Kostroma State University, professor, doctor of psychological sciences, professor of the department of general and social psychology

Kuftyak Elena Vladimirovna, Russian Federation, Moscow, RANEPa, MIP, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor, Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Head of the Department of Age and Family Psychology.

Lebedeva Ksenia Sergeevna, Russian Federation, Yaroslavl, Yaroslavl State University named after K.D. Ushinsky, 2nd year master's student.

Ledovskaya Tatyana Vitalievna, Russian Federation, Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, candidate of psychological sciences, associate professor of the Department of Pedagogical Psychology.

Leonova Tatyana Igorevna, Russian Federation, Ryazan, Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlov, laboratory assistant of the Department of General and Special Psychology with a course in pedagogy.

Lesin Alexander Mikhailovich, Russian Federation, Ryazan, Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlov, candidate of psychological sciences, associate professor of the Department of General and Special Psychology with a course in pedagogy.

Mironova Tatyana Olegovna, Russian Federation, Moscow, Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of Russia (Sechenov University), 5th year student with a degree in Clinical Psychology.

Misiyuk Yulia Viktorovna, Russian Federation, Kostroma, Kostroma State University (KSU), Junior Researcher

Morozova Zoya Andreevna, Russian Federation, Kostroma, Kostroma State University, master's student

Nesterova Anastasia Olegovna, Russian Federation, Yaroslavl, GAU NPO "Palace of Youth," teacher-psychologist, 2nd year master's student.

Nizhegorodtseva Nadezhda Viktorovna, Russian Federation, Yaroslavl, Yaroslavl State University named after K.D. Ushinsky, professor, doctor of psychological sciences, head of the department of pedagogical psychology.

Odintsova Oksana Yurievna, Yaroslavl, Yaroslavl State Medical University, Senior Lecturer, Department of Psychology and Pedagogy

Opekina Tatyana Petrovna, Russian Federation, Kostroma, Kostroma State University, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogical Psychology

Pakina Arina Narimanovna, Russian Federation, Yaroslavl, Yaroslavl State University named after K.D. Ushinsky, 2nd year master's student.

Panova Oksana Bronislavovna, Russian Federation, Vologda, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Pedagogy

Pokrovskaya Svetlana Evgenievna, Republic of Belarus, Minsk, Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University, candidate of psychological sciences, associate professor, associate professor of the department of psychology of education and personal development.

Prudnikova Alexandra Vladimirovna, Russian Federation, Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, senior lecturer at the Department of Pedagogical Psychology.

Ryzhkova Natalia Romanovna, Russian Federation, Yaroslavl, Yaroslavl State University named after K.D. Ushinsky, 2nd year master's student.

Savitskaya Nina Ivanovna, Russian Federation, the city of Yaroslavl, MDOU "Kindergarten No. 68" of the city of Yaroslavl, Master of the YAGPU named after K.D. Ushinsky, teacher-psychologist

Shipova Natalya Sergeevna, Russian Federation, Kostroma, Kostroma State University, Department of Special Pedagogy and Psychology, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

Silina Ekaterina Anatolyevna, Russian Federation, Kostroma, Kostroma State University, 1st year master's student in Psychology

Solynin Nikita Eduardovich, Russian Federation, Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Ph.D.

Timofeeva Oksana Aleksandrovna, Republic of Belarus, Minsk, Institute of Psychology, M. Tanka Belarusian State Pedagogical University, 1st year master's student

Volnukhina Nadezhda Aleksandrovna, Russian Federation, Yaroslavl, Yaroslavl State University named after K.D. Ushinsky, 2nd year master's student, teacher-psychologist of MU "Children's House" Chaika "

Zhukova Tatyana Vyacheslavovna, Russian Federation, Yaroslavl, Yaroslavl State University named after K.D. Ushinsky, Ph.D.

Zvereva Inna Ivanovna, Russian Federation, Kaluga, Municipal Budgetary Preschool Educational Institution No. 82 "Chipollino" of the city of Kaluga, Candidate of Psychological Sciences, Head.

Научное издание

**Актуальные проблемы психологии образования
Выпуск XIII
Психологическое сопровождение современной семьи**

Сборник научных материалов

Научный редактор
Надежда Викторовна Нижегородцева,
доктор психологических наук, профессор

Материалы публикуются в авторской редакции.
Технический редактор выпускных сведений С.А. Сосновцева
Компьютерная вёрстка – Т.В. Ледовская

Картинка для обложки взята с сайта
https://funart.pro/uploads/posts/2021-04/1618512585_25-funart_pro-p-obo-i-fon-tsennosti-zhizni-27.jpg

Подписано в печать 14.09.2022
Формат 60x92 1/16
15,25 п. л. Тираж 100 экз. **Заказ №** _____

Издано в ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(РПО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1